

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

**Андрей
Дугинец**

«За голову Михаила Черного — 10 000 оккупационных марок!»

Это было напечатано огромными черными, далеко видимыми буквами. А ниже мелким текстом шло объяснение, кто такой Михаил Черный и почему так дорого ценится его голова.

Большая серая бумажка эта была намертво прилеплена к

**ИСКРЫ
ПОД
ПЕПЛОМ**

стенке пустого, покинутого хозяином дома на отшибе села, в которое решились наконец зайти партизаны после пятидневного путешествия по воде и глухим лесным тропам.

МУЖЕСТВО

АНДРЕЙ ДУГИНЕЦ

**ИСКРЫ
ПОД
ПЕПЛОМ**

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1970

P2
Д80

••

СЫН СТЕПЕЙ

ТРАГЕДИЯ

НИЩЕГО ДУХОМ

ПАРУС

НА ЖЕЛЕЗНОЙ

ДОРОГЕ

Пепелище было залито недавно прошедшим дождем, и Михаил никак не мог догадаться, когда здесь горел костер. Если дня два назад, то не осталось, конечно, никаких признаков жизни. А если вчера или сегодня утром, то, может быть, еще где-то под золой таится тлеющий уголек.

Подумав об этом, он копнул носком облупившегося кирзового сапога. Мокрая зола поддалась легко. Наружу выкатились крупные черные угольки.

Ясно! Дождь залил костер, когда еще был сильный огонь. Иначе угольки перегорели бы и зола стала бы мелкой, сыпучей.

Несмотря на смертельную усталость, Михаил не поленился присесть и сухой хворостинкой начал ковыряться в пепелище.

И вдруг из-под палочки пыхнула сухая зола. Михаил приложил руку, зола теплая. Скрюченными от холода пальцами он быстро, по-волчьи начал разгребать золу.

— Миша, чего ты там? — слышался слабый голос из кустарника, окружавшего большую развесистую березу. — Неужели надеешься найти картошку?

Михаил ничего не ответил, продолжая лихорадочно шарить по разворошенному пепелищу. И вдруг отдернул руку: нащупал горячий уголек. И тут же нашарил второй. Положил их рядом и, закрывшись плащ-палаткой, начал дуть. Между угольками в темноте сверкнула желтая искорка. Вторая... Загородив ладонями угольки, стал дуть сильнее.

— Товарищ командир! Живем! — в радостном волнении закричал Михаил, прикрывая драгоценную находку, уже обжигавшую ему и руки и лицо. — Березовой корочки бы! Отдерите, киньте, а то угаснет, если отойду.

— Неужели огонь? — удивленно спросил лежавший под березой худой, изможденный человек. — Я сейчас. Не отходи. Я притащу...

Он с огромным трудом повернулся на правый бок, ближе к дереву, и начал сдирать кору. Но, убедившись, что толстая кора уже немолодой березы не поддается его ослабевшим пальцам, он зубами прогрыз бороздку и начал одно за другим сдирать розовато-белые кольца бересты... Зажав свою добычу в кулаке, он пополз к очагу.

Идти он не мог. Михаил тащил его сюда на себе.

Командир полз с трудом, волоча совершенно беспомощную, разбухшую, как затонувшее бревно, правую ногу.

— Миша, вот! Сейчас еще хворосту насобираю. — Он сунул пучок бересты в протянутую руку товарища, который распластался над огнем, как наседка над цыплятами.

Командир снова уполз к березе и начал собирать сучки, которые обычно быстро сохнут и хорошо горят. Сучочки были маленькие, чуть толще спички. Но именно такие и нужны для растопки.

...Больше недели командир развеянного в неравной схватке с фашистами стрелкового полка Стародуб и младший лейтенант, которого командир звал просто Мишей, пробирались по глухому белорусскому лесу. Ни хлеба, ни лекарств. Командир был ранен осколком в бедро. Но даже воды нельзя было вскипятить, чтобы промыть рану, — оба оказались некурящими, и у них не было спичек.

Вот почему они так обрадовались возможности развести костер.

Набрав за пазуху сучков, зажав под мышкой большую сухую ветку, Стародуб опять подполз к очагу.

Михаил, полулежа, потихоньку и методически дул на угли, от которых уже тянулась сизая, необычайно веселая струйка дыма.

«Да, истинный сын степей! — тепло подумал Стародуб о своем спутнике, уроженце Калмыкии. — Городской человек и не глянул бы на это безнадежно залитое дождем пепелище. А он вернул его к жизни!»

Сняв с ремня командира котелок и больше не заботясь о костре, который пламени еще не дал, но дымил все сильнее и сильнее, Михаил быстро пошел к ручью, след которого отчетливо обозначался высокой сочно-зеленой осокой и рогозом у опушки леса. И только он отошел, дымок вдруг пожелтел, напыжился и ударил бойким голубоватым огоньком. Потом огонь стал красным. И костер затрещал весело и победно.

Уже совсем стемнело, когда отмыли, обложили при-

вяленным подорожником рану и снова забинтовали остатком рукава нижней рубашки.

Во тьме костер пылал жарче и уверенней. Он потрескивал, шипел, недовольно пофыркивал.

— Костер скулит, как мой желудок, — нашел в себе силы пошутить Михаил. — Брось кусок мяса, сразу успокоится.

— Не дразни! — сказал командир.

Бросить в голодающий костер было нечего. Картофельное поле они видели только издали, да и то еще позавчера. Дичи на пути не попадалось, не оказалось и рыбы в ручье, сколько Михаил ни бродил с гимнастической, завязанной на воротнике. А он отличный рыбак. Но это там, на родине. По тем же правилам он пытался ловить и здесь, не зная, что вьюн, главная рыба здешних ручейков и речушек, не плавает в воде, а прячется под корягами да зарывается в мягкую тину. И это не просто рыба, а второй после картошки дополнительный хлеб жителей этих мест.

— Товарищ командир, разрешите мне сходить в село, добыть еды, — попросился Михаил.

— В село опасно. Там могут быть немцы.

— Ну, на тот хутор, что обходили позавчера.

— Но это ж далеко.

— Вдвоем далеко. А один я за три часа доберусь.

— Да, это верно, — согласился Стародуб. — Тогда спи. Набирайся сил. А на зорьке я тебя разбужу.

Михаил почистил пистолет и подал было его Стародубу. Но тот отказался.

— Зачем он мне! Тебе он там может очень пригодиться. А мне ни к чему. Я тут заберусь в кусты и буду отсыпаться.

Михаил наносил большую кучу хвороста, в костер

бросил головешку, чтоб тлело до самого утра, лег и уснул сразу, как по команде.

«И друг степей калмык...»

Почему-то стихами подумал Стародуб, глядя на успевшего спутника. Потом он долго смотрел на багрово-черное от пожаров небо в той стороне, куда с грохотом ушла война.

— Огонь! Бей! Бей! Гранаты! Вперед! — вдруг закричал во сне Михаил.

Стародуб, намочив пальцы в котелке с холодной водой, приложил руку ко лбу спящего. Тот облегченно застонал и успокоился.

Подбросив хвороста в притухающий костер, Стародуб начал вспоминать свой путь с этим юношей, которого месяц назад совершенно не знал.

...В колонне пленных он шел двое суток, но не запомнил ни одного лица. Да лиц там и не было. Там мельтешили бинты, повязки, пропитанные кровью и почерневшие от пыли, синяки и кровоподтеки. У одного была замотана вся голова, и глаза могли смотреть только вниз, под ноги. У другого завязаны глаз и ухо, а на шее болталось что-то черное, похожее на старый, засаленный хомут. У третьего сквозь тряпье чуть поблескивал единственный глаз. Один вид этих людей говорил о том, что в плен попали они в горячем бою, после тяжелого ранения. И только этот коренастый и черный, как обожженный зноем дубок, совсем еще юный калмык был цел и невредим. Он пытался вытащить с поля боя раненого, незнакомого ему командира полка, и обоих схватили фашисты.

Много раз пленный полковник советовал Михаилу бежать.

Но тот отвечал всегда одно и то же:

— Бежать только вместе!

А как мог убежать Стародуб, если он и шагом-то шел с огромным трудом!

Широкая, выложенная булыжником дорога вошла в старый смешанный лес, который так и мапил в свою густую зеленую прохладу. Сразу же немцы приказали пленным сомкнуться, взяться за руки и никого не выпускать из широкой, в восемь человек, шеренги. Если из шеренги убежит один, будет расстреляна вся шеренга.

Страшный, неумолимый приказ. И все же, только втянувшись в лес, из колонны то там, то тут начали убежать. После первого расстрела заложников азарт побега охватил всех.

Свежий, прохладный лесной ветерок казался дыханием самой свободы, которое обновляло силы и окрыляло, несмотря на беспощадную расправу конвоиров.

Вот из шеренги впереди Стародуба вырвался высокий парень с обвислой рукой и забинтованной головой. Он пронесся прямо за спиной конвоира. Немец, услышав его топот, обернулся, вскинул винтовку. Но было уже поздно — густая темно-зеленая листва ольшаника сомкнулась за плечами беглеца, словно злорадствуя, громко зашелестела и будто засмеялась в лицо чужеземцу. Но мало того, что немец не попал в убежавшего. Пока он расстреливал патроны вслед ему, вся обреченная на жестокую расправу семерка бросилась в лес. За нею в полном составе последовала и еще одна восьмерка.

— Шестнадцать человек спаслись! — радостно воскликнул Стародуб и толкнул Михаила. — Беги в другую сторону. Беги!

— Только вместе! — холодно возразил Михаил.

— Беги, дурень! Мне все равно погибать, а ты на воле еще убьешь не одного фашиста! Беги! Я тебе приказываю!

— Мы оба убежим. Я чувствую. Понимаете? Всем телом чувствую, что сегодня убежим. Такое ощущение у меня было всегда, когда я перед спектаклем входил в роль. И оно никогда меня не обманывало!

— Фантазер! — сказал со злобой, словно выругался, Стародуб. — Это тебе не театр! Здесь другие законы...

Но тут внимание обоих привлекла трагедия, разыгравшаяся на пути к лесу, трагедия, которая многим запала в душу на всю жизнь. Печальная, постыдная трагедия нищего духом...

Увидев целую толпу бегущих в лес пленных, конвоир лихорадочно начал перезаряжать винтовку. Но, чувствуя, что выстрелить ни в одну из убегающих целей уже не успеет — канут они в лес, как в воду! — он кинулся вслед за беглецами. И на этот раз ему повезло, он почти догнал маленького, совсем заморенного человека, в солдатских штанах, в серенькой гражданской сорочке нараспашку. Бедняга, по сути, не бежал, а сменял мелкой старческой рысцой, хотя с виду был совсем молодым.

Рассвирепевший от прежних неудач конвоир решил, если не застрелить, то заколоть незадачливого беглеца штыком.

Все время оглядывавшийся беглец, угадав намерение своего преследователя, понял, что убежать не удастся. Он решил вернуться назад и тем умиловить фашиста. Остановившись, он начал истошно, как в церк-

ви, креститься и высоким фальцетом в истерике кричать:

— Я сын попа! Я сын попа!

Сжимая винтовку, немец бежал прямо на него. Остро сверкающий штык был твердо нацелен в грудь.

Видя неминуемую гибель, беглец упал на колени и во весь голос заорал:

— Я сы-ын...

Немец со всего разбега вонзил штык в грудь, повернув его.

— Уж если умирать, то так, чтоб потом никому за тебя стыдно не было! — воскликнул Стародуб.

И никто не знал, даже Миша, что сам Стародуб думал теперь только о смерти, смерти достойной, такой, которая хотя бы одного из товарищей вернула к жизни, к борьбе.

И может быть, только поэтому не умер тогда в дороге Стародуб. С помощью Михаила и другого товарища, шедшего слева, он дотащился до городка, за которым колонну ожидал еще пустой, только что оборудованный лагерь.

Раньше здесь, видимо, была конюшня для беговых лошадей. Два длинных деревянных помещения, крытых цинком, и огромный двор, обнесенный высоким дощатым забором. Немцы поверх забора пропустили колючую проволоку, а по четырем углам соорудили вышки, с которых уже смотрели вниз тупорылые морды пулеметов. На середине двора что-то дымилось.

— Отсюда не убежишь! — обреченно сказал Стародуб, когда они вошли в широко и алчно, словно звериная пасть, раскрытые ворота, по обеим сторонам которых стояли группы автоматчиков с дубинками в руках. — Так что зря ты надеялся, Миша...

Михаил молчал. Он и сам начинал бояться, что ошибся в своих предчувствиях.

В середине двора среди дыма теперь видны были поставленные на попа бочки из-под бензина, под которыми горели дрова. На столбе возле этой импровизированной кухни хрипел, словно пробовал отсыревший голос, громкоговоритель.

— Смотри, как нас шикарно встречают! Жаркое готовят! — заметил сосед Стародуба.

— Может, и правда на работы пошлют, — более серьезно добавил другой.

По радио объявили, что сейчас будет роздана каша каждому в его котелок. У кого нет котелка, подставляй головной убор или отходи, не задерживай других. На обед отведено пятнадцать минут. К котлам подходить четырьмя колоннами, строго по порядку.

Пока шло это разъяснение, измученные жаждой люди, оставшиеся без конвоиров, бросились к колодцам, которых тут было четыре, по два возле каждой колючки.

Но у фашистов была узаконенная на всех этапах попытка — не давать пленным воды. По приказу того же громкоговорителя конвойные, закутившие в стороне, бросились отгонять пленных от колодца. Обозленные на них за то, что им не дали отдохнуть, немцы орудовали прикладами направо и налево, словно в жестоком бою. Десятками люди валились замертво, но давка вокруг колодцев все возрастала: люди не пили целый день.

Поднялась стрельба, свист, обрывистая немецкая брань.

— Наше время! — как команду, бросил Михаил и

потянул Стародуба за угол конюшни, где не было ни своих, ни немцев. — Сейчас или никогда!

Стародуб с опаской посмотрел на вышки с пулеметами, направленными на лагерь.

— Сергей Петрович, крепче держитесь за меня! Скорее! — нетерпеливо шептал Михаил. — С вышек смотрят не на нас. Они любят тем, что происходит возле котлов и у колодцев. Видите, как хохочут эти сытые морды!

Стародуб пристальнее посмотрел на одну и другую вышки и понял, что Михаил прав. Пулеметчики сидели, свесив ноги, и, приставив к глазам бинокли, словно в цирке, смотрели на середину двора.

За углом конюшни Михаил посадил Стародуба к стенке и, схватив какую-то палку, подлез к забору из толстых досок высотой в полтора человеческих роста. Прильнув к черной земле, заросшей бурьяном, он начал подкапываться под забор. Стародуб не вытерпел безделья, подполз и стал руками выгребать из норы землю, которая, на счастье, оказалась мягкой, обильно унавоженной.

Сзади не смолкали крики, свист, рев, стрельба. Там страдания, муки, там смерть. А здесь надежда, здесь путь к свободе.

Руки работали все быстрее и ловчей. А спина и затылок леденели от ужаса. Хотелось оглянуться. Некогда: каждый взмах руки приближал свободу.

Еще немного! Еще!

Но по ком это жарят пулеметы?! Может, заметили подкоп?

Беглецы еще ниже припадают к земле, маскируясь в бурьяне, и роят, роят, роят!

— Товарищ командир, попробуйте! — вылезая из норы, весь мокрый от пота, сказал Михаил. — Если вы пролезете, то и я...

Стародуб полез в нору, толкнул головой в тонкий слой дерна и вдруг в глаза ему ударило солнце. Яркое, вечернее солнце. Такое яркое, какого он никогда не видывал ни до, ни после того дня. Да никогда оно больше и не покажется ему таким, потому что это было первое солнце свободы!

Михаил проскочил следом легко и свободно. Подхватив командира под руку, он повел его вдоль ограды.

— Правильно делаешь, что сразу не берешь в сторону! — одобрил Стародуб. — Раз не стреляют, значит еще не заметили. А после заметят, пусть, сволочи, думают, что мы местные жители и просто идем куда нам надо. Давай, однако, помаленьку отдаляться от этого лагеря ужасов.

Укрыться здесь было абсолютно негде. За оградой простиралось огромное поле, поросшее чахлой травой. Ни кустарника, ни деревца. Здесь даже ползком не скроешься. Уж лучше идти прямо, надеясь на всемогущее русское авось.

В полукилометре от лагеря проходила высокая железнодорожная насыпь. Впереди и справа белели дома городской окраины. В кювете между крайним домом и железной дорогой мужик в старой, потерявшей цвет шляпе пас корову, держа ее за налыгач. Михаил обратился было к нему с вопросом, есть ли немцы за железной дорогой и далеко ли до леса. Но мужик, вероятно видевший их побег с самого начала, отвернулся и быстро потащил свою коровенку прочь.

— Бойтся стать свидетелем, — заметил Стародуб с горечью.

Беглецы спустились в кювет и решили идти по нему, пока будет возможно. И вдруг на железной дороге оба сразу увидели девушку в белом платье. В первое мгновение они даже растерялись: она появилась неожиданно, словно парус, выскочивший из-за острова.

— Ребятки, ребятки, мне вас жалко, — заговорила незнакомка с акцентом. — Вас все равно спугают...

— Нет, девушка, теперь не поймают! — горячо ответил Михаил и молитвенно приложил руки к груди. — Только вы нас не выдавайте!

— Что ви! Что ви! — как от пощечины, отшатнулась девушка. — Я полька, но училась с русскими девчёнками, даже хотела стать комсомолкой, да не хватило одного месяца.

— Скажите, пожалуйста, а немцев на той стороне дороги нету? — спросил Стародуб.

— Всюду, всюду много! Хотите, я пойду с вами, — предложила она, готовая спуститься в кювет.

— Нет, нет! — возразил Стародуб. — Если уж хотите нам помочь, то идите по насыпи и предупреждайте об опасности.

И девушка не спеша, словно прогуливаясь, пошла по шпалам. Она даже запела какую-то беззаботную песенку. А беглецы ускорили шаг.

Раненая нога Стародуба, натертая за долгую дорогу, одеревенела, распухла и почти не сгибалась. Но он, собирая все силы, старался как можно меньше опираться на плечо Михаила, чтоб не утомить друга. Михаил это чувствовал и, наоборот, подставлял свое плечо, как костыль, на который можно опираться смело и не жалеючи.

Вдруг Михаил настороженно прислушался и спросил девушку, кто это там играет, что за музыка.

— Это не немцы! — И девушка пренебрежительно махнула рукой в сторону, откуда доносилась развеселая музыка. — То наши соседи свадьбу устроили.

— Свадьбу? — Стародуб даже остановился. — В такое время свадьбу? Да кто ж они такие, черт подери!

— До войны были люди как люди, — девушка сокрушенно развела руками, — а теперь сразу разбогатели, лавку свою открыли. С их дочкой я училась в одном классе. А как пруссаки пришли, перестала меня узнавать. Такая стала...

— Да-а... — только и сказал Стародуб.

Молча миновали несколько домов, подступивших к кювету. За ними путь сворачивал от городка. Впереди на пригорке километрах в двух показался березняк, за который быстро спускалось солнце. Лесок небольшой, а солнце огромное, раскаленное докрасна. Было страшно, что оно сожжет этот лесок в одно мгновение и беглецам будет негде укрыться.

Вдруг девушка спустилась с насыпи и, краснея, словно в чем-то провинилась, отдала Михаилу черную корочку хлеба, случайно оказавшуюся в кармане платья.

— У меня больше ничего нету. Если бы дом был близко, я принесла бы. А хотите, подождите меня в лесочке, я принесу.

— Милая девушка, спасибо тебе! — дрогнувшим голосом сказал Стародуб. — Возвращайся домой, чтоб тебя не заподозрили.

Но та, казалось, ничего не слышала. Она с состраданием смотрела на то, как Михаил делил ее корочку, как старался разломить ее точно пополам. Половинки, однако, получились неравными. Большую он отдал това-

рищу, а меньшую тут же бросил в рот и, кажется, не жуя проглотил. Потом нагнулся, поднял одному ему видимую крошку и тоже отправил в рот.

Глядя на это, девушка заговорила сквозь слезы:

— Я принесу, принесу вам хлеба! Так же нельзя! Вы умрете от голода! Ждите в лесочке! — И пустилась в обратный путь по кювету.

— Девушка, стой! — строгим голосом остановил ее Стародуб. — Мы верим тебе. И рады были бы твоей помощи. Но тебя могут выследить. Пропадешь ты из-за нас. Иди. Иди, милая! Мы и так тебя никогда не забудем.

Девушка молча и неохотно поднялась на насыпь. Долго смотрела она вслед уходящим беглецам. Губы ее шевелились, но было неясно, напевала она песенку, с которой провожала их, или молилась, несмотря на то, что готовилась стать комсомолкой. Или просто шептала что-то доброе, напутственное. Кто знает? А только ее добротой остались живы беглецы тем поздним августовским вечером тысяча девятьсот сорок первого года.

МИШКА ЧЕРНЫЙ

КОНОКРАД

1068332

Михаил сидел в клуне на ворохе свеженамолоченного жита и жадно ел еще теплое, пахнущее прелью обмолота зерно.

Хозяин, опершись на черенок цепа, пристально смотрел на пришельца и выпрашивал, как за душу тянул, кто он, да откуда, и почему такой голодный.

Гость отвечал коротко и односложно. Он мучительно думал, что ему делать. Идти на другой, более зажиточный хутор? Что выпросишь у этого ходячего скелета? Он сам еле на ногах держится. Невроятно, как это он столько зерна намолотил. Уж такой худой, тонконогий! Да и домишко у него на честном слове держится, вот-вот опрокинется в болото под тяжестью огромного аистинного гнезда.

Из ольшаника за домом показалась корова, вторая, третья. И целое стадо вошло во двор. Михаил насчитал двадцать шесть коров и восемь подтелков. Их пригнал мальчишка лет двенадцати.

— А что, деревня рядом? — тревожно спросил он у тонконогого хозяина.

— Три километра, — ответил тот.

— Это оттуда стадо, из села?

— Зачем? — сдвинув плечи, удивленно переспросил хуторянин. — То мои коровы. Колхоз мы распустили, как только новая власть пришла, а скот поделили. А как я пострадавший от большевиков, мне досталось на пару голов больше.

Михаил перестал есть, пристально посмотрел на хозяина. Значит, он не от голодухи тощий, а просто таким клячим уродился? Но чем же он пострадал от большевиков?

Вопрос этот Михаил не успел задать. «Пострадавший» сам на него ответил:

— Кулачили меня ваши. Все забрали. И самого в Сибирь загнали бы, если бы не добрые люди... — Хозяин закурил, не предлагая Михаилу, и, откашлявшись, продолжал: — С панами я как-то умел ладить. Первейшим хозяином в округе считался. Сам ясный пан по праздникам в гости меня звал. А в тридцать девятом, когда пришли Советы, меня сразу в кулаки записали. Дом был крестовый — под больницу взяли. Два года вот тут жил по-волчьи... Ну да я за свое добро еще поживаюсь... — Он грозился, казалось, самому Михаилу как представителю обидчиков.

Вбежал мальчишка. Шустрый, веселый, полненький. Прямая противоположность отцу. На плече его висел кнут, конец которого длинной серой змеей волочился по земле.

Михаил засмотрелся на мальчугана, чем-то напоминавшего ему собственное детство. Вот так же босиком,

с кнутом через плечо он пас когда-то овец. Только не своих, а соседских.

— Я тут без тебя обойдусь, — хмуро сказал хозяин сыну. — Ты лучше позови Грысюка, он обещал помочь молотить.

Мальчуган подозрительно зыркнул на гостя и убежал.

Михаил не заметил, как во время разговора хозяин повел бровью в сторону гостя и как сын воспринял этот знак. Не обратил пришелец внимания и на то, что в щели клуни мелькнул белый конь, которого он видел по дороге на хутор. Теперь этот конь ушел в лесок. Сам он ушел, или кто-то его увел, Михаил не заметил. До села далеко. Хозяин безоружный, а у Михаила в кармане пистолет.

Узнав, с кем имеет дело, Михаил решил попросить еды и уходить, а если не даст добром, то и потребовать — не пропадать же командиру от голода.

Хозяин словно понял перемену в настроении своего гостя, присел у ворот на снопах и приказал хозяйке наварить картошки для прохожего.

Михаил облегченно вздохнул и стал охотней беседовать.

— Молотить не умеешь? — спросил хуторянин.

— Таким допотопным способом не приходилось, — ответил Михаил. — У нас в Калмыкии теперь комбайны, как корабли по морю, плавают по степи. Степь у нас ровная, есть где разгуляться...

— А мы вот все делали допотопным способом и хлеб ели... А Советы пришли — все под метлу: и допотопный способ, и хлебушек, и, нас самих! — хмурясь промолвил хозяин. — Ну, а ты что умеешь делать?

— Да кое-что умею, — ответил Михаил, уже учуяв-

ший запах картофельного пара и окончательно потерявший бдительность.

И все же он вскоре расслышал какой-то странный шорох за клуней. Насторожился. Подумал, что надо бы выйти из клуни... Но не успел встать: к воротам сразу с двух сторон подкатили два велосипедиста. Оба в черном, с винтовками за плечами.

«Полиция!» — Михаил схватился за пистолет.

Но хозяин как-то уж очень сострадательно посмотрел на него и показал, мол, сунь свое оружие в жито. И тут же шепнул:

— Скажи, что ты из тюрьмы, и ничего не будет.

Чувствуя, что сопротивляться он, истощенный голодом, не в силах, Михаил решил последовать совету хозяина, засунул пистолет глубоко в рожь и снова начал жевать зерно.

Полицейских оказалось четверо. В клуню вошел один — молодой, но усатый и хмурый. А те остались возле велосипедов.

— Боже помогай вам, дядько Тодор! — вместо приветствия сказал усач и пожал руку хуторянину. — Ну и хлопец у вас умный. Прискакал на коне, руку до картуза приставил и доложил:

— Там у нас в клуне черный!

— Он у меня понимающий, — гордо ответил хозяин. — Только глазом поведу, сразу догадается, что к чему.

— Ну так вот, доложил он по всей форме, — продолжал полицейский. — А пан комендант спрашивает: «А что он делает, тот черный?» — «Жито ест. На ворохе сидит и за обе щеки уплетает».

Ну, мы и поспешили к тебе. Думаем, если никого

и не поймаем, то по чарке первача у дядька Тодора наверняка найдем.

Хозяин поскреб в затылке и кивнул на непрошеного гостя, мол, дальше сами им занимайтесь.

Когда все вышли из клуни, хозяин запер ее на замок и повел гостей к дому.

Михаил боялся, что хуторянин скажет полицияам о пистолете. Но потом догадался, что тот оставил нужную штуку себе. В те дни все вооружались. «Ну что ж, так еще лучше. Если сумею удрать, будет у меня и оружие. Уж у такого-то забрать свое всегда сумею...»

Возле поваленного на землю сучковатого дуба полицаи составили свои велосипеды один к другому, а сами расселись на сучьях и, поставив перед собой задержанного, тут же начали допрос.

— Комиссар? — спросил усатый.

— Да что вы, пан полицейский! — криво ухмыльнувшись, возразил Михаил. — С такой черной мордой кто меня взял бы в комиссары.

— А кто ж ты?

— Да как вам сказать, пан полицейский, — запрокинув голову, словно силился что-то вспомнить, не спеша говорил калмык. — У вас тут, пожалуй, и профессии такой нету.

— Все у нас есть, еще больше, чем у вас! Ближе к делу! — сурово потребовал полицаи.

— Видите ли, я конокрад.

— Что-о?

— Конокрад. Я ж не зря говорю, что такой специальности у вас нет. Это чисто степная профессия. Только у нас, в Калмыкии, да разве еще в Казахстане сохранилась со времен Чингисхана. Очень это древняя профессия, можно сказать, отмирающая, вроде мамонта.

— Да ты, вижу, грамотный. И про мамонтов знаешь, и про Чингисхана.

— Не так грамотный, как бывалый. Я прошел восемь тюрем. А каждая тюрьма — это, знаете, целый университет.

— И что ж, в каждом таком университете обучают конокрадов? — уже с улыбкой спросил усатый.

Михаилу только и нужно было добиться перелома в настроении своего врага. Он охотно начал рассказывать об особенностях каждой тюрьмы, в которых он якобы побывал.

Хозяин принес самогону, огурцов и хлеба. Усатый налил всем по стакану. Потом пристально посмотрел на задержанного и отдал ему бутылку, в которой на дне осталось с полстакана мутноватой жижицы.

— Выпей, лучше брехать будешь.

— Если б кумыс, я б выпил. А больше ничего спиртного не пью, — отказался Михаил и, не в силах удержаться, отломил огромную краюху хлеба.

Хозяин протянул руку, хотел отнять хлеб. Но усатый отстранил его.

— Теперь мы сами тут управимся, дядько Тодор. Вы себе идите, занимайтесь хозяйством.

Хозяин неохотно ушел в дом.

— Ну, а как же ты очутился здесь в самую войну? — спросил полицей Михаил, жадно глотавшего хлеб с огурцом.

— Нас из саратовской тюрьмы везли куда-то сюда, то ли в барановичскую, то ли в пинскую. Тут, говорят, много тюрем пустовало, вот нас и пересылали на вольные хлеба.

— Здорово! — одобрил маленький белесый полицей,

все время слушавший с открытым ртом и отвислой губой. — Так и тебя, значит, Гитлер освободил?

— Нет, с Гитлером мне еще видаться не пришлось. Я сам бежал во время бомбежки эшелона. Немцы, видно, не знали, что идет не воинский поезд, а наш, воровской. Ну и дали. Голову начисто отрезали и хвост раз-метали. А наш вагон был в середине. Мы разнесли решетку и кто куда!

— Ну ладно, черный! — хлопнул ладонью по колену усатый. — Бреешь ты хорошо. А как же тебя зовут?

— Михаил.

— А фамилия?

— Так вы ж сами уже называли меня по фамилии! — ответил Михаил.

— Никак я тебя не называл. Не мели, а то как дам!

— Вы же называли меня черным. А я и есть Михаил Черный.

— Ну, это, видно, твоя воровская фамилия. А настоящая?

— Кто ее знает, вырос я без отца, без матери. В детстве звали просто Мишкой. А в первой же тюрьме получил и фамилию.

Полиции так охотно слушали, что Михаил сам себе позавидовал, как он без единой накладки вошел в роль конокрада.

— Ну ладно, Мишка Черный. Что ты еще умеешь делать, кроме конокрадства? — спросил усатый.

— Я еще охотник.

— Хы! На кого ж ты охотился?

— У нас там много всякой дичи. Особенно в Астраханской пойме, — ответил Михаил.

— И метко стреляешь? — спросил старший.

— Куропатке в глаз.

— И вон в ту бочку попадешь? — насмешливо спросил полицейай.

И все загоготали, потому что пузатая черная бочка была высотой в человеческий рост.

Когда смех утих, Михаил спокойно сказал:

— А вы положите, пан полицейский, свой мундштучок на ту бочку.

— Ну и что? — вытаращил тот глаза.

— Дайте на минутку вашу винтовку и посмотрите, что будет, — невозмутимо ответил Михаил. — Да вы не бойтесь, я на вас ее не поверну.

— Еще не хватало мне бояться такого замурзанного! — с гонором ответил полицейай и подал мундштук другому полицаяу, чтоб отнес на бочку, снял винтовку с плеча, поставил перед Михаилом, а сам на всякий случай встал за его спиной.

— Да-а... Из таких деревяшек стрелять мне еще не приходилось, — сокрушенно вздохнул Михаил, рассматривая старенькую берданку. Попробовал целиться и присвистнул. — Не пристреляна она у вас. Видно, никто от вас еще не пробовал убежать...

— Но-но! От меня не убежишь, даже когда я без винтовки.

— Да я-то что, мне бежать незачем, раз накормили. Я теперь готов жить как старый конь: где клок сена, там и дом.

Сказав это, Михаил вскинул винтовку, словно увидел летящую дичь, выстрелил. Там, где лежал мундштучок полицая, взметнулся дымок, казалось, мундштучок взорвался и развеялся в прах.

Полицейские онемели, а старший сказал Михаилу:

— Научи стрелять так же метко, и отпущу.

— Зачем отпускать? — сбивая полицейского с толку, спросил Михаил. — В лесу я с голоду подохну. Возьмите меня на работу.

— При нашей комендатуре нет должности конокрада, — сострил старший. — Да и охотники сейчас не требуются.

— У меня есть еще и третья профессия — в детстве я неплохо пас овец.

— Это другое дело! Овец у меня, правда, нету, зато коров три десятка, а сын маленький.

Но пока четверо полицаев ездили на хутор дядьки Тодора, комендант получил строгое указание: всех бродяг задерживать и немедленно передавать властям. Комендант по своей натуре служака исполнительный, к тому же был благодарен гитлеровской армии за освобождение его из тюрьмы, где ему пришлось бы сидеть долгие годы. Увидев приведенного полициями подозрительного бродягу, он приказал утром же отвести его в соседнее село, где есть немецкая комендатура, и сдать под расписку.

На почь Михаила заперли в комендатуре. А утром связанного отвезли дальше.

Немец, принявший задержанного, не стал его даже допрашивать, а жестом приказал дежурному увести.

Из комендатуры Михаила привели в сарай, охранявшийся автоматчиком. В сарае уже было шестеро таких, как он. В основном это были красноармейцы, не снявшие формы. Один был даже со звездочкой на пилотке. Встретили они новичка молча, угрюмо. Немного освоившись, Михаил спросил, что с ними намерены делать.

— Гитлеровскими конфетами угощать будут, — пробубнил один.

— Вот наберут ровно десять — и в Могилевскую губернию! — окая, сказал другой, длиннолицый, совсем еще юный красноармеец.

— Ну! — усмехнулся Михаил. — Вообще-то они пленных не расстреливают без причины.

— Причина у них уже есть, — тяжело вздохнул солдат. — Утром кто-то мотоциклиста хлопнул за селом. А у них неписаный закон — за одного, даже самого плюгавенького немца десять наших. А чем братья из села, они лучше нас прикончат.

Молчание было долгим и томительным. Каждый думал о своем, и в то же время все об одном — как спастись. Броситься на автоматчика? Его, конечно, можно связать или удушить. Но от сарая далеко не уйдешь. Кругом они: там комендатура, там дом полон солдат, а там палатки белеют под дубом.

Дождаться бы вечера. В темноте убегать лучше. Но станут ли держать до вечера?

В полдень пришла смена караула. Оставляя нового часового у сарая, разводящий посмотрел на часы и успокаивающе сказал ему что-то такое, отчего один из семерых задержанных рывком привстал и, побледнев, тут же вяло опустился на пол.

Это был сухой, интеллигентный на вид человек в форме рядового бойца.

Все повернулись к нему в безмолвном ожидании.

— Он учитель, — шепнул сосед Михаила. — Знает немецкий.

— Разводящий... успокоил... нового часового... — с расстановкой заговорил учитель. — Недолго ему дежурить. Ровно в семь нас расстреляют.

— Ровню в семь! — многозначительно повторил белобрысый. — Немцы народ точный. Значит, жить нам осталось меньше шести часов. — С этими словами он достал из кармана три кусочка сахара. — Больше мое энзэ не пригодится. Подсластим остатки нашей жизни. — И он начал делить сахар всем поровну.

Его примеру последовали и другие. Кто выложил на общий стол корочку хлеба, кто — заскорузлый сухарик. А Михаил вынул из-за пазухи краюху, припрятанную для командира.

Молча, не спеша, медленно разжевывая и смакуя, съели все эти припасы. Потом начали собирать курево. Выворачивали карманы, высыпали на обрывок газеты.

И только Михаил не лез в свои карманы — в них никогда не водилось курева.

— Товарищ! Чего не закуливаешь? — Это обращаются к нему, к Михаилу.

— А? Что? — Михаил только теперь заметил, что все его друзья дымят козьими ножками.

— Закуривай, — пододвигая кусочек газеты с махоркой, перемешанной с хлебными крошками и всякой трухой, сказал длиннолицый.

— Да я, знаете, с самого детства не курю, — с виноватой улыбкой ответил Михаил.

— Все равно помирать с курящими придется, так что бери, приобщайся! — предложил белобрысый.

Михаил взял газетку и неловко начал крутить козью ножку. Крутил он долго, да так и не сумел. Учитель сделал ему папиросу, сам прикурил и подал.

— Оно, конечно, не педагогично, — заметил он с улыбкой, — не обучал курению при жизни. Но мы уже почти что в мире потустороннем, где все наоборот...

Вы скажете, до шуток ли им было, этим явно обре-

ченным людям. Да, в первые минуты, когда узнали о намерении немцев, пленные загрустили, задумались. А потом... Появилась надежда. Пока человек жив, надежда не оставляет его, даже в самую безнадежную минуту. Ведь до смерти оставалось почти шесть часов, триста шестьдесят минут, а если перевести в секунды — целая вечность... За это время все может случиться...

**ЗА МИНУТУ
ДО РАССТРЕЛА**

**СМЕКАЛКА
СИЛЬНЕЙ ОРУЖИЯ**

Без пятнадцати семь от комендатуры отошли пеший разводящий и два автоматчика с велосипедами.

Пленные молча встали. Лица бледные, суровые. Кулаки сжаты. Губы пересохли.

— Ребята, не падай духом, — слышался тихий суровый голос учителя. — Отсюда они нас уведут. В затылок убивать, как телят, не дадимся. Разбежимся при первой возможности. Кто пойдет первым, если поведут гуськом?

— Я! — вышел к воротам Михаил.

— По-моему, вы были командиром в Красной Армии, — пытливо посмотрел на него учитель. — Так ведите нас и здесь.

— Командиры водят в бой, а не на расстрел! — отрезал Михаил. — Но попробуем... — И совсем тихо: — Попробуем расстрел перевести в бой...

Разводящий был уже рядом. Велосипедисты притормаживали свои машины.

— Крикну: раз! — значит врассыпную! На милость не оставаться. Эти не помилуют!

— Знаем! — ответили двое.

Остальные согласно кивнули.

Разводящий подошел к воротам. Велосипедисты спешили и, держа одной рукой велосипед, а другую положив на автомат, висящий на груди, остановились в нескольких метрах.

— Русский зольдат! Строй по-одному! — зычно скомандовал немец. — Герр командант вас помиловаль и приказаль отводить в концентрациён лагерь. Вас сопровождайт цвай зольдатен. Их коммандо слюшайся. Иначе расстрель. Один будет бежалъ. Все расстрель. Вперед, маршь!

— Похоже на провокацию! — сказал Михаилу учитель так тихо, что слышали только свои.

Разводящий еще раз приказал идти ускоренным маршем, руки назад, молчать.

Отделение пленных выстроилось на ходу, сомкнулось. Так еще лучше, можно хоть шепнуть что-то другу.

Когда вышли из сарая, разводящий остановил отделение. Велосипедисты, посмотрев на часы, словно по команде, отстегнули свои фляги. Выпили по несколько глотков.

— Ром. Для храбрости, — шепнул белобрысый.

Михаил нарочито строго прикрикнул:

— Молчать в строю! Или не слышал приказа? Мы не хотим из-за твоей недисциплинированности остаться без головы.

Разводящий одобрительно кивнул и сказал:

— Ви будет командир отделений. Тогда все будет орднунг!

— Слушаюсь! — вытянувшись в струнку, ответил Михаил.

Один из велосипедистов, краснолицый толстяк, сел на свою сверкающую никелем машину и выехал вперед. Другой, длинный и тощий, перемахнув через раму ногой, ждал, пока отделение выйдет вперед.

Первый повернул влево, на тропинку, которая вела прочь от села. Разводящий приказал следовать за первым велосипедистом, не отставая более чем на три метра.

На повороте Михаил одним глазом заметил, что и разводящий, и их дневной часовой спокойно, как люди, исполнившие свой долг, направились к комендатуре.

«Неужели нас поведут только двое? — мелькнуло сомнение. — Тогда, конечно, не на расстрел! Семерых вдвоем далеко не уведешь. Но и в лагерь мы не пойдем! Нам бы только лесочек или хотя бы кустарник на пути...»

Тропинка огибала сарай, стоявший в отдалении от села. Михаил решил, что в этот сарай их и ведут. Если это так, то расстреляют.

Ноги стали тяжелыми, холодными, словно на сапоги вдруг налипло по пуду грязи. Язык пересох. Только глаза смотрели остро, сверлили затылок ведущего велосипедиста. Теперь важно было угадать намерение немцев.

Нарушая самим же принятое правило, Михаил оглянулся. Немец не заметил этого. Он что-то насвистывал и смотрел в сторону чуть синевшего на пригорке лесочка. Зато свои ребята все, как один, жадно впились в Михаила глазами, ожидая, что он скажет.

— Спо-кой-но! — губами изобразил он и отвернулся.

Ведущий немец тоже засвистел, никакого внимания не обращая на сарай, которого так боялись пленные.

«Усыпляют бдительность или и на самом деле не к сараю ведут?» — подумал Михаил, чувствуя предельное напряжение всех сил.

Скрипнули ворота сарая.

Дрогнул шедший за Михаилом боец и даже сделал шаг в сторону. Михаил цыкнул и тут же увидел в дверях сарая мужика с граблями. Да и тропинка здесь явно сворачивала.

Впереди, километрах в двух, Михаил увидел все больше выступающий из-за пригорка лесочек и, пользуясь моментом, когда ведущий автоматчик громко насвистывал, он по одному слову передал:

— В лесочке... слушай... мою команду.

Опять шли молча, сосредоточенно. Михаил не видел, что делается сзади. Но чувствовал, что все смотрят ему в затылок. Ждут поворота его головы. Ждут его команды. А сам он напряженно смотрел вперед.

Над самой тропинкой стояли два мужика с лопатами. Между ними возвышалась куча свежей глины. Оба стояли, опершись на свои лопаты, и печально смотрели на приближавшихся. Один из них отошел от ямы и остановился, приняв ту же позу возле тропинки, словно хотел этим сказать: «Путь к могиле свободен». А второй, воткнув лопату в кучу глины, ушел в лес, верно, не хотел видеть того, что здесь сейчас произойдет.

За спиной Михаила почувствовалось волнение, тревожное перешептывание. Он поспешил остановить волнение тихой, но суровой командой:

— Спокойно. По команде — пятеро на заднего. Один

за мной. — И еще раз прошептал: — Спокойно! Мы будем жить!

С этого и начал бы команду!

«Мы будем жить!» Эта фраза вдохнула и силу и уверенность.

«Мы будем жить!»

Передний велосипедист все еще насвистывает и будто бы даже ведет мимо ямы. Но острый глаз снайпера видит, чувствует, что это только маневр. Немец хочет остановиться и внезапно обернуться с нацеленным автоматом.

Он свистит, но уже притормаживает велосипед. Вот он миновал и яму и мужика опиравшегося на старый, до черноты отполированный руками черенок лопаты.

Вдруг правая нога немца мгновенно оторвалась от педали с явным намерением подняться и перемахнуть через раму велосипеда.

Но еще быстрее, молниеноснее был рывок Михаила. Выхватив лопату из рук мужика, так, что тот от неожиданности упал на тропинку под ноги второму пленному, Михаил плашмя ударил своего врага по голове, одновременно крикнув задним:

— Бей!

Сзади раздалась автоматная очередь.

Михаил сорвал с падающего немца автомат и повернулся, чтобы помочь товарищам. Но те уже всей кучей навалились на второго автоматчика. Видно, стрелял он, слезая с велосипеда, поэтому ни в кого и не попал.

— Не убивать! — заорал Михаил и ударил автоматом по руке врага, который, очнувшись, тянулся к лопате. — Забирай свою лопату и уматывай! — крикнул Михаил на мужика, а своим приказал зат-

кнуть немцам рты, второй автомат отдать учителю и быстро уходить.

В лес вбежали шальной, запыхавшейся толпой. Высокий вологодца выскочил далеко вперед.

Неожиданно раздалась команда Михаила:

— Отделение, стой!

Все остановились в растерянности. А длинноногого вологодца эта команда словно подхлестнула, он еще сильнее припустил по лесу, который здесь уже заметно редел.

Михаил вскинул автомат и, крикнув: «Стой!», выстрелил, целясь над головой беглеца. Тот в недоумении остановился.

— Чуть не убил! — заорал он. — Ты что, сволочь, хочешь опять меня к фашистам завернуть? Видел я, как ты козырял перед ними!

— В строй! — клацнув автоматом, ожесточенно скомандовал Михаил. — Одного пристрелю, зато все спасутся!

Длинный боязливо вернулся и встал в строй.

— Отделение! Слушай мой команду! — громко, так что эхо пошло по лесу, выкрикнул Михаил.

В наступившей на мгновение тишине все услышали привычный сигнал автомашины и гул мотора.

— Чего дурака валяешь, командир! — заговорил учитель, тоже державший автомат наизготовку. — Слышишь, фашисты в селе подняли тревогу. Надо скорее уходить в глубь леса.

— А где она, глубь?! — негромко, но так сурово спросил Михаил, что все примолкли. — Лес видели? Пятьсот метров в длину, двести в ширину. Сейчас его окружат. Выловят нас как цыплят или зажарят живьем. — И опять он резко скомандовал: — Разговоры

прекратить! Слушать мою команду. Учитель, встать замыкающим. Отделение, за мной бегом, марш!

Вмиг выбежали из лесу в противоположную от села сторону, навстречу солнцу, опускавшемуся за бесконечное поле перезрелой, осыпающейся ржи.

— Отделение, стой! — в двух шагах от желтого океана ржи скомандовал Михаил.

Теперь бойцы послушно остановились.

А гул мотора, вой сирены, стрельба давили на уши, скребли за душу.

— Командир! Не тяни! Спасай нас, раз взялся! — взмолился вологодец.

— Тише, товарищи! Мы будем жить, мы спасемся только при условии полного спокойствия, — скороговоркой, но без горячности начал Михаил. — У нас один путь, в рожь.

— Что ты! С ума сошел! — опять не выдержал вологодец.

— Ползком! — перекрикивая его, продолжал Михаил. — По-змеинному.

— По следу сразу увидят, куда мы вползли.

Но теперь уже учитель перебил вологодца:

— Молчи и слушай командира!

— Никакого следа! — все так же терпеливо продолжал командир. — Я войду в рожь, а вы наступайте за мною точно след в след. Не примять ни одного стебелька. А потом я лягу и поползу. Следуйте опять, только за мной. Немцы сейчас окружают лес. Начнут стрелять. Но наше дело спокойно ползти. Кто смалодушничает, поднимется или поползет не по следу, тот предаст и себя и всех. Тогда мы расстреляем его первым, а с фашистами вступим в бой. Вперед! Еще раз, братцы, прошу вас... — Голос Михаила дрогнул на этом слове. —

Братцы, прошу вас, спокойно. Так уходили в камыши и отец мой, и дед, и прадед.

С этими словами Михаил подошел ко ржи, раздвинул руками первые стебли и, ступив левой ногой, ласково кивнул вологодцу:

— Сумеешь вот так за мной?

— Сумею, — буркнул тот и, следя за командиром, виновато добавил: — Прости, пожалуйста...

Лес, к которому приближалось множество машин и мотоциклов, казалось, рокотал, трещал, грохотал и свистел. А группа бойцов, чувствуя холод за спиной, медленно и мягко, по-кошачьи входила в рожь.

Где-то совсем рядом, казалось, тут вот, за спиной, послышалась гортанная немецкая брань. Но беглецы, не оглядываясь, продолжали свой путь прямо по ржи. Все видели, что их командир идет, не отрывая взгляда от леса, и, теперь уже полностью доверившись ему, старались только не оставить следа, не примять стебелька, не обломить колоска.

— Я ложусь и ползу, остальным ложиться только на мой след! — сказал Михаил довольно громко, потому что теперь немцы за собственным шумом, поднятым в лесу, не могли их услышать.

Михаил повернул влево, прошел метра три параллельно лесу и лишь тогда лег и быстро пополз. Следом лег вологодец. Их догнал третий. И вскоре весь отряд уже лежал на прямой глубокой вмятине. Увидев, что учитель тоже лег, Михаил пополз быстро, как ящерка. Рожь так шелестела, что, если бы в лесу не было шума и стрельбы, этот шелест был бы слышен очень далеко.

Вологодцу показалось, что они нисколько не удаляются от леса, а ползут вдоль него, и он сказал об этом.

Михаил коротко ответил, что сейчас повернут. А когда сам развернулся и тут же пополз не в глубь ржи, а чуть ли не параллельно первой тропке, он увидел все свое отделение и, подбадривающе кивнув, пояснил, что вот так змейкой, постепенно извивающейся тропинкой только и можно уходить от леса, не оставляя прямого следа.

— Что это?! — в ужасе вскрикнул вологодец.

Михаил оглянулся. Позади них над лесом высоко в небо взметнулось бешеное пламя, завертелось в клубках рыжевато-сизого дыма.

— Лес бензином облили, сволочи! — догадался Михаил. — Значит, следа нашего не заметили. — И он хитро улыбнулся вологодцу, прищуривая правый глаз.

— Да, побежали бы по лесу, было бы нам сейчас жарковато, — печально покачав головой, сказал красноармеец, который полз за вологодцем. — Простите, товарищ командир! Я, признаться, тоже в душе материл вас, когда услышал команду «Стой!».

Стрельба прекратилась. Теперь все громче раздавался треск горящего леса. Пожар бушевал как ураган. Дым все ниже опускался над рожью, и, когда он покрыл все поле от леса до беглецов, Михаил встал, жестом приказав отделению лежать. Осмотрелся, уже спокойно сказал:

— Ну что ж, можно и плечи расправить. Вставайте. Идите кто куда хочет.

— Как это, кто куда хочет! — вспыхнул первым поднявшийся вологодец. — Ты командир, ты и води нас.

— Да, Михаил, нам теперь уж лучше не разлучаться, — поддержал вологодца учитель. — Без тебя мы пропадем, как мухи.

— Спасибо, товарищи, — ответил Михаил. — Но...

Вологодец понял, что он хотел сказать, и клятвенно воскликнул:

— Такое, как в лесу, не повторится. Теперь будем верить каждому твоему слову.

— Тогда вперед! Свободным маршем, — скомандовал Михаил. — Надо выбираться изо ржи, а то вдруг и она загорится от леса.

И бойцы почти бегом устремились вслед за своим командиром.

Ночь быстро шла им навстречу. Темная, тихая белорусская ночь.

**САЛЮТ
НАД КУРГАНОМ**

**НОВОСЕЛЬЕ
ПРЕДАТЕЛЯ**

МОСКИТЫ

На рассвете семеро беглецов добрались до того леса, в котором Михаил оставил раненого командира полка.

Отряд расположился на отдых, а сам Михаил пошел искать поляну с одинокой березой.

— Если нужна будет помощь, я свистну. Сколько раз свистну, столько человек приходите ко мне, — сказал он и с нарастающей в сердце тревогой быстро пошел к печально склонившейся березе.

В лесу было тихо. Ни птичьего щебета. Ни даже шелеста листвы. Синее безоблачное небо начало с востока наливаться холодноватой стеклянной зеленью. На полянке было светлей, чем в лесу, и Михаил издали увидел пепелище, где он разводил костер.

«Потерял командир огонь или боялся поддерживать? Или не мог с голодухи?» — лихорадочно гадал он, подбегая к пепелищу, словно там были ответы на все его вопросы. Еще с большей поспешностью,

чем в первый раз, Михаил хлопал руками по безнадежно остывшему пеплу. На этот раз — никакого признака тепла!

«Неужели?!» — в ужасе подумал Михаил, еще не зная, что подразумевает под этим словом.

Подбежал к самой березе и, прильнув к ней, тихо окликнул:

— Сергей Петрович!

В ответ ни звука, ни шороха. Даже легкие, вечно трепещущие листья березы висели молча, уныло, словно прислушивались, ожидая ответа.

Позвал еще и еще. Потом напролом побежал по кустарнику, яростно раздвигая ветки ольховых кустов.

— Сергей Петрович! Это я, Миша!

Побежал по второму кругу, на метр-два удалившись от березы.

— Сергей Петро... — И вдруг осекся, наскочив на примятую под ольхой траву.

Здесь он лежал, здесь! Но где же он теперь?

И, еще не соображая, что делать дальше, Михаил свистнул оглушительно громко один раз, а потом подряд шесть раз. Пусть приходят все, чтоб не растеряться в поисках. А искать надо. Ведь не мог же человек пропасть бесследно.

Пока прибежали товарищи, стало светлее. Роса покрывала траву сизоватой пеленой. В бывшем лежбище раненого Михаил нашел скорлупку печеной картошки и след детского ботинка.

— Здесь были мальчишки! — сказал Михаил прибежавшим товарищам.

— Так они унесли его в деревню! — радостно воскликнул учитель. — Они его спасут. Это ведь такой народ! Они добудут и лекарство, и все, что надо...

— Народ-то они хороший, — поддержал Михаил. — Да как бы там более хитрые взрослые не раскрыли их тайны.

— Выход один — дожждаться утра и искать по следу, — решил учитель. — Все хорошенько присмотритесь к следу этого ботинка и пойдем по лесу.

— Тут сыро, вот и остался след. А на сухой траве его не будет, — печально ответил Михаил, но согласился, что это единственное, что они могут теперь предпринять.

Быстро развели на прежнем месте костер, вскипятили воды в котелке, который раздобыли ночью на хуторе вместе с буханкой хлеба. Съели по куску хлеба, запивая кипятком, заваренным сухой ромашкой, найденной на полянке, и, договорившись о времени сбора, отправились искать след.

Помня предположение северянина о том, что мальчишки унесли раненого в более сухое место, Михаил отправился к высотке, на которой начинался сухой сосновый бор. Здесь он сразу же набрел на место боя. Ему казалось, что сюда мальчишки не потащили бы раненого, так как на место боя могли прийти разные люди.

Решил быстро осмотреть место, где сражалась какая-то воинская часть. Может, найдется оружие или еще что-то нужное для его отряда.

Развешенные по лесу клочья бумаги, противогазные сумки, рваная камера от автомобиля и прочее говорили о поспешном уходе с этого места подразделения Красной Армии.

Перевалив через пригорок, Михаил увидел и следы горячего боя. Воронки от мин. А дальше ряд окопов. Он уже собрался было пробежать по окопам, как вдруг

заметил на пригорке между соснами огонек. Дыма не было. Только огонек. Ярко-алый. Беспокойно мечущийся...

«Разводят костер, — мелькнуло в голове. — Огонек маленький. Кто бы это? Мальчишки? Может, те самые?» И, на всякий случай перевесив автомат на грудь, Михаил быстро направился к огоньку, который по мере приближения казался все более странным, неестественным. И вдруг Михаил понял, что это не огонек, а флажок. Освещенный солнцем кусочек кумача, прикрепленный к древку, трепетал на утреннем ветре живо, как пламя.

«Какая-нибудь игра, — подумал Михаил, подбегая к флажку. Но, увидев, что древко флажка воткнуто в маленький, совсем еще свежий, даже не осевший курганчик, он в недобром предчувствии закусил губу и остановился. — Могила?»

Впервые в жизни он задумался над жестокостью и неотвратимостью этого слова: могила...

Тихо, словно боялся нарушить покой захороненного, он обошел могилу и увидел дощечку, вдавленную в землю у основания свежей горки земли. На дощечке детским почерком было нацарапано:

«Здесь будет памятник герою —
командиру Красной Армии».

И тут же на земле четко отпечатанный след детско-го ботинка. Михаил припал к этому следу.

Тот! Тот самый след, что остался возле березы!

«Это он! Он! — кричало все в душе Михаила. — Э-эх! Проклятый хуторянин!»

Михаил заскрипел зубами и бессильно, как человек,

которому некуда больше идти и нечего больше делать, опустил на жухлую траву и заплакал.

Один за другим подошли товарищи. Они ни о чем не спрашивали. Все было ясно.

— Добудем оружие и отомстим за него, — сказал северянин.

— Да, мстить у нас есть за кого. Было бы чем, — ответил сибиряк Ефим.

— Будет чем! Оружие мы добудем! Сегодня же! — порывисто вскочил Михаил. — Кто со мной за оружием? Может, без боя это дело не обойдется.

— Да кто же, — развел руками учитель. — Все пойдем.

— Ты много нас не спрашивай, а командуй, и все тут, — в тон учителю сказал северянин.

— А добудем оружие, тогда что? — спросил молчаливый белокурый парень, назвавшийся Филиппом Жуковым. — Пойдем к линии фронта или как?..

— Признаться, ребята, я и сам еще не решил, — смущенно ответил Михаил. — Пока был жив командир, я во всем полагался на него. Он в таких делах разбирался очень хорошо. А теперь не знаю. Надо подумать вместе. Как вы считаете, Дмитрий Артемьевич? — обратился Михаил к учителю.

— Я попал к немцам с листовкой в кармане, — медленно заговорил учитель. — Жаль, что пришлось ее уничтожить. К окруженцам обращается Верховное командование Красной Армии с призывом создавать партизанские отряды повсюду и везде. Громить врага в его тылу. Разрушать коммуникации, не допускать увоза в Германию советских людей. Прочитал я эту листовку и понял, что воевать здесь, в тылу немцев, не менее важно, чем на фронте.

— Я с вами согласен, — ответил Михаил не задумываясь.

На том и порешили.

Постояли у могилы. И пошли за своим командиром, который, вскинув автомат за плечо, молча отправился в обратный путь, к полянке с березой.

Было совсем уже темно, когда отряд пришел на хутор дядьки Тодора, у которого остался пистолет Михаила. Увидев слабый блеск огонька в занавешенном оконце, Михаил направился было к двери, оставив товарищей под соломенной стрехой похилившейся хатенки. Но его опередил сибиряк.

— Товарищ командир, разрешите, я войду первым? Вас он знает, еще пальнет из вашего же пистолета.

— Ты прав, Ефим. Вот тебе мой автомат, иди.

Дверь оказалась закрытой изнутри на крючок. На стук Ефима ответил слабый женский голос:

— Кто там?

— Открой, хозяйка, — ответил Ефим.

— Полиция не разрешает никого ночью впускать.

— Нам нужен дядько Тодор. На минуточку.

— Э-э, дядько Тодор вернулся в свои хоромы, — уже открывая дверь, ответила женщина. — А вы ж кто такие, что не знаете? Вы один?

— Двое! — ответил за Ефима и вышел к свету Михаил.

— Солдаты? Наши? Заходите, заходите. Как раз бульба сварилась, — уже мягче сказала хозяйка. — Правда, за это теперь расстреливают... Ну да все одно за что-нибудь расстреляют...

— Мамаша, нам некогда. Если можно, так бульбу вы нам с собой дайте. Мы по дороге съедем, — сказал Михаил. — И нам хорошо, и вам безопасно.

— Сейчас! — Женщина метнулась к печурке, подбросила лучину. Огонек вспыхнул ярче, затрещал, закоптил уютно пахнувшим дымком. — Так возьмите ж и кисляка. Вот я вам перелью в старое горщатко.

— Спасибо, тетя, ну, а все же где дядько Тодор? — спросил Михаил.

— Так он же вернулся в свой дом. Все больничное оттуда выбросил еще вчера. Я работала санитаркой, так меня переселили сюда, сторожить его хутор. Он же теперь у нас за начальника. Голова районный. Сегодня там справляют новоселье. Да вы, наверное, слышали музыку.

— Музыку мы еще не слышали. Но пойдем послушаем, — ответил Михаил и, немного подумав, смущенно добавил: — Только вы, мамаша, до утра из дому не выходите.

— Куда я пойду! Боюсь я на этом волчьем куте и за порог ступить, как только солнце сядет.

Забрав картошку, завернутую в тряпицу, и горщатко — низенький пузатый кувшинчик с простоквашей, Михаил и Ефим вышли из дому. Картошку тут же поделили и мигом съели. Запили кисляком и, повесив горщатко на колышек под окном, быстро ушли. Небо сплошь затянули тучи. Было так темно, что тропинку приходилось угадывать только ногами. Михаил шел первым. Он умел ходить «на ощупь», как старый, опытный конь.

— Идем на новоселье к пану голове, — сказал Михаил. — По дороге обдумаем, как лучше провести это дело. Я-то намеревался сначала забрать у него свой пистолет, а уж потом пробраться к какому-нибудь полицая и обезоружить его. Но придется действовать иначе, раз они собрались все вместе.

— Проберемся в дом и полоснем из автомата по всем глоткам! — со злобой сказал северянин. — Жаль, гранаты нету.

— Полоснуть мы теперь можем, да и гранатой бы не плохо, — согласился Михаил. — Но видишь, Вася, лесок маленький. Бежать некуда.

Василий любовно положил руку на плечо Михаила.

— Я и знал, что ты придумашь поумней, на то и командир.

— Мы ведь только начинаем. А всякое дело начинается потихоньку, помаленьку, — продолжал Михаил. — Пока что нам лучше действовать без стрельбы. У нас ведь только три диска на семерых. Ночь темная, можно и без шума обойтись.

— Эт право, — согласился Василий.

— И второе не забывай, — строго добавил Михаил. — Если мы кого из них убьем сейчас, искать нас будут по всем уголкам. А тихо сделаем свое дело, так, может, они и немцам не посмеют докладывать...

Тяжелое, закрытое тучами небо опустилось на крыши хат и сараев, и тьма ночи сгустилась до непроницаемой черноты. В селе было тихо, даже собаки не лаяли. И тем явственнее прорывались шум и галдеж, когда кто-нибудь выходил из дома новоиспеченного головы.

Отряд Мишки Черного стоял среди кустов сирени возле небольшого домика почты, расположенной прямо против здания больницы, перешедшего теперь в распоряжение «законного хозяина». Почта была заперта на огромный висячий замок. С патрулем вопрос решили быстро. Минут десять по селу уже ходят двое из отряда — учитель, Дмитрий Артемьевич, и бывший сапер Ермачок. Осталось снять часового, что стоит на крыльце у входа в дом, где все вольготней разгорается ве-

селье. Часовой, видимо, сам боится пули из леса. И каждый раз, когда кто-нибудь выходит из дому, он кричит, чтоб живей закрывал дверь и не освещал его. Часто он сам захлопывает эту предательскую дверь и снова возвращается на свое место, в закуток, где он с трех сторон защищен от случайностей.

Михаил давно обдумал, как поступить с этим часовым. И спасительный закуток ему совсем не помеха. Но медлил он по другой причине. Ему хотелось не только снять с поста часового, но одновременно захватить и кого-нибудь вышедшего из дому, чтобы узнать от него обстановку в доме. Лучше всего было бы схватить женщину, тут уж наверняка обойдется без стрельбы. Но пока что из дому выходили и входили назад только мужчины, которых хмель и пиво гнали за сарай.

Долго никто не выходил. И Михаил с тревогой обращался к своим «часам», которыми служил Ефим.

Тот, стоя рядом с Михаилом, считал в уме секунды и минуты. Михаилу казалось, что считает Ефим неправильно, особенно когда после томительного ожидания очередного гостя из дома головы он вдруг скажет: «Прошло четыре минуты», или: «Семь минут с половиной».

— Поди ты со своей точностью! — зло возражал Михаил. — Не меньше часа прошло, а ты...

— Товарищ командир, я по пульсу считаю, — оправдывался Ефим, — а пульс у меня секунда в секунду. Это проверено давно, еще когда в госпитале лежал.

— Проверено! — с досадой бросил Михаил, зная, что сам не прав, а просто нервничает.

Но вот дверь широко распахнулась, и с веселым хохотом выскочили две молодые женщины. Ненадолго они скрылись за углом дома и с таким же шумом вернулись назад. Одна вбежала в дом, а вторая, еще когда

ее освещал свет из открывшейся двери, бросилась к часовому. Они обнялись.

— Быстро! Вперед! — скомандовал Михаил. — Двое — за угол дома. Сибиряк со мной. Солодов, останься здесь.

Через улицу партизаны переметнулись быстро, никем не замеченные.

С автоматом наизготовку Михаил первым обошел дом и кошачьим шагом подкрался к крыльцу, думая только о том, чтобы что-нибудь не хрустнуло под ногами.

На крылечке горячо шептались.

Осторожно накиннули женщине сзади на голову какую-то ветошь и завязали, чтобы не закричала. А часового ударили по голове и оттащили, заткнув ему тряпкой рот. Забрав винтовку, Ефим встал на его место. Потом женщину стащили с крыльца и, пообещав не делать никакого зла ее любимому, тут же расспросили, сколько в доме полицейских, какое у них оружие. Женщина охотно рассказала, что полицейских в доме семеро, что винтовки их в углу, за голландкой стоят в козлах.

— Бойтесь только моего мужа. У него в кармане пистолет, — предупредила она.

— А где он сидит, кто он, ваш муж? — спросил Михаил.

— Комендант. Сидит в переднем углу, под образами. Справа от головы. А голова такой...

— Знаем... — отрезал Михаил.

Распахнулась дверь, и вышел, пошатываясь, крепко захмелевший старик. Дверь за ним тут же захлопнул стоявший на крыльце четвертый боец. Этот старик мог все испортить. Поэтому партизаны застыли на своих

местах, пропустив пьяного к сараю. Туда же отвели женщину и уволокли связанного часового.

Людей теперь не хватало. Один вынужден был стеречь дверь сарая. Михаил тихо свистнул, подзывая оставшегося возле почты бойца. Приблизились к дому и патрулировавшие улицу учитель и сапер.

— К окнам! — скомандовал Михаил, взявшись за ручку двери.

Каждый подошел к своему, заранее намеченному окну. Изнутри окна были так плотно завешены, что не пропускали не только света, но и голосов. Встав у окон, каждый боец прижался к ставням, чтобы прислушаться к шуму и, когда командир подаст сигнал выстрелом, разбить стекла, сорвать занавески.

— Панове! — высоко подняв рюмку, торжественно заговорил новоиспеченный пан голова Тодор Жила. — Панове! Я пью за победу новой власти во всей России. За победу германской армии.

Все, почему-то озираясь, приглушенно прокричали: «За победу!» И начали пить.

А от порога громко и смешливо пророкотали два мужских голоса:

— Пей до дна! Пей до дна!

Комендант Юхновский первым обратил внимание на эти голоса. Присмотревшись на стоявших у порога двоих с автоматами, побледнел и уронил рюмку. Рюмка со звоном разбилась.

— К счастью! — живо подхватила хозяйка.

— К счастью! — вторил ей хозяин и, заметив, как побледнел комендант, участливо приблизился. — Вам плохо, пан комендант?

— Поднимите руки, пан голова, а то и вам будет плохо, — ответил комендант и кивнул к порогу.

— А-ах! — заорал голова. — Патруль! Часовой!

Он лихорадочно полез было в карман, где у него хранился пистолет. Но комендант ударил его по руке.

— Дурак! Не видел, как он стреляет! Это ж тот Мишка Черный! — И громче, заискивающе добавил, обращаясь к неожиданным гостям: — Это ж тот парень, что мы хотели на работу пристроить, а пришел дурацкий приказ, и нам не удалось...

В дверь вошел третий, незнакомый веселой компании, огромного роста, медведковатый человек. Он обошел всех гостей, обыскал карманы. Пистолеты оказались только у головы да у коменданта. Винтовки рядовых полицаев стояли за печкой в козлах.

— Ефим, раздай оружие. А мы тут побеседуем, — спокойно сказал Михаил. — Комендант и голова остантес, остальным выйти на кухню.

Поспешно, в полном безмолвии вышли все, кроме жены головы. Она ухватила за позеленевшего от страха мужа и стонала.

— Убивайте обоих! Убивайте вместе!

— Хорошо. Остантес, нам некогда вас успокаивать, — сказал Михаил и подошел к столу, освещенному двумя висячими керосиновыми лампами. — Убивать я вас не собираюсь. Вас будет судить Советская власть, когда вернется. А пока поживите вот такими горбатенькими и дрожащими, как сейчас. За себя я мстить вам не буду. Но если вы так же подло предадите еще кого-нибудь из советских людей, вот тогда я не стану ждать прихода законных судей.

— Я н-не... Я н-не... — только и смог выговорить, цокая зубами, Тодор Жила.

— Я вам клянусь, он никого больше не выдаст, — вдруг упав на колени перед Михаилом, завопила женщина.

— Это касается и вас, пан комендант, — кивнул Михаил коменданту, глазами приглашая сесть. — Война только начинается, и вы рано стали выпивать за победу наших врагов. Рано.

— Да я не знаю, чего он так расстарался, — развел руками комендант. — Нас ведь просто мобилизовали. Кому-то ж надо вести порядок.

— Вот и мы за порядок! — подхватил Михаил. — Вы соблюдайте порядок, какой положено в селе и по району. Но без издевательства над советскими людьми, без предательства. Учтите, отряд у меня большой, а будет еще больше. В лес скоро уйдет половина населения. С кем вам быть, подумайте заранее, пан комендант и пан голова. Подумайте. А я буду издали наблюдать за вашими действиями. Все! — Михаил решительно встал.

— Так, товарищ, как вас, не знаю, величать... — засуетился комендант.

— Вы мою фамилию записывали. Неужели забыли так скоро?

— Ах, да. Михаил Черный! Прошу, товарищ Черный, угоститься с нами, и товарищей ваших зовите.

— Слишком большую хату надо, чтобы поместились мои товарищи! — возразил Михаил. — Пьянствовать мы не собираемся, но на всякий случай дайте нам литра два самогона. Хлеба в мешок. Сала. И крупы какой-нибудь. Пять минут вам хватит на это? — обратился он к хозяйке.

— Да боже ж мой! Я сейчас! — И хозяйка молодо метнулась на кухню.

Вскоре оттуда втроем вынесли несколько мешочков с продуктами. Возвратившийся Ефим посвящал эти мешочки по два и, навесив на себя справа и слева, один все унес.

Выйдя из дому, Михаил приказал старика и связанного часового отвести в дом. А жене коменданта тихо сказал, что слышал весь ее разговор с любимым.

— Не выдавайте меня! — вдруг залившись слезами, горячо зашептала женщина. — Муж меня убьет! Не выдавайте!

— Да тихо вы! Никто вас не собирается выдавать, — цыкнул Михаил. — Но только условие: будете нам помогать. Иначе..

— Знаю, знаю! — дрожащим голосом торопливо шептала женщина. — А что я буду делать?

— Пока живите себе спокойно. А надо будет, мы придем к вам женщину.

— А как я узнаю, что это от вас?

— Она попросит у вас какую-нибудь старенькую кофточку и скажет, что простудила легкие. Для уточнения вы ее спросите: «А чего же вас не одел на дорогу Мишка?» И она, допустим, ответит: «Мишка сам гол как сокол». А уж потом расскажет о моем задании. Зовут меня Мишка Черный.

— Так это вы и есть Мишка Черный? — удивилась комендантша и смолкла.

Далеко за селом, когда уже перед восходом солнца отряд Михаила Черного остановился отдохнуть, вологодец сказал:

— Ну вот и сыграли в кошки-мышки. Потихоньку, без шума, без крови.

— Да. И мышки целы. И кошки сыты, — поддержал его учитель.

— Прав командир — стрелять надо, лишь когда без этого не обойтись. Я сколько помню из рассказов партизан гражданской войны, так они тоже шуметь начинали только большими отрядами.

— Это дед мой в гражданскую партизанил. Не раз говорил мне, партизан должен действовать как москит, укусит, а самого черта с два поймаешь, — заключил Ефим.

— Здорово! — весело отозвался Михаил. — Укусит, а самого не поймаешь. Состязаться с немцами и полицией в долгом ведении боя мы не можем, не хватит боеприпасов. Поэтому будем придерживаться тактики москита: укусил побольней — и улетай!

ПОПОЛНЕНИЕ

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА

Женщину, которая придет к комендантше, Михаил выдумал. И долго ломал себе голову, как быть, если такой доверенной женщины у них скоро не найдется. А им уже сейчас кое-что надо от комендантши. В спешке они забыли взять у коменданта четыре необходимейших вещи: часы, бинокль, топографическую карту и компас. Теперь все это можно достать только через комендантшу. А кого пошлешь?

За несколько дней отряд ушел в другой район и в лесистой глухомани, возле небольшой речушки, расположился на отдых. Вологодец тут же сплел из лозы мордушку и стал ловить рыбу. Ему попадались даже щуки и окуни. А мелкой рыбешки некуда было и девать.

Дней за пять ребята отъелись, посвежели и стали поговаривать о новой вылазке.

— Была бы взрывчатка, пошли бы на железную дорогу, мост ухнули бы или поезд пустили под откос! — вздыхал сапер Ермачок.

Ермачком его прозвали, потому что он родился на Иртыше в городе Ермаке.

— А разобрать путь? — осторожно спрашивал сибиряк, боясь, что его план покажется смешным.

— Для этого нужны большой отряд и инструменты, — спокойно отвечал сапер.

— Значит, надо идти на запад, где были бои, там можно еще кое-что найти, — уверенно сказал учитель.

Вдруг раздался троекратный стук дятла. Потом еще и еще. Это сигнал дозорного, устроившегося на вышке среди молодых березок.

— В ружье! — тихо скомандовал Михаил и рукой приказал залечь и молчать.

Все расположились в круговой обороне. И только ссеверянин отполз под куст ольхи, где было пониже, хотя и влажнее. Михаил покосился на него. Не нравилось ему, что этот молодой, здоровый парень все время старается лучше всех спрятаться, не высовываться наперед и вообще держаться в сторонке. Но он и на этот раз ничего не сказал. Зато Ефим не выдержал, он кивнул на северянина, который, словно крот, руками разгребал дерн под ольхой.

— Эй, Хуторок! Чего ты все в сторонке?

— Правда что Хуторок! — одобрительно подхватил меткое словцо Ермачок. — Давай в коммуны.

«Хуторок!» — мысленно повторил Михаил и понял, что парень пропал, так это прозвище и прилипнет к нему, потому что уж больно оно подходящее.

Новый стук дятла перевел мысли в другое русло. Теперь этот стук повторился четыре раза подряд. Это был сигнал командиру подойти на совет.

Михаил приказал товарищам лежать, а сам через

кустарник пошел к дозорному. Позади он услышал насмешливый голос Ефима:

— Ты, Хуторок, тово, все же придвигайся к компании. В случае чего, огонь будет погуще.

Михаил подумал, что не ошибся. Заедят теперь парня. А что делать? Сам виноват.

В дозоре был самый молодой в отряде красноармеец, только весной призванный в армию, Александр Бурлаков, которого звали попросту Сашей.

Подошедшему командиру Саша ничего не сказал, а указал глазами туда, куда смотрел сам. И вдобавок он показал на уши, мол, прислушайтесь.

По сосновому редколесью, которое выходило к речке, не спеша брела женщина с лукошком. Видно было, что она собирала грибы. Но одежда ее сразу же насторожила Михаила. Она была в сапогах, в юбке хаки, в гимнастерке. А на подстриженной русой голове красовалась пилотка.

— На пилотке звездочка! — сенсационно сообщил Саша.

— Отбилась от наших, — в самое ухо ответил Михаил. — Пошлем к ней для знакомства учителя. А ты не спускай с нее глаз. Если надо, перейди следом в другой кустарник, — сказав это, Михаил вернулся в отряд и выслал на разведку Дмитрия Артемьевича.

Через часок мирной беседы, которую партизаны только видели, но не слышали, учитель вернулся к биваку, а незнакомка уселась на пеньке, явно намереваясь ждать возвращения парламентаря.

Оказалось, что женщина — военврач. Она отстала от своей части с санитарной повозкой, на которой везла тяжелораненых. Раненых она выходила на хуторе в Беловежской Пуще, и вот теперь они пробираются к

линии фронта. Их пятеро с нею. У них ручной пулемет, автоматы и немало гранат. Позавчера они встретили в лесу пастушков и узнали о каком-то партизанском отряде Мишки Черного. Полиция окрестных районов в ужасе от этого неуловимого, очень большого отряда отважных партизан. Все окапываются, ограждаются колючей проволокой. В районных селах объявлено военное положение. Немцы каждой комендатуре выдали по пулемету. Услышав об этом отряде, военврач и ее товарищи решили не тратить сил на переход через линию фронта, которая все время удаляется, а присоединиться к партизанам. И вот они разбрелись по окрестным лесам в поисках Мишки Черного.

Выслушав сообщение учителя, Михаил обратился к товарищам, спрашивая их мнение.

— По-моему, самого командира легендарного и очень большого отряда, — подчеркивая последние слова, заговорил Ефим, — пока что разоблачать не стоит. Назовем ее всего лишь разведкой отряда. Познакомимся, а там видно будет.

— Работает! — одобрительно кивнул Михаил. — А как остальные считают?

— Хорошо придумано. Правильно, — ответил учитель.

— У нее там что, автомат за плечами? — спросил Михаил.

— ППШ, — ответил учитель, — и две лимонки, чтоб не сдаваться живьем в случае чего.

— Вот она какая! А ты как с нею договорился?

— Да вот махну рукой, и придет, — ответил учитель.

— Ефим, быстро костер! Чай остыл, подогрей. По нашему, степному, обычаю гостя надо сперва накор-

мнить, чаем напоить, — доставая из мешка остатки еды, говорил Михаил, — спросить, как он шел, сильно ли устал, не натер ли ноги. А уж потом о деле говорить.

На взмах руки женщина встала и быстро направилась к задымившемуся костру. И по мере ее приближения партизаны один за другим вставали, подтягивали ремни, прихорашивались.

— Что это мы как перед командиром дивизии? — иронически заметил сибиряк.

— Идет женщина! К тому же врач! — категорически, будто все этим сказано, ответил Михаил, оправляя свою гимнастерку.

Женщина подошла усталой походкой истощенного человека. На вид ей было лет за тридцать. Лицо бледное от волнения и, вероятно, от голода. Остановившись и четко приставив ногу, она отдала честь и отрекомендовалась:

— Военврач Русакова.

— Михаил Ванькаевич, — совсем не по-военному представился командир отряда. — А как ваше имя-отчество, товарищ Русакова?

— Мария Степановна.

— Пожалуйста, Мария Степановна, выпейте нашего чайку, покушайте, а уж потом будем беседовать. Ведь вы устали.

Хорошими, доверчивыми глазами посмотрела гостя на одного, другого, третьего и, как-то виновато улыбнувшись, сказала просто и задушевно:

— По-моему, я попала к своим, так что кормите, — сняв с плеча автомат, положила его на траву и устало села к костру, подложив под себя ноги, как обычно са-

дятся женщины, одетые в узкую юбку. И, уже сидя, расстегнула свой ремень, на котором висели лимонки и баклажка. Сняла и эту тяжесть.

— Плечо нарезало, — словно извиняясь, сказала она и взяла из рук Ефима берестяную кружку с чаем.

— Ребята, разойдитесь по лесу на километр-полтора на всякий случай, — сказал Михаил. — А вы, Дмитрий Артемьевич, останьтесь, побеседуем с Марией Степановной. Да, Ефим, пойді смени Сашу, пусть тоже чайку попьет. Он заслужил сегодня благодарность командира отряда. — И, обратившись к гостье, Михаил спросил, почему она пошла искать партизан в полном боевом — ведь в гражданском было бы безопаснее бродить по лесу.

— Думаете, я надеялась найти партизан? — грея руки об кружку, отвечала Мария Степановна. — Я рассчитывала только на их бдительность. Сами увидят и остановят, если действительно забреду в их зону. А на женщину в гражданском не обратят внимания или притаятся, пусть идет своей дорогой.

— Расчет верный, — одобрил Михаил.

Утром Саша пошел с Марией Степановной на розыски ее товарищей. И только на пятые сутки они вернулись всем отрядом.

Партизаны сидели возле огромного шалаша, который соорудили на случай дождя.

Михаил и Дмитрий Артемьевич еще издали поняли, что их пополнение целиком состоит из среднего комсостава, не ниже капитана.

— Да, я среди них самый младший, — смущенно сказал Михаил.

— Щорс был самым молодым в своем полку, — ответил учитель. — Бородой спасался от молодости.

— Дмитрий Артемьевич, а как я буду им рекомендоваться? — вдруг растерянно спросил Михаил. — Ну, военврачу сказали, что мы разведка партизанского отряда. Но теперь-то врать неудобно.

— Отрекомендуйся как есть, командиром партизанского отряда.

— А как называется отряд?

— А правда, товарищи, — обратился учитель ко всем. — Как мы назовем наш партизанский отряд?

— «За Родину!» — буркнул Ефим, палкой шуруя в костре.

Все охотно его поддержали.

— Давайте уж по всем правилам, — заговорил угрюмый молчун Игорь Синьков. — Как в гражданской, раз есть командир, то нужно и комиссара.

— А комиссар у нас есть. Прирожденный комиссар, — ответил Михаил. — Дмитрий Артемьевич.

Все восприняли это как само собой разумеющееся.

— Ефим, покрепче заваривай чай! — приказал Михаил. — Вари картошку. Эти люди очень устали.

Еще издали Михаил заметил, с каким вождением гости посматривали на костер. Шли они врассыпную следом за Марией Степановной. Саша был замыкающим. Но, приближаясь к лагерю, понемногу подтянулись, на ходу построились по два. Теперь первыми были военврач и батальонный комиссар, совершенно седой, грузный человек, видать сильно постаревший за последнее время.

Михаил и Дмитрий Артемьевич встали для встречи гостей. Остальные пошли кто за хворостом, кто на ручей, а Ефим полез в шалаш за продуктами.

— Чугуев Иван Тихонович, — устало козырнув, представился батальонный комиссар.

Ему, видно, неудобно было говорить о своем звании в таких обстоятельствах.

— Орлов, — представился капитан интендантской службы.

— Боцман Василий Золотов. Из Пинской речной флотилии, — представился коренастый, очень широкий в плечах парень в простом сером костюме из грубого домотканого полотна, под которым красовалась тельняшка. На плече он держал немецкий ручной пулемет.

— А, братишка! — добро улыбаясь, сказал Михаил. — Остались у меня дружки в Астраханской флотилии. Орлы!

— Ну-у, Волга не Припять! — присвистнул «братишка». — Патронов у вас к этой штуке нет? — хлопнул он по стволу своего пулемета.

— Немножко есть, но будет столько, сколько надо, — ответил Михаил и весело подмигнул. — Позаимствуем у немцев. Собираемся установить с ними теснейший контакт на всех дорогах — и на железных и на шоссе.

— Понятно!

Четвертый ждал, пока кончится разговор этих двух, видно, понравившихся друг другу, чем-то один на другого похожих парней. Наконец Михаил козырнул и ему.

— Запорожец Иван, — отрекомендовался пожилой, усатый, с огромными черными бровями солдат в полной форме, с винтовкой за плечами и пятью гранатами на поясе. — Був ездовым на санитарной повозке. Кони мои пропали. Повозку покынув.

— Ничего, папаша, была б голова, а кони будут, — попросту успокоил его Михаил.

Обедали хозяева и гости вместе, за исключением двух дозорных. Батальонный комиссар сидел рядом с Михаилом. Пообедав, он тут же попросил представить его самому командиру отряда, Мишке Черному.

Остальные гости настороженно прислушались к этому разговору.

— Да, хорошо бы сразу поговорить с самим, — поддерживал его капитан. — Мы много о нем наслушались.

Михаил прищурил глаз, словно целился, и спросил вкрадчиво:

— А вам очень хочется, чтобы тот Михаил Черный был еще чернее меня?

Чугуев, пожав плечами, виновато улыбнулся.

— Наш командир, — кивнул Дмитрий Артемьевич на Михаила. — Тот самый Мишка Черный. Так его прозвала полиция.

— Вот как! — удивленно хлопнув себя по колену, воскликнул батальонный комиссар. — А где же весь отряд? Говорят, что у вас сотни две бойцов.

— А с вами сразу станет четыреста. Особенно если устроим фашистам заметный тарарам! — ответил Ефим, на что Михаил одобрительно кивнул.

— Да, но как же тогда понять, что в одну и ту же ночь отряд Мишки Черного подорвал мост в двадцати километрах от деревни, где была гранатами разгромлена комендатура, а совсем в другой стороне остановлен немецкий обоз. Это мог сделать только большой отряд, если он разделился на время вылазки. Отряд не менее сотни, а не семь человек с винтовками и даже без пулемета.

— Вы это точно знаете, что в одну и ту же ночь были проведены эти три операции? — спросил Дмитрий Артемьевич.

— Несколько человек из разных сел говорили одно и то же!

— Товарищ командир, это, пожалуй, очень хорошо, что появились люди, которые тоже борются, — глянув на своего командира, сказал комиссар.

— Да, это, видно, местные группы, — согласился Михаил. — Комсомольцы, коммунисты, ушедшие в подполье. Я согласен быть козлом отпущения, только пусть растут эти группы как грибы после дождя!

— Хорошо бы установить с ними связь, — заметил Чугуев.

— Это наша ближайшая задача, — ответил Михаил.

— Ну, хотя вас и не двести, а мы бы просили принять нас в свой отряд, — посмотрев на своих спутников, сказал батальонный комиссар. — Мал золотник, да дорог.

— Коммунисты есть? — спросил Соколов. — А то у нас только мы с Михаилом. Правда, остальные у нас тоже не беспартийные, комсомольцы.

— Я ишшо нет, — поправил комиссара вологодец.

— Ну, один отстающий. Это ничего, — вступился комиссар, вовремя остановив Ефима, который уже открыл рот, чтоб съязвить что-то в адрес Хуторка.

— А мы все коммунисты, кроме доктора.

— На двенадцать человек только два беспартийных — это немного, — успокоил Михаил. — Что ж, если согласны с тем, что и тут можно воевать с огромным успехом, оставайтесь с нами. Отдыхайте дня два-три. А там решим, как быть дальше. Вон забирайтесь в шалаш и спите. Нашему доктору мы сейчас скоренько

соорудим отдельный шалаш. Она будет нашим медсан-
батом.

С пулеметом Михаил сразу почувствовал силу и начал уже строить планы новой операции. Но больше всего его радовали мелкие вещи, принесенные новичками: карты, бинокль и компас. Теперь в отряде есть все необходимое для самостоятельных действий.

Было по-осеннему холодно, когда комендант полиции примчался домой, наскоро пообедал, тревожно поглядывая то в одно, то в другое окно, и снова заторопился.

— Уснул бы с часок, — сказала жена, провожая его до калитки.

— Война, Зося, война! Ты же сама читала приказ шефа. Не имею я права находиться дома ни днем ни ночью. Меня вызывают в город, и неизвестно, что еще будет. Шеф как озверееет, так сам не знает, что творит. За Мишку Черного могут просто шпикнуть, и ты свободна! Гуляй тогда направо-налево!

— Дурень! Они разве не понимают, что ты не просто подарил свое оружие?

— Если бы понимали! — сокрушенно потирая толстую красную шею, ответил комендант. — Шеф по телефону назвал меня самого бандитом и коммунистом.

Зося зябко вздрогнула и схватила кучу мокрого, приготовленного для развешивания белья.

— Да ты не переживай! — успокоил ее муж, не зная, отчего именно так нервничает его жена. — Мы этого Мишку Черного еще поймаем, и все наладится.

— Поймал блоху в копне! — с насмешкой ответила Зося вслед уходящему мужу и пошла развешивать белье.

Все белье она разбросала по плетню. А одну простыню повесила на веревке, протянутой через середину двора. Эту простыню видно с самой середины села. Федя увидит ее и поймет, что Зося опять ночует одна.

Она и не услышала, как открылась калитка и во двор вошла женщина.

— Хозяюшка, собаки у вас нету?

— Нету, нету, — живо ответила Зося.

— Я беженка. Из Ковеля. Наш дом разбомбило, и я пробираюсь в Пинск к сестре, — быстро заговорила убого одетая во все домотканое и обутая в постолы худая, усталая женщина. — Не будет у вас какой старенькой теплой кофточки? Пусть даже рваная, я почию. А то я простудилась.

Зося вздрогнула. Вот оно то, чего боялась и ждала днями и ночами. «Прислал все-таки! Ох этот Черный!»

И, с трудом удерживая дрожь, она спросила незнакомку, почему не одел ее Мишка.

— Он сам гол как сокол!

Зося зябко повела плечами и пригласила женщину в дом. Войдя в дом, хозяйка кинулась было к печке, хотела покормить гостью, которая, видно, и на самом деле промерзла до костей. Но та отказалась и, убедившись, что в доме никого нет, попросила хозяйку принести и ответить на ее вопросы.

— Что собирается делать полиция с Мишкой Черным?

— Грозятся поймать и повесить публично. Но им до сих пор не прислали оружия. Шеф полиции ответил, что оружие, которое полицейские «подарили» партиза-

нам, они должны отбить сами. Иначе всех самолично перевешает. Так они где-то достали по винтовке. Переделали опись оружия и в доносе соврали шефу, что отряд Мишки Черного уничтожен. Бежал только сам Мишка да его комиссар. Комендатуру огородили и колючей проволокой, и стеной дубовых досок.

— Значит, в лес на охоту за самим Мишкой Черным ваша полиция не собирается?

— Куда там! — махнула Зося. — Вон он дома ночевать боится. От молодой жены бежит за колючую проволоку. Ну, что вашим от меня надо?

— Нет ли у вас аптечки дома?

— Йоду пузырьков пять я припасла, бинтов и марли много, красный и белый стрептоцид. Все это я вам отдам. — И вдруг хозяйка подбежала к окну, что выходило во двор, и, заслонив его собою, побледнела, замахала руками. — Прячьтесь за печку! Я накрою вас чем-нибудь.

Гостья нырнула в узкую щель за печкой. Хозяйка бросила на нее мешок с овечьей шерстью.

— Это полицейский идет, — прошептала Зося. — Хотя он и свой человек, но лучше пусть не видит вас.

Дверь без стука открылась, и раздался здоровый хриловатый бас:

— Вызвали твоего в город! Обещают дать гранаты. Вернется только завтра. Если вообще вернется. За неделю ни одна машина не прорвалась в наш и три соседних района. Везде засады Мишки Черного. Так что и ночь, и целый день теперь наши.

— Федя! Милый мой, родной, — видимо обнимая и целуя вошедшего, заговорила хозяйка. — Я и простынку вывесила, ждала тебя. Но только ж не днем. Ведь

донесут. Фекла мокроглазая все видит из своего окна. Иди лучше в ольшинки, я туда прибегу. Иди, пусть думают, что ты ищешь коменданта, забежал на минутку и сразу ушел. А то ж он нас обоих порешит.

— Да, то правда, — неохотно согласился тот и ушел, с порога предупредив, чтоб не мешкала.

— Помешала я вам, — вылезая из своего закоулка, сказала гостя.

— Да нет, — ничуть не смущаясь, возразила хозяйка. — Днем нам встречаться нельзя. Сразу нашепчут в уши. А я без него не могу. Не могу! — даже ногой притопнула Зося.

Она быстро собрала аптечку. Получился довольно большой узелок.

— Поймают вас с этим, и пропали мы обе, — остановилась хозяйка в нерешительности.

— Дайте мне флакончик йоду и немного стрептоцида. А остальное сами вынесите из села. Там я у вас заберу. А на будущее давайте договоримся встречаться за селом. Мне больше нельзя будет приходиться к вам.

— Хотите, я на лодке приплыву, чтоб никаких следов? — предложила Зося.

— Еще лучше. Плывите вниз по течению.

— Разве ваш отряд в той стороне?

— Да он сейчас разбросан по трем районам, — преувеличивая численность отряда, ответила посыльная. — А мне внизу удобнее вас ждать, там леса, заросли.

— В каком же месте мы встретимся?

— Отплывете километра два и прислушивайтесь, я окликну вас сама с берега.

— Договорились!

Гостья простилась и вышла из дому первой.

По селу Мария Степановна шла не спеша.

Не торопилась и когда снова встретилась с Зосей.

А только забрала у нее лекарства и вошла в лес, сразу пустилась бегом. Скорее в отряд. Скорей! Раз комендант поехал в город, то его или расстреляют, или обеспечат новым оружием. Может, партизаны успеют встретить его на обратном пути.

ОДНИМ ВЫСТРЕЛОМ

ГЕРОЙ РЕЙХА СТЕПКА ГОРОХ

Партизанская засада разделилась на две группы. Сам Михаил с винтовкой и три автоматчика залегли в березнячке недалеко от дороги. Это группа нападения.

А три стрелка и новички с пулеметом устроились на высотке, с которой далеко просматривалась дорога. Это группа прикрытия, на случай если Михаилу с автоматчиками придется с боем выходить из засады. Все выверено, рассчитано. И все-таки страшно было ждать боя с неизвестной силой. Не то что ночью, когда и напасть и уйти можно незаметно.

— Самое главное, чтоб у них не было собак, — говорил Михаил, поудобнее устраиваясь за огромным березовым пнем, окруженным молодыми березками, которые так хорошо маскировали.

Дмитрий Артемьевич, лежащий справа, недоуменно посмотрел на своего командира: мол, почему такой страх перед собаками?

— Видите ли, если у них окажутся и собаки, то нам трудно будет выходить из боя, — пояснял Михаил, — ученую собаку застрелить нелегко. Как начинается стрельба, она ложится и ползет на брюхе... А гранат у нас нет.

— Значит, надо стараться застрелить ее, еще пока не прыгнет с машины.

— Но вдруг они на подводах или на мотоциклах?

— Это уже хуже.

— Тихо, товарищи! — поднял руку Иван Бойко, всегда раньше других улавливавший посторонние звуки. — Идет машина.

Все настороженно застыли. Бойко еще немного послужал и уверенно заявил:

— Грузеная. Кажется, наш «газик».

— Только одна машина? — спросил сибиряк.

— Думаешь, на тебя целую автоколонну отправят? — прищурился Михаил. — Я уверен, что они знают, сколько нас. Бежало из-под расстрела семеро. Двух отделений автоматчиков на семерку каких-то там бандитов вполне достаточно. Ведь так они должны рассуждать, Дмитрий Артемьевич?

— Конечно же, мы для них только бандиты, — ответил Соколов.

Гул машины быстро приближался и прижимал партизан к земле.

— Зря окопчика не отрыли! — пожалел Михаил. — Целые сутки лежали без дела!

— Поздно жалеть. Учтем на будущее, — заметил Соколов.

— Если это будущее у нас еще будет... — уныло возразил Бойко.

— Не хныкать! — оборвал его Михаил. — Первым

стреляю я в мотор или шофера. Машина остановится, Дмитрий Артемьевич даст очередь по передней части кузова, Ефим — по задней. А ты, Иван, жди, пока начнут прыгать на землю. На лету их бей. Без команды не стрелять.

Из-за поворота, скрытого ольшаником, на бешеной скорости, словно кем-то преследуемая, вынеслась старенькая, облинявшая автомашина.

— «Газик»! — торжествующе подтвердил свою догадку Бойко, крепче прижимая к плечу автомат.

Грузовичок так неся, что казалось — промелькнет, и выстрелить не успеешь.

— Бойтся шофер, вот и жмет, — заметил Бойко, бывший водитель армейской машины. — На большой скорости труднее попасть.

— Братцы! — вдруг громко воскликнул Соколов. — А воевать-то не с кем. Машина с грузом, но без людей.

— Не стрелять без моей команды, — еще раз напомнил Михаил, а сам стал целиться.

Когда грузовик поравнялся с засадой, Михаил выстрелил подряд два раза, но не в радиатор, как хотел вначале, а в переднее колесо. Машина круто вильнула влево. Шофер тотчас распахнул дверцу и выскочил из кабины. А грузовичок сорвался с дороги в кювет и перевернулся. Шофер упал в кювет и заорал:

— Не стреляйте, ребята! Не стреляйте, я свой! Я русский! В машине винтовки да ящики с патронами и гранатами. Скорее забирайте!

— А куда нам спешить? — нарочито развязно ответил Михаил. — Или еще пойдет машина?

— Нет. Они боятся!

Михаил через плечо скомандовал:

— Товарищ Соколов, зовите оттуда четверых, заби-

райте трофеи. — И снова обратился к шоферу: — Ну, иди сюда. Расскажи... не валяй дурака, опусти руки, — сказал Михаил. — Чего хромаешь?

— Ногу ушиб. Прыгнул неудачно, — ответил шофер, входя в березнячок, где на пеньке сидел один-единственный партизан с винтовкой на коленях.

Шоферу он показался черным как негр.

— Здравствуйте! Меня зовут Степан Горох. Я работал шофером в райпотребсоюзе. Эвакуироваться не сумел — семья большая. Теперь немцы заставили опять сесть за руль.

— Заставили, — склонив голову и хитро улыбаясь, сказал Михаил, — или сам пошел, сейчас установить трудно. Важно другое: как будешь работать.

— Да как, — развел руками Степан. — Мое дело крутить баранку. Семья-то у них, можно сказать, на прицеле. Чуть что, сразу...

— Степан! — строго заговорил командир. — Ты был комсомольцем?

— Не был. Но... — Степан замаялся было, но потом решился. — Я закладывал немного. И меня не приняли. А только неправильно это, товарищ командир. Если не комсомолец, то уже и не наш, не советский, значит?

— А кто тебе это сказал! Я так не думаю, — возразил Михаил. — Наоборот, я верю тебе и хочу помочь...

— Да теперь-то чем мне поможешь, — огорченно развел руками шофер. — Без машины вернусь, сразу повесят, сволочи.

— А может, она цела?

— Да ей-то чего, отлежится, и можно переворачивать, колесо у меня есть. Но ведь я оружие вез. Самое главное, что ящики с гранатами — это добыча самого коменданта. Он с меня шкуру спустит.

— Как это добыча коменданта? — удивился Михаил.

— А вот так. Шеф полиции как узнал, что семерых полицаев и старосту в Бродах обезоружили каких-то два бандита — это они вас называют бандитами, — поспешно оговорился Степан. — А наши люди партизанами считают вас или десанниками. Ну, как узнал шеф, чуть было не убил коменданта. Здоровенный фонарь подвесил ему под глазом! Не убил потому, что другого коменданта на его место и вовсе не найдешь. Кто пойдет после такого... Дал ему семь винтовок и патроны. Увидите, что это за старье. Винтовки осоавиахимовские, ребята в школе обучались. Не знаю, будут ли они стрелять. Дал он эти винтовки и пригрозил расстрелять, если через неделю бродецкая полиция не привезет ему живого или мертвого Мишку Черного.

— А кто это такой — Мишка Черный? — спросил Михаил, щуря глаз и скаля свой белый зуб.

— Люди говорят, что это первый снайпер Красной Армии, — ответил Степан. — А сам комендант мне сказал, что этот Мишка Черный в летящую муху попадает из винтовки, не целясь.

— Неплохо, — цокнул языком Михаил. — Ну, а насчет гранат?..

— Так вот же, получил бродецкий комендант эти расхлябанные винтовки, откозырял своему шефу и залез ко мне в кабину. Поехали! Ну, мое дело — крути баранку... На окраине местечка он попросил остановиться возле одного дома и подождать его. Ну, сижу, жду. Не скоро так выходит. «Заезжай во двор». Ну, заезжаю. «Тут, — говорит, — мой свояк живет, у него кой-какие вещи мои хранятся, заберем их». Я думал, он меня зовет грузить. А нет. Приказал сидеть в кабине и не

оглядываться. Ну, мое дело — руки на баранку и посапывай. Сижу себе, машина казенная, сам я казенный. Что прикажут, то и делай. А все же любопытно. Я зыркнул через окошечко кабины. И глаза на лоб полезли: в мою машину, оказывается, грузят ящики с гранатами. Наши гранаты, советские. Лимонки. У меня мороз по коже. Если партизаны прострочат по кузову, взлечу я с этими лимонками под небеса и кишки мои на звездах повиснут!

— Так, выходит, он тайно от немцев добыл эти лимонки? — уточнил Михаил.

— Выходит, так, — ответил Степан. — В первые дни ведь как было. Все склады люди растаскивали. Тащили и нужное и ненужное. А теперь меняются.

— Что, и оружие можно выменять? — недоверчиво спросил Михаил.

— Советское — сколько хочешь, — просто ответил шофер. — Немецкое потруднее. Но тоже можно. За яйца, за масло у немца можно и родную матку выменять.

— Да что они такие голодные! — возмутился Михаил.

— Прожорливые! — уточнил Степан. — Ей-богу, как с голодного края — жрут и жрут!

Подбежал Дмитрий Артемьевич.

— Товарищ командир! Гранат четыре ящика. А винтовки никудышные. Их надо сперва в ремонт.

— А патронов много?

— Три ящика.

— Патроны и гранаты заберите, а винтовки оставьте.

— Все оставить? — недоуменно переспросил Соколов.

— Все! И отходите в лес. Я вас догоню.

— Но винтовки эти еще могли бы...

— Выполняйте! — резко оборвал командир и незаметно мигнул Соколову, мол, делай как приказываю, а потом все объясню.

И когда Соколов ушел, Михаил заговорил тихо, озабоченно:

— А теперь, Степан, давай подумаем, как сделать, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Кстати, ты не сказал, где же сам комендант.

— Он ехал все время со мною. А возле леса встал. «Ты, — говорит, — жарь на всех скоростях, тебя не тронут. А меня знают. И сам пропаду, и тебя подведу. Я, — говорит, — пешком проберусь. Дорогу в Броды я знаю». Пришлось подчиниться.

— Если б ты проскочил, то кому бы сдал оружие?

— Он приказал въехать во двор комендатуры и ждать его возвращения. Просил передать своему заместителю, чтоб тот приставил к машине часового, а брезента с груза не снимал.

— Хитрый! — понял Михаил. — Он боится, что немцы дознаются о тайно привезенных гранатах. Ну тогда я решил правильно.

— А как вы решили? — спросил Степан.

— Я решил сделать тебя героем рейха!

Степан побледнел.

— Да ты не бойся, — успокоил Михаил. — Садись и слушай меня внимательно.

Степан послушно сел, вытирая вспотевший лоб.

— Мы сейчас уйдем. А ты соберешь винтовки — и в кусты! — наставлял Михаил. — Спрячь эти дрянные винтовки — и пешком в Броды. Тут и комендант подоспеет. Доложишь ему, почти что как было. Как подбили машину, как она пошла кувырком. А дальше уже хитрость. Ты скажешь, что считал самым важным для коменданта

только то, что он получил от шефа. Поэтому, когда вылез из кабины и понял, что никого поблизости нету, ты перво-наперво собрал винтовки и поволок в кусты. А когда стал возвращаться к машине, чтобы забрать и патроны, появились партизаны, или назови им в угоду бандитами. Ну и тогда ты снова в кусты и убежал в село. Как думаешь, комендант побоится заявлять, что у него отняли гранаты?

— Ну конечно же. Раз они тайные. Ведь немцы, когда пришли, сразу приказали все советское оружие стаскивать на склад. А кто ослушается, расстрел.

— Вот и хорошо. Значит, комендант будет рад, что спасены винтовки, а с ними и голова на плечах. А про гранаты он еще и тебя попросит молчать.

— Так я ж ему и не скажу, что знал, какой он груз взял у свояка.

— А вот это правильно! Действуй, Степан.

— Товарищ командир, а не лучше, если я те винтовки сразу прихвачу с собой и принесу в Броды, тут семь километров осталось.

— Ну что ты! Это же тяжело! — отмахнулся Михаил.

— А какое ж геройство дается легко, — иронически протянул Степан.

— Да, то правда, — улыбнувшись, в тон ему ответил Михаил. — Ну, попробуй.

— Можно идти?

— Нет, Степа. Осталось самое главное, — прямо глядя в глаза, сказал Михаил. — согласишься ли ты нам помочь?

— Какой вопрос! Только не думайте, что я от страха. Нет, нет! Я хочу хоть что-то делать. Да и многие ребята у нас в гараже...

— Многие нам пока не нужны. А один глаз не мешало бы иметь, — ответил Михаил. — Ты ездишь и по городу и по району. Много видишь и слышишь.

— Только как мы будем встречаться?

— К тебе придет мой человек. Скажет: «Спасибо за автопокрышку от Мишки Черного».

— Так... так вы и есть... — Степан, заметно бледнея, встал. — Вы и есть Мишка Черный?

— Видишь, — Михаил с веселой улыбкой поцокал ногтем по чуть приоткрытому зубу. — Есть у меня кое-что и белое, так что зря сразу испугался.

— Да нет. Я ничего, но неудобно, что сидел запросто. Не знал я, что вы и есть товарищ командир...

— Не беда, сиди! — остановил его Михаил. — К тебе еще одна просьба. Если попадется какая взрывчатка, побереги для нас. Будем очень благодарны. Но вот о семье надо подумать. Может, ее куда перевезти?

— Думал и я об этом, — потирая затылок, ответил озабоченный шофер, — но куда? Ведь они теперь везде, эти проклятые... А у меня там дочурка и двое мальчишек.

— Ну, будь осторожен, Степан. Счастливого пути. — И Михаил крепко пожал ему руку. — Да, самое главное забыл, о происшествии коменданту постарайся доложить с глаза на глаз. Он, видимо, захочет, чтоб никто не узнал о гранатах, чтоб перед немцами остаться чистеньким. Крой, Степан, герой рейха!

В полдень партизаны, засевшие на опушке леса, увидели группу крестьян, подошедших к перевернувшейся автомашине. С ними был и шофер. Видно, мотор

автомобиля оказался исправным, потому что вскоре и заурчал.

— Эх! Безотказная машина, этот «газик»! — с восторгом заметил Иван Бойко. — Ругают ее, клянут шофера, а она вон, в чем душа держится, а все равно... пошла!

— Ну и мы давай поспешим наперерез! — сказал Михаил, — расспросим, как и что. Вы тут на всякий случай следите за дорогой, — кивнул Михаил пулеметчику, а сам с Иваном отправился к мостику за поворотом дороги.

Степан, словно поджидал партизан, к мосту подъехал медленно и, увидев Михаила, остановился. Выскочив из кабины, он схватил ведро и побежал к воде.

— Товарищ командир, не выходите из кустов! По дороге идет подвода, — предупредил Степан. И, делая вид, что набирает воду, поднял одной рукой часы на серебряной цепочке.

— Что это? — недоуменно спросил Михаил.

— Комендант подарил! — весело ответил Степан. — За спасение винтовок. Он сказал, что я вообще ему голову спас. Пуд муки дал и кусок сала. Часы я оставляю себе, а продукты вам отдам.

— Ну что ты! У тебя семья! Мы себе добудем, — отверг это предложение партизанский командир. — Говорили вы с ним без свидетелей?

— Угу! Он увидел меня еще во дворе, сам выскочил и скорее к себе в кабинет. Насчет гранат просил никому никогда не говорить.

— А как же он с патронами обойдется?

— Я понял так, что у них патронов полно, — ответил Степан. — Там, где прошел фронт, патроны не проблема.

— А как ты думаешь, комендант теперь кинется искать нас?

— Ну что вы! Он не дурак!

— Но ведь шеф приказал ему доставить мою голову живой или мертвой.

— Мне думается, что он постарается подsunуть шефу другую голову, чуть-чуть похожую на вашу.

— Все может быть, — согласился Михаил. — Ну, что же, Степан! Рад за тебя, что так легко выкрутился. Неси воду, а то и правда кто-то едет: надоедать мы тебе не будем, но как-нибудь пришлем своего человека. До свиданья!

Шофер приветливо кивнул и понес ведро, из дна которого двумя тонкими струйками била вода.

Возвратившись в отряд, Михаил сел у бездымного костра и задумался.

Ермачок пристально посмотрел на своего командира и заговорил тихо, не спеша, словно рассуждал сам с собой:

— Говорят, когда Александр Македонский возвратился из похода на Малую Азию, он сел возле палатки и заплакал. Его спросили, о чем он плачет. А он ответил: «Нечего больше завоевывать!» А вот о чем задумался наш командир? Не пойму. Завоевывать ему еще вон сколько...

ДЕТИ И ДАНКО

**ЦВЕТOK
В ЛЕСНОЙ
ГЛУХОМАНИ**

**НАРОДНЫЕ
МСТИТЕЛИ**

Второй день партизаны Михаила Черного пробирались вдоль безымянной речушки по густым труднопроходимым лесам. Наконец набрали на бурелом и остановились. По самому берегу речки обойти бурелом было невозможно, там болото. Разведчики Саша и Ефим ушли вперед. А отряд расположился на отдых.

Михаил тяжело опустился на старую, вывороченную с корнем березу и задумался.

Второй день ему не давала покоя какая-то безысходная тоска. Перед уходом из района, где началась его партизанская жизнь, Михаилу хотелось еще раз глянуть на могилу командира, с которым прошел, пожалуй, самое трудное время в своей жизни, оправить ее, обложить дерном, может, звезду вырезать, если найдется там кусок жести. Да просто молча постоять у холмика и уж потом только уйти навсегда в другие края. Но было не по пути. А сказать прямо о своем желании Михаилу ка-

залось неудобным, сентиментальным. Теперь о живых не хватает времени заботиться, не только о мертвых! Ушли.

В походе появились новые заботы, которые, казалось Михаилу, заглушат его затаенную тоску. Ан нет! Он то и знай невольно возвращался мыслями к одинокой могиле в чужом, далеком от родины лесу. Ему почему-то казалось, что, исполни он свое желание, он сделал бы для Стародуба что-то очень важное, без чего не имел права уходить.

«Просто горе и лишения нас так сроднили, что я без него не могу, — решил Михаил, отмахиваясь от своей тоски. — Появятся новые дела, забудусь. Но на могилу я вернусь после войны. Обязательно вернусь...»

— Товарищ командир, там большой шалаш. Люди живут! — доложил Саша, выбравшийся из бурелома без Ефима.

— Что за люди? Сколько их? С оружием?

— Да какое там оружие. — Саша печально потупился. — Ребятишки. Вот такусенькие, — он показал себе до пояса. — Убежали из еврейского гетто. Испугались и, как одичавшие котята, бросились в кусты. А когда мы заговорили по-хорошему, из шалаша вышла настоящая царевна Несмеяна, очень красивая и очень печальная. Она позвала детей. Они сбежались, ухватились за нее и смотрят на нас, как голодные утята. Глазища у всех большие, черные. А шеи тонкие и аж синие от худобы. Ефим, кажется, заплакал. Остался там, выворачивает свои карманы, крошки вытряхивает.

— Комиссар! — тревожно крикнул Михаил. — Дмитрий Артемьевич! Бери буханку хлеба. Весь сахар, что принесла Мария Степановна. Сала побольше.

— Товарищ командир, разрешите, и я пойду, —

встала Мария Степановна. — Может, детям нужна и медицинская помощь.

— Идемте, идемте. — Михаил передал Саше огромный каравай, который они носили с собой как неприкосновенный запас.

Две огромные старые березы были сломаны каким-то буйным вихрем и упали навстречу одна другой, макушка к макушке. Падая, они ободрали не одну ель и осину. И получилось огромное нагромождение из ветвей и сучьев. Под этим-то завалом и приютилась девушка с ребятами. Они соорудили довольно вместительный шалаш. Покрыли его осокой, которую, видимо, голыми руками рвали у реки: инструментов здесь не было видно никаких. Вверху перед входом в шалаш висели вязанки грибов и вяленой рыбы, в основном вьюнов. Вместо шпагата все это нанизывалось на лыко. А внизу на кучке сухой травы сидели они, хозяева этого обиталища, словно наседку, окружившие и на самом деле не бывало красивую девушку.

При виде вооруженных людей, у которых на пилотках горели красные звездочки, ребяташки повытянули жилистые тонкие, словно утиные, шейки. А девушка встала и молча, чуть приметно кивнула. Видимо, она еще не знала, как себя вести при этих невесть откуда нагрянувших людях.

— Я командир партизанского отряда. Здравствуйте, — приложив руку к козырьку, почтительно поздоровался Михаил. — У вас, наверное, трудно с продовольствием? — краснея от сознания того, что говорит слишком сухо, официально спросил Михаил. — Разрешите передать вам кое-что из наших запасов. — Он взял из рук Саши каравай и несмело протянул девушке, словно боялся, что она откажется.

Комиссар смотрел, и не узнавал своего командира, и не понимал, почему он вдруг так робеет. Сразу куда девалась его уверенность и командирская сталь в голосе. И догадался: «Перед красотой оробел Михаил».

На приветствие командира девушка тихо и стеснительно ответила:

— Эля. Элеонора Семеновна. Воспитательница Сосновского детдома. А теперь вот, — она показала руками на ребятишек, которые облепили ее.

Видно было, что дети беспрекословно ее слушались, потому что, когда она, взяв из рук командира огромный каравай, кивнула им, ребятишки тут же сели в кружок к старому, закопченному ведру, до половины заполненному зеленоватой жижей. И только глазенки их голодно, неотрывно смотрели на хлеб, да в прозрачных зобиках подрагивало нетерпение.

— Мы только что уху сварили. Но хлеба они не видят второй месяц. Надо осторожно. — С этими словами Эля попыталась разломить каравай.

Михаил понял, что это ей не удастся, через колено разломил каравай пополам и спросил, как дальше ломать.

— Одну часть еще пополам, — попросила Эля. — Все это отложим на потом, а четвертинку мелко покрошим в уху.

Теперь дети утопили свои загоревшиеся глаза в ведре, куда сыпались крупные и мелкие крошки хлеба. Каждый, видимо, замечал, куда падала крошка по крупней, чтобы потом ее выловить.

Дмитрия Артемьевича удивило безмолвие, с каким эти дети ожидали обеда. Знать, настрадались досыта и запуганы до немоты.

Мария Степановна достала небольшой пакетик из своей аптечки и каждому малышу положила в рот по таблетке.

— Сосите пока. Это витамин.

Дети и ей повиновались молча, словно на самом деле были безмолвными.

— Дети, сегодня вы можете говорить вслух, — тихо сказала Элеонора Семеновна. И, повернувшись к партизанам, она пояснила, что со времени бегства из гетто все они говорили только шепотом и жестами, чтобы не услышал их случайный прохожий.

У этих ребят не было сейчас никаких детских желаний, кроме желания есть, и они не воспользовались разрешением своей воспитательницы говорить вслух, а молча и жадно смотрели на раскисающее и опускающееся на дно, словно куда-то исчезающее, хлебное крошево.

Наконец Эля сняла висевший на стропиле шалаша туесок меньше поварешки и подала одному из мальчишек.

— Адамчик, ты будешь следить за порядком, — повелительно сказала она. — Каждый раз взбалтывай. Набирай полную чашечку, все по одной выпьют. Потом по второму кругу.

— А вы? — встрепенулся Адамчик. — Сначала вы съешьте.

— Я потом, ребятки. Вы мне оставите, — засуетилась, видимо стесняясь, Эля. — Только не глотать целиком, хорошенько разжевывайте.

Адамчик, голодно, с раскрытым ртом глядя на первую чашечку загустевшей еды, отдал ее мальчику справа. Когда тот сразу все опрокинул себе в рот и начал

жевать, Адамчик подал чашку второму. И так его очередь оказалась последней.

— Это пытка, а не кормежка! — нервно процедил Михаил. — Надо было нам свои ложки собрать, чтобы сразу все ели.

— Ни в коем случае! — возразила Эля. — Они сразу нахватаются, как волчата.

— И заворот кишок! — поддержала ее Мария Степановна. — Вы молодец, Эля. Откуда у вас такая смекалка? Ведь совсем молодая. Вам и двадцати еще нету?

— Восемнадцать исполнилось в день, когда началась война, будь он проклят, тот день! — ответила девушка. — Идемте вон туда на пенек. Тут теперь будет полный порядок. Адамчик у меня за помощника. — И когда отошли, добавила доверительно: — Боюсь одного: мне оставят не меньше половины ведра. Знали бы вы, что это за дети стали! Десятилетние старички, и только. Мудрые, рассудительные и бесконечно добрые.

Когда уселись на березе, Элеонора Семеновна рассказала все о себе и своих воспитанниках.

Детдом, в котором она только начала в этом году трудовую деятельность, эвакуировать не успели. И детей пришлось раздать людям. С началом войны простые люди охотно теснились, делились с беженцами и голодающими последним куском, поэтому сирот из детдома развели в полдня, — сами разобрали, как только узнали, что детям некуда деваться.

Элеонора Семеновна тоже ушла на хутор в небогатую семью, где нужны были рабочие руки. Дочь потомственного музыканта, выросшая в Бресте, она впряглась в тяжкий крестьянский труд, стараясь заглушить в себе и тоску по родным, о судьбе которых ничего

не знала, и злобу на разнузданных захватчиков, и горечь обиды за свои растоптанные, развеянные девичьи грезы и надежды.

Но вдруг организовавшаяся в селе полиция начала сгонять евреев в гетто. Сначала собрали семьи, притаившиеся в отдельных домах и на хуторах. А потом начали охотиться по лесу. С собаками, как на лесную дичь, выезжали верховые полицейские в окрестные леса и ловили евреев, пытавшихся спасти хотя бы детей. Особенно свирепствовал комендант полиции Гарабец. Кто он такой, кем был раньше, Эля не знала. Слышала только, что Гарабец люто ненавидит евреев. Хозяйка ее рассказала, что этот ирод самолично хватал за ножки малюток Абрама Штокмана, сельского портного, и бросал в пустой колодец.

Воспитательница стала опасаться за судьбу размещенных по селу воспитанников. Среди них было много евреев. Что, если дознается Гарабец? И страхи ее оказались не напрасными. Однажды хозяйка сказала, что в селе нашли двух мальчишек из детдома, оба дети евреев. И теперь идет сплошная облава. А наутро полиция приволокла в гетто больше десятка мальчишек и девчонок.

Наивной была Элеонора Семеновна. Она смело пошла в комендатуру, несмотря на слезный протест хозяйки, пошла к самому Гарабцу, вполне уверенная, что к голосу воспитательницы не могут не прислушаться.

А комендант, выслушав ее смелую речь, первым делом подошел к ней и наклеил на грудь и на спину огромные лоскуты с шестиконечными желтыми звездами на черном фоне.

— А теперь послушайте, что я вам скажу, юдовская воспитательница! — И рывкнул: — В гетто! В гетто!

— Но я по матери полька! — заявила воспитательница.

— Покровители евреев страшнее самих евреев! — ответил комендант.

Вбежал полицей и уволок ее. По дороге полицей обещал ей свободу за красоту и ласку. Но она молча, с гордо поднятой головой ушла в гетто...

Что значит гетто, Эля еще не знала. Полицей привел ее во двор бывшей МТС. Двор, обнесенный густой сетью колючей проволоки, был заполнен сельскохозяйственными машинами. Их, видимо, все выкатили из мастерских и гаражей, а на их место вселили евреев. У ворот полицей, злой за то, что она не приняла его предложения, ударил девушку прикладом. И ее уже на руках унесли сами евреи. Очнулась она ночью, окруженная шепчущимися ребятишками. И тут же узнала одного за другим своих воспитанников. А в следующую ночь ребята увели ее куда-то прочь из мастерской, за стенку, и там, лежа на земле, показали вырытый под оградой из колючей проволоки подкоп. Вылезли они в этот подкоп. А неугомонный Адамчик еще вернулся и другим показал свою тайну. Только неизвестно, воспользовался этим лазом еще кто-то или нет. Потому что, когда Адамчик догнал беглецов, в гетто послышались свистки полицей и стрельба.

По дороге четверо детей, которые были сильно побиты полицией при облаве, умерли. У них хватило силы только вырваться на волю и свободно вздохнуть. Как раз главный зачинщик подкопа Ёська и умер первым. Ему Гарабец прикладом отбил внутренности. Ёська словно чувствовал свою скорую гибель, всех торопил с побегом. Другим помог, а сам лишь сутки пожил на воле. И то все время только плакал о том, что наконец-

то перед самой войной разыскали его папу и что папа уже, может быть, ехал к нему, потому что в письме обещал вот-вот приехать.

Ребята похоронили Ёську и написали на могильном камне:

Наш Данко. 12 лет.

— Про Данко я им рассказала уже после смерти Ёски, — закончила свой рассказ Элеонора Семеновна.

Партизаны долго молчали.

Наконец Михаил решительно встал и спросил, сколько в селе полицаев и может ли она начертить план села.

— Полицаев было девять! — ответила Эля. — А план я вам сейчас начерчу.

— И пометьте, где комендатура, а где жилой дом этого Гарабца, — добавил Михаил.

— Э-э, дома вы его не застанете! — махнула рукой Эля. — После того как в соседнем районе обезоружили полицию, полицаи только днем, и то на часок, забегают домой, а на ночь, как куры на нашест, собираются в комендатуру. Обгородились колючей проволокой. И кажется, кирпичный забор начинали строить.

— Здание комендатуры кирпичное? — спросил Михаил.

— Нет, деревянное. Старинное, еще при поляках там была тоже комендатура.

— Вот вам бумага, — достав из кармана подобранный возле могилы Стародуба и сложенную вчетверо небольшую школьную карту, сказал Михаил. — Рисуйте по возможности подробнее. А мы пойдем посоветуемся, что делать. Вы, доктор, пойдете к ребятам, когда они

поедят, может, еще чем сможете им помочь. Сделайте им полный медосмотр, как перед отбором в армию.

Возвратившись к своим, Михаил рассказал об услышанном от воспитательницы и спросил совета, что делать.

— Тут разных мнений быть не может, — развел руками Чугуев, — детей надо обеспечить сытной и теплой зимовкой, а уж потом идти дальше.

— Этих детей должен обеспечить сам Гарабец, прежде чем мы его уничтожим! — жестоко взмахнув кулаком, ответил Михаил. — Заберем в его доме все, что может пригодиться детям. Даже скот порежем. Мяса можно навялить на зиму по-калмыцки. Операцию проведем ночью. Его семья под конвоем сама должна все погрузить на подводы. А с подвод мы перенесем в лодки. Вода следов не оставляет. Это первая часть операции. — Он замолчал, ожидая реакции.

— Правильно, — кивнул Чугуев.

— А вторая часть, без которой я не уйду из села, — это беспощадная расправа с полицией. Если не удастся пробраться в комендатуру, то забросаем гранатами окна. Гранатой прорвем крышу и бросим факел, чтоб дотла сгорело их кубло.

— А где ты возьмешь факел? — спросил Морячок. — Нужно горючее.

— Комендантша обеспечит. Уж керосин-то у нее найдется. А может, и бензин. Идем всем отрядом.

— Михаил, а может, двоих — доктора и товарища Чугуева — оставить тут, — заговорил пока что соглашавшийся с командиром комиссар. — Товарищу Чугуеву тяжело ходить. Нога-то у него болит, хоть он и крепится. Кстати, он здесь принесет больше пользы.

Михаил удивленно вскинул глаза.

— Я узнал, что товарищ Чугуев неплохо владеет топором, — ответил комиссар на безмолвный вопрос. — Пока мы ходим, он тут сможет срубик наметить. А мы потом скоренько смастерим жилье по типу солдатских землянок.

— Это было бы здорово! — загорелся Михаил. — Но сможете ли, товарищ Чугуев?

— Прикажете, товарищ командир, значит смогу, — серьезно ответил Чугуев, уже вынимая из-за пояса свой топорик, с которым и пришел в отряд.

Тут-тук-тук! — раздался стук в дверь.

— Кто там? — удивленно спросонья спросила жена коменданта, вставая с постели. — Батя, вы что, двери в сенях не запирали?

— Что? А? — проснулся и отец.

— Двери, спрашиваю, в сенях не запирали? — уже с раздражением спросила хозяйка, прислушиваясь к повторившемуся стуку.

— Да как же! На все запоры!

— А что ж прямо в комнату кто-то стучится? Как же они в сени попали?

Пока они спорили-гадали, как да что, дверь затрещала и подалась.

Чиркнувшая спичку хозяйка увидела лом, которым была отворочена дверь. Вскрикнула и, убежав за перегородку, притаилась.

— Кто тут? Кто? — строго закричал старик. — Это дом самого коменданта полиции Гарабца!

— Знаем. Он-то нам и нужен! — также резко оборвал его голос.

— Кто вы?

— Народные мстители! — проходя по комнате и присвечивая спичкой, ответил один из вошедших.

— Товарищ командир! — обратился к этому другой голос. — Там комендантша не выскочит в окно? Убежать-то она не сможет, а крику наделает.

— Взять ее. Заткнуть рот, чтоб молчала, и сюда. А ты, старик, садись и слушай... Вас сколько человек сейчас в доме?

— Нас д-д-д-вое. Вот я и невестка, — дрожащим голосом отвечал старик. — Н-н-но только это какая-то ошибка, господа.

— Мы не господа, чтоб вы знали! Вы слышали, что в соседнем районе сделали с полицией?

— Д-да-да-да, там... — старик заметно стихал. — Слышал, там какой-то Мишка Черный.

— Не какой-то, а командир партизанского отряда, — уточнил Михаил и неожиданно для себя добавил: — Народный мститель. Это я и есть.

Старик вдруг закашлялся.

Но Михаил не стал ждать, когда он успокоится, а, увидев перед собой связанную женщину в белой сорочке, стал излагать свои требования.

Он требовал все продукты: муку, крупу, жиры немедленно погрузить на бричку. Сложить туда и всю одежду.

— Сколько у вас всего бричек? — спросил он.

— Ччч-четыре. И лег-чанка, — ответил старик.

— А лошадей?

— Да теперь десяток.

— Ничего себе, хватали, сволочи!

— На сколько подвод можно погрузить продукты?

— Да на три, пожалуй, и уберется, — жалобно ответил хозяин.

— Это откуда у вас их столько?

— С базы. Тут же склад раздавали, как ушли Советы. Все брали, ну и мы...

— Довольно! Быстро все показывай! Не вздумай кричать. Вам мы не собираемся мстить. От вас нам нужны только продукты и одежда. Пошли.

Пока хозяин под конвоем двух партизан выводил и запрягал лошадей, остальные выносили на повозки продукты и вещи. Кстати, у запасливых хозяев оказалась канистра бензина. И уж чего не ожидали — радиоприемник с запасами батарей.

Михаил вышел во двор, прошел за дом, где в палисаднике сидели два партизана, следивших за улицей.

Стоя здесь, Михаил понял: с улицы не слышно и не видно, что делается во дворе коменданта.

Через час комендантша со свекром остались связанными в пустой бричке. Кони паслись тут же на берегу. А все их добро поплыло в больших лодках вниз по реке. Впрочем, они не видели, в какую именно сторону отплыли тяжело нагруженные лодки. Да не все ли равно в какую? Вода следов не оставляет.

АУСВАЙС

СЫН С ПЕРЕКАЛОМ

**ДОРОЖЕ
ЗОЛОТОГО КЛАДА**

Первая часть операции длилась четыре часа.

К двум часам ночи партизаны уже вернулись на главную улицу села и, притаившись у большого дома, стали осматриваться, прислушиваться.

Стояла глубокая полуночная тишина. Ни говора людского, ни собачьего лая.

И вдруг словно струна лопнула, где-то чуть не над самой головой партизан резко закричал петух. Молодой, сильный голос его долго переливался на все лады. Выдав свою мощную тираду, петух еще и проворковал, словно сам себя хвалил за удаль.

— Чтоб тебя разорвало! — прошептал Саша, стоявший рядом с командиром. — Напугал до смерти.

На другом конце села тут же откликнулся второй, более басистый. И пошло.

— Это что ж, скоро утро, товарищ командир? — с тревогой прошептал Саша. — Можем не успеть.

— Как раз время, когда особенно хочется спать. Сейчас даже патруль клюет носом... — ответил Михаил. — Что-то его долго нету. Саша, Ефим, давайте пробирайтесь вперед от дома к дому, пока не увидите патруль.

— Снимать? — спросил, придвинувшись, Ефим.

— Смотря по обстоятельствам. Главное, не шуметь.

— Все будет тихо, — успокаивающе поднял руку Ефим.

«Сибиряк. Потомственный охотник. Он умеет тихо», — веря в этого крупного, но очень ловкого юношу, подумал Михаил.

Когда Ефим и Саша миновали третий дом, где-то за сараем проснулась собака. Сначала лениво заскулила. А потом громко залаяла.

«Все пропало! — с тревогой подумал Саша. — Не петухи, так собака выдаст».

Ефим в это время дернул его за рукав и устремился вперед к следующему дому. Собака осталась в своем дворе и лаяла уже лениво, неохотно. Потом и совсем перестала.

Наконец на середине села появилось какое-то движение. Разведчики прилипли к черной в предрассветной темноте деревянной стенке дома. Медленно, с тихим говором по селу шли двое.

«Патруль!» — поняли разведчики.

Через некоторое время стали слышны даже отдельные слова и тихие шаркающие шаги. Шаркал один. Видно, старый, усталый. Другой мерно постукивал коваными каблуками.

Говорили о большом урожае, не убранном вовремя, о своем, мужицком, далеком от войны. Значит, не какие-то остервенелые полицаи-душегубы, а простые хле-

боробы. Однако у одного, одетого в длинный зипун, за плечами винтовка. Дулом вниз. Другой, тот, что шаркает, — без оружия. Убивать их жалко. Они назначены старостой на ночь в помощь полицейскому патрулю. Их дело выстрелить в небо, если что заметят, поднять тревогу.

Вот они уже поравнялись с домом, где их поджидают партизаны... Прошли. И у соседнего дома, на крыше которого чернело гнездо аиста, сели на лавочку под окном. Пес не залаял, а тихо, приветливо заскулил. Значит, кто-то из них живет в том доме. Теперь пес туда не пустит партизан.

Однако Ефим опять потянул Сашу за рукав и подался за угол дома. Ушли в проулочек. Метров сто прошли по нему. Потом, перейдя на другую сторону этого проулка, стали приближаться к дому с аистом на крыше. Остановились на углу, за которым в двух-трех метрах тихо продолжали свою беседу старый и молодой.

Пес умолк. Видно, к чему-то прислушивался, но не знал еще, что ему делать, лаять или молчать, раз хозяин совсем близко.

«Выскочить из-за угла и крикнуть «руки вверх!» или «стой!», — напугаешь людей. Заорут с перепугу, — думал Ефим. — Нет. Надо спокойно влиться в их беседу, чтоб не шарахнулись».

Первая фраза пришла сама, неожиданно. Потянув Сашу за рукав и взяв автомат наизготовку, так чтоб его было хорошо видно со стороны, Ефим бесшумными шагами, но быстро вышел из-за угла и довольно внятно заговорил с патрулем:

— Мужики, не ругайте, что мы так рано вышли на улицу. Закурить у вас есть?

— Кто вы? — в тревоге воскликнул сразу осевшим голосом молодой.

Ефим вскинул автомат, мол, сам видишь, и строго потребовал:

— Не шумите, мужики. Мы вам зла не сделаем. Поговорить надо.

Видя, что перед ними два автоматчика, патрульные остались сидеть на лавочке.

— Мы слышали ваш разговор. Поняли, что вы не полиция, а простые крестьяне. Поэтому не стали с вами делать того, что следовало бы сделать с настоящими холуями фашистов, — мирно заговорил Ефим. — Так уж и вы молчите. Кто из вас живет в этом доме?

— Я, — отозвался молодой.

— Оставь свою пушку здесь. Быстро спрячь в сарай собаку и возвращайся сюда, — распорядился Ефим. — Саша, не своди с него глаз.

— Да я не убегу, — буркнул парень. — Только вы, хлопцы, лучше уж повяжите нас. А то полиция запорет.

— Это потом. Иди!

Пока тот прятал в сарай своего пса, Ефим узнал от старого, что настоящий патруль — два полицая, — сидит недалеко, в доме, греется самогоном. Но скоро должен тоже выйти на улицу.

Забрав винтовку и повязав мужиков, разведчики пошли к пятому отсюда дому. Еще издали услышали тихий говор выходящих из дому людей. Подойдя к калитке, над которой раскинул огромный шатер старый дуб, партизаны застыли, как часовые.

— Те барбосы теперь спят где-нибудь, — еле ворочая языком, заговорил один полицейский, скрипнув легкой дверью на крыльце.

— Я йи-йим пок-кажу спать! — погрозился другой, споткнувшись обо что-то.

Распахнув калитку, он перекинул винтовку за плечо и обернулся, протягивая руку к напарнику, наверное, что-то хотел попросить. Но тут же икнул и стал валиться на бок, нелепо обводя рукой вокруг. Второй рванулся было к нему. Но удар по голове свалил его к ногам первого.

Саша быстро метнулся от дома к дому, туда, где остался отряд.

Пулеметный огонь брызнул одновременно с громopodobным взрывом связки гранат, брошенной в окно комендатуры, в окно той самой большой комнаты, в которой спали полицейские. В то же мгновение здание комендатуры осветилось вспыхнувшими с двух сторон яркими большими факелами. Какой-то полицейский выбросил в окно гранату. Из другого окна ударил тяжелый шкодовский пулемет, затрещали винтовки. Стреляли вслепую, в сторону ворот, откуда могли ворваться те, кто поднял переполох.

Раздалось еще два взрыва гранат, теперь уже на крыше дома. И туда же, в проломы стропил, словно огненные змеи, полетели один за другим ярко пылающие факелы.

Потом здание начало освещаться каким-то постепенно усиливающимся светом, словно накалялось изнутри, неожиданно над крышей взметнулся огромный язык пламени, и весь дом запылал.

С диким криком и стрельбой из комендатуры выбегали уцелевшие полицейские. У самых ворот они падали один на другого, загораясь собою проход.

Но вот кто-то здоровенный стал отваливать трупы от ворот. Потом протиснулся в калитку. Ползком стал

быстро перебираться через ярко освещенную пожаром улицу.

Никто не стрелял. Никто не препятствовал его бегству. И на противоположной стороне улицы он, наконец, вскочил и одним броском влетел в кусты сирени, прямо в крепкие, железно схватившие его руки партизан.

— Арестованные в здании остались? — спросил его суровый голос. — Быстро отвечай!

— Двое.

— Где они?

— В подвале, — ответил полицей.

— Ты кто?

— Я? Ну... рядовой полицей.

— А где комендант Гарабец?

Полицей почти шепотом ответил:

— Пополз вдоль забора, он раненый, далеко не уполз еще.

— Мигом в подвал! — приказал полицая суровый голос. — Если спасешь заключенных, получишь свободу. Быстро!

Когда полицей вбежал в горящий дом, Михаил послал двоих партизан в ту сторону, куда уполз комендант.

Через некоторое время вместе с клубами дыма из дверей комендатуры выбежали трое.

Михаил послал двух партизан навстречу бегущим из огня.

У арестованных хватило сил только вырваться из горящего здания. За калиткой они попадали, вконец обессиленные. Партизаны и выведший их полицей помогли этим людям перейти улицу. Это были совсем юные парни, с избитыми до синевы лицами, с окровав-

ленными руками. Их усадили на лавочке возле дома, освещенного пожаром.

— Товарищи! — обратился Михаил к измученным парням. — Скажите мне правду, этот, что вывел вас, рядовой полицай или комендант?

— Писарь, — в один голос ответили бывшие узники.

— Он над людьми издевался?

— При мне он только записывал, что я отвечал коменданту, — ответил один.

То же самое подтвердил и другой.

— Товарищ командир! — издали послышался голос подбегающего Саши. — Ведут самого Гарабца!

— Потерпите еще минутку, братцы, — обратился Михаил к освобожденным. — Надо опознать коменданта. И мы вас отвезем к нашему врачу...

Голова упрямо свешена на грудь к правому плечу. Край нижней губы злобно закушен. Левая бровь дико вздернута.

Таким предстал комендант речичкой полиции, когда его привели.

— Это и есть Гарабец? — спросил Михаил освобожденных парней.

— Он, гад! — ответили те в голос.

— Судите его сами, товарищи! — опять к бывшим арестантам обратился Михаил. — Вы лучше нас знаете его преступления и меру наказания.

— Одного расстрела этому гаду мало! — ответил один из парней.

— И повесить его мало, — отворачиваясь, процедил второй. — Мучить его надо столько, сколько он мучил людей.

— Мы народные мстители, — сказал Михаил. — Но

мы не фашисты — мучить не умеем. Повесить его вот на этом дубе!

— Товарищ командир, а нам можно уйти домой? — вдруг взмолился один из освобожденных.

— А не боитесь, что новая полиция вас опять поймает?

— Нам придется забрать своих родных и еще до восхода солнца бежать в лес, — ответил второй. — Нас взяли в кузне за ремонтом автомата.

— Ну что ж, если хватит сил, добирайтесь домой. — Михаил еще раз каждому пожал руку и подошел к писарю. — А приговор приведете в исполнение вы, господин писарь!

— Я не м-могу. Я только писарь. Я тоже не фашист.

— А я командир партизанского отряда! Приказываю! Повесить и написать:

«Так будет с каждым, кто издевается над советскими людьми».

В кошельке коменданта оказались бесценные для партизан сокровища: чистые бланки немецких документов, аусвайсов. С этими документами можно было пройти в любой город.

В это утро в Речице долго никто не выходил на улицу, хотя каждый уже знал о ночных событиях. Все так или иначе видели и дымящееся пожарище и висящего на ветке дуба коменданта. Но никто не хотел быть свидетелем того, что произошло в минувшую ночь.

А партизаны на четырех лодках уплывали вниз по течению речки, заросшей с обеих сторон камышами да ольшаником, переходящим в глухие болотистые леса. Уплывали в глубоком молчании. На двух огромных челнах везли добытые с вечера продукты. На одной лодке

сидели сами. А в другой, где на веслах сидел Ефим-сибиряк, высоко на сене отправился в свое последнее плавание бывший боцман Вася Золотов, единодушно и с любовью прозванный партизанами Морячком. Он был скошен пулеметной очередью сразу, как бросил один за другим факелы. Не успел припасть к земле. Или не терпелось увидеть через высокий забор, достигнут ли цели его самодельные зажигалки.

Дети есть дети.

Это всегда верно. Только не применительно к тем детям, которые наравне с взрослыми видели беспощадные глаза смерти и повзрослели сразу на целое десятилетие.

Дети, ради которых совершили свой подвиг партизаны, весь день, до окончания похорон погибшего партизана не притрунулись ни к какой еде, хотя перед ними было выложено столько заманчивых, вкусных и давно забытых яств, реквизированных у коменданта полиции. Тут были и белый хлеб, и колбаса, и печения разных сортов, магазинные и домашние. Мария Степановна сварила им густой суп на мясном бульоне.

И лишь после похорон, когда весь отряд собрался возле шалаша на поминки, ребята уселись на своем обычном месте, вокруг ведра. Взрослые расположились на траве чуть в сторонке, чтобы не смущать детей.

Но Михаил, тайно не спускавший своего зоркого, прищуренного глаза, видел, как Адамчик, разливая в привезенные партизанами мисочки суп, то и знай смахивал с глаз слезу.

— Ну хватит тебе, — кивнул ему сидевший рядом

бледный и кудрявый, как двухнедельный ягненок, суровый мальчуган. — Слезами ему не поможешь.

— А им? — огрызнулся Адамчик.

— Кому?

— Ну его детям!

— А может, у него их нету.

— Может! Может! — отмахнулся тот, наваливая чернокудрому полную мисочку. — Ешь и молчи, — говорил Адамчик, но сам еще долго ворчал: — Нету. А если столько, как вот нас. Что они теперь будут делать? Кабы хоть адрес знать. У него никаких документов не было. Даже отчества не знают. Морячок, и все. Морячок...

Трое суток отряд отдыхал и строил в лесу землянку для детей. Сруб из толстых сосновых бревен наполовину врыли в землю. А сверху замаскировали огромной сосной, специально подкопанной и поваленной в нужную сторону. Единственное оконце этого жилища выходило на солнечную сторону в самую заваль буrolома, откуда никто случайный не мог забрести. Окно было высотой не больше полуметра, зато в длину тянулось на целых два метра, чуть не во всю стенку. А дверь выходила к огромному корневищу рухнувшей в бурю березы. Посторонний человек с двух метров не мог бы заметить ничего похожего на вход в жилье.

— Главное теперь — не ходить по одному месту к речке, чтоб не сделать тропы, — наставлял Михаил Элеонору Семеновну и ребятишек.

— А можно таежную тропку устроить, — заметил Ефим.

— Как это? — заинтересовался Михаил.

— По бревнам. Вот как мы свалили сосну, так повалить десяток деревьев до самой речки, а чтоб похоже

было на бурелом, пройти и дальше, повалить то там, то тут. Бывают такие вихри, что целые гектары выкручивают, — ответил Ефим. — А по дереву не то что по траве, долго следа не вытопчешь.

— Это здорово! — одобрил Михаил. — Главное, что эта тропа и зимой пригодится.

Все это слушал и Чугуев, второй день лежавший в шалаше. Он все еще не верил, что и ему из-за разболевшейся ноги придется застрять здесь не на день или два.

Для самозащиты и охраны детей партизаны оставили Чугуеву несколько лимонок, немецкий автомат, а Элеонора Семеновна выпросила себе винтовку, признавшись при этом, что и в руках ее не держала. Но Чугуев успокоил девушку, пообещав сделать снайпером.

Дав слово при первой же возможности наведаться в этот уголок, партизаны ушли к лодкам, чтобы уплыть в соседний район, поближе к вражеским коммуникациям. Самую маленькую лодку они вытащили на берег и замаскировали так, чтоб с речки в любое время года не было ее видно. Лодка эта была здесь на случай, если Чугуеву с его «дивизией», как, прощаясь, партизаны называли детский лагерь, пришлось бы покидать свое удобное жилье.

«За голову Михаила Черного 10 000 оккупационных марок!»

Это было напечатано огромными, черными, далеко видными буквами. А ниже мелким текстом шло объяснение, кто такой Михаил Черный и почему так дорого ценится его голова.

Большая серая бумажка эта была намертво прилеп-

лена к стенке пустого, покинутого хозяином дома на отшибе села, в которое решились наконец зайти партизаны после пятидневного путешествия по воде и глухим лесным тропам.

Село это стояло среди болот и лесов. Но и до него дошла слава о народных мстителях, которыми командовал неуловимый Михаил Черный. Правда, в приказе окружного шефа полиции Михаил Черный назывался бандитом, который якобы терроризирует мирное население, грабит и натравливает его на «освободителей».

Пока Михаил с товарищами читал и обсуждал этот приказ, из села вернулись разведчики вместе со старостой.

Почти совсем седой, с усталым морщинистым лицом и глубоко запавшими глазами староста назвался Сидором Терентьевичем Кравчуком и попросил командира поговорить наедине.

Михаил ушел с ним во двор. Они сели на колоде, в которой торчал заржавевший колун, впопыхах забытый хозяином.

— Сын мой в Красной Армии, — начал староста. — Меня немцам подсунул народ вместо Грисюка. Был у нас тут бежавший из тюрьмы мироед. Куда-то его, видно, комсомольцы загнали. Одним словом, прибрали к рукам. Вот какое у нас село. Поэтому, чтоб не навлекать подозрений, вы лучше к нам не ходите в село, а помощь мы вам организуем, какую только захотите.

— Ну что ж, Сидор Терентьевич! Правильно решили, — одобрил Михаил. — Держитесь и дальше. Обманывайте этих гадов, но не давайте в обиду наших людей. А нам... Ну, если нетрудно, организуйте несколько буханок хлеба, можно даже просто сухарей и еще какой сможете еды.

— А мины вам не нужны случайно? — несмело спросил староста.

— Что за мины? Какие? Откуда они у вас? — встрепенулся Михаил и ухватил старика за руки.

— Военный катер в начале войны тут в речке застрял. Живым оказался один только машинист. Да и тот умирал от тяжелых ран, когда сын пробрался к нему. А Володька мой дотошный в машинах, хоть ему всего только пятнадцатый. Вот он и нашел в том катере мины, говорит, будто бы против танков они.

— Где они? Кто о них знает?

— Да кто ж, никто, кроме самого Володьки, не знает. А только я вам так скажу: очень он крепкий у меня характером... — тут старик почесал в затылке. — Он у нас последний в семье, немножко перекаленным получился...

Михаил мотнул головой, мол, не понимаю, что к чему.

— Не отдаст он вам те мины, если не запишете в партизаны, да не куда-нибудь, а к самому Михаилу Черному. Я уж ему не перечу. Все равно не удержишь.

— Но он же еще мал, — возразил Михаил.

— Да вы ему как раз под ручку будете, товарищ командир, — довольно ухмыльнулся старый отец. — Он в материн род, крепкий растет.

— Ну, если и вы не против, то я что ж, возьму.

— Но только чтоб представили его самому Михаилу Черному, — позаботился отец, — чтоб командир партизанов знал, какой мы пай вносим в его дело. Потому как мин у нас на два центнера весом будет.

— Два центнера? — недоверчиво переспросил Михаил.

— Может, немножко и больше. Так что нельзя, чтоб это добро легко растранижирили.

— Даю вам слово командира Красной Армии, а теперь партизана, что ваши мины будут рвать только фашистов, — торжественно поклялся Михаил, все еще не веря неожиданной удаче. — Ну, а сам катер где?

— Затопили на середине речки. Подальше от греха.

— Спасибо, Сидор Терентьевич! Спасибо! — Михаил горячо пожал руку старика.

— Ну так вы идите в лес. А как стемнеется, мы придем к вам. Если у вас есть какое сомнение, пошлите со мною тех двух, что уже приходили.

— Нет, зачем же, я вам верю, — ответил Михаил. — Идите сами.

— Ну, комиссар! — возвратившись в отряд, Михаил обрадованно положил руку на плечо друга. — Если это не провокация, то с завтрашнего дня мы начнем творить такие дела, что небу станет жарко.

Когда он рассказал товарищам о своей беседе со странным старостой, решили на всякий случай ждать его не в лесу, а за речкой. Возле тропинки к лесу оставить только засаду, чтоб встретила старосту, если тот пойдет, как обещал. А если обманет, засада вернется в отряд.

Старик не обманул. Он пришел в лес с сыном, притаившим на своих плечах два таких мешка, что их по одному едва перенесли в отряд сидевшие в засаде Ермачок и Саша.

Володя трогательно при партизанах распрощался с отцом и на лодке с двумя бойцами поплыл за минами.

Над рекой, с обеих сторон заросшей камышами и лозами, стояла глубокая полуночная тишина. Долго был слышен скрип уключин, быстро удаляющийся плеск

весел, они казались партизанам торжественной музыкой, предвещавшей начало новой, горячей, необычайно кипучей жизни.

Мины. Мины... Мечта каждого партизана! Будут мины...

— Фашисты покрыли кровью и пеплом свой путь. Ушли дальше. Дранг нах остен! — словно сам с собою рассуждая, заговорил комиссар, когда растаяли последние всплески весел. — А тут, под пеплом, под грудями развалин остались вот и мины, и пулеметы, и пушки. И самое главное, остались люди со стиснутыми зубами, с кулаками, полными жажды мести.

— Да ведь таких, как Володя, в каждом селе не один и не два, — согласился Михаил. — Собрать бы их всех в один отряд.

— Ничего, еще придет время, соберем. Или сами соберутся в такие же, а то и большие отряды. Скоро у немцев земля будет гореть под ногами!

НОВАЯ РОЛЬ

**«ШАБАШНИКИ»
ПОНЕВОЛЕ**

СВОИ ПОМЕШАЛИ

Тайник Володи Кравчука оказался настолько надежным, что партизаны решили взять с собой только четыре мины, а остальные там же по-прежнему замаскировать. Володя вырыл яму в сухом песке, среди глухого леса, под корнями старой разлапистой сосны. Двое суток делал он подкоп под огромное дерево.

«От добра добра не ищут,— сказал Ефим, когда закончили маскировку минного склада,— лучшего места не придумаешь. А таскать их все с собой мы не сможем. Каждая, поди, по пяти килограммов». Знаток мин и вообще саперного дела оказался только капитан Орлов. До войны он был начальником боепитания полка и так, для себя, изучил все роды мин. Он умел их даже разбирать. И когда Михаил спросил, нельзя ли приспособить к такой мине часовой механизм, не задумываясь ответил, что можно, только это будет громоздкое сооружение.

Дмитрий Артемьевич тут же

спросил, что именно замышляет командир. И Михаил ответил, что он еще ничего конкретного не придумал, но важно занять «адскую машину», а все остальное приложится.

— Вот бы танк подорвать! — мечтательно сказал Саша.

— Где ты его возьмешь в этой глуши! — отмахнулся вологодец. — Хотя бы автомашину.

— Больно жирно на простой автомобиль тратить противотанковую мину! — отрезал Дмитрий Артемьевич. — Вот если бы на железной дороге это использовать...

— Ты угадал мои мысли, — обрадовался Михаил. — Об этом я и думал, когда спрашивал о часовом механизме.

— А что именно вы имели в виду, товарищ командир? — заинтересованно спросил капитан.

— Пробраться на станцию. Всунуть под первый вагон, чтоб в пути взорвалась.

— Да еще неплохо бы угадать в состав с боепитанием! — развивал эту мысль капитан. — Там землю раскололо бы от детонации!

— Ну что? — командир задорным, горящим взглядом посмотрел на друзей. — Двинем на железную дорогу Белосток — Гомель?

— Да-а, — протянул Дмитрий Артемьевич, — это сейчас Волга немецкого фронта. День и ночь плывет по этому руслу войны разруха и гибель...

— Значит, согласны? — с еще большим подъемом спросил командир. — Володя, ты можешь достать будильник?

— Конечно! Могу сейчас сбегать, — с готовностью ответил Володя.

— Товарищ командир, разрешите внести предложение не заниматься сейчас этими мелочами, — рассудительно заговорил капитан Орлов. — Часы мы добудем по дороге, все равно нам нужна встреча с часовым мастером. У меня ведь нет никаких инструментов. Лучше давайте поскорее отправимся в путь.

— Все это так, только надо ли откладывать до утра и спать ночью, — не уверенный еще, что его поддержат, ответил Михаил. — Может, лучше сейчас выбраться на Березину, переплыть ее и по той стороне, более болотистой, отправиться вверх, к дороге.

— Правильно! — поддержал Ефим. — Выспаться и днем успеем. А ночью надо переправиться через реку, она ведь судоходна, там теперь немцы хозяйничают.

— Ну что ж, тогда возвращаемся в лодки, — сказал Михаил. — Володя, сколько километров по этой речушке до Березины?

— Не больше пяти.

— В путь, товарищи!

Трое рабочих в старом, грязном рванье, стоя на платформе, сгружали дрова. Это дрова для самого ландвирта Вайсса. Сухие, березовые.

Вайсс любит, чтоб по вечерам в камине весело горели березовые дрова. Именно березовые. Когда староста посылал своего хозяйственника в лес, он строго-настрого приказал: «Только березовых». Хозяйственник не дурак, сам он в лес не поехал, в лапы к партизанам. Он пошел на станцию, где постоянно околачивались «шабашники» — деревенские мужики, ищущие случайного заработка на погрузке или разгрузке. Нашел троих, на вид

самых голодных. Один черномазый, с бритой головой, синей, словно облитой ежевичным соком. Двое других тоже низко стрижены. Сразу видать, что все из бывших советских заключенных. Да это все равно, кем они были раньше. Важно, что аусвайсы в порядке и запросили недорого — по четвертинке постного масла и горсточке соли.

Соль стала теперь на вес золота. Это особенно хорошо знали сами «шабашники». Сработали они неожиданно для старосты быстро и ловко. Договорились сделать все за два дня. А управились за один. Да и дрова какие! Звенят, словно стеклянные!

Видя, что дело идет хорошо, староста отдал рабочим часть их заработка — масло. И ушел, пообещав соль принести утром, когда перевезут дрова.

Наниматель ушел. А рабочие поднажали и в несколько минут очистили платформу от дров.

И как только спрыгнули на землю, к ним подбежал сцепщик.

— Беда, ребята! Уходите! Идет эшелон эсэсовцев. На станции не должно быть ни души.

— А как же наша платформа? — возмутился синеголовый. — Сумеешь ты ее перегнать куда надо?

— Но ведь авиабомбы станут выгружать только когда совсем стемнеет. Эсэсовцы к тому времени уедут.

— А вдруг не уедут?

— Все равно перегоню, если не к самому пакгаузу, то в тот тупик, где стоят еще не разгруженные вагоны с авиабомбами.

Целую неделю «шабашники» околачивались возле станции, добивались «зарплата». А на самом деле искали железнодорожника, который согласился бы помочь в их деле. И вот нашелся этот сцепщик, Иван Сирота,

оказавшийся и на самом деле круглым сиротой. Жена перед самой войной повезла больного сынишку в Москву на лечение, да так неизвестно где и застряла. Сам Иван был тяжело ранен в первые дни войны, но сумел избежать плена и добраться до дому, надеясь, что и жена как-нибудь все-таки вернется в родные края, потому-то он и устроился на работу на прежнем месте. А теперь, когда уже дело дошло до зимы, то куда ж пойдешь. Решил тут и зимовать. Фашистов Иван ненавидел лютой ненавистью. И очень обрадовался предложению партизан, переодетых «шабашниками», устроить немцам фейерверк. Взялся-то он за это дело искренне, от всей души. Но партизаны все время боялись, что Иван испугается, смалодушничает и если не предаст, то в последний момент откажется от опасной затеи. Поэтому, когда он сообщил о прибытии эшелона с эсэсовцами, партизаны задумались. Особенно приуныл синеголовый, которым был Михаил Черный, не пожалевший для новой роли даже своей завидной шевелюры. Однако, подумав, он твердо сказал:

— Я останусь перекладывать дрова. Ребята уйдут.

— Что вы! — отмахнулся Иван. — Перед приходом поезда станцию окружают полицейские и всех прогонят. А ко мне приставят шпика. Как грех за душой, будет бродить за мной везде, пока не уйдет эшелон. Так уже было не раз. К счастью, он ничего не понимает в моей работе и ни во что не вмешивается. Я куда хочу, туда и загоню ваш вагон. — И, приблизившись к Михаилу, Сирота тихо добавил: — В случае чего я его ключом по башке, и был таков. Мне ведь надо как-то добыть оружие, если пойду к вам.

— Об оружии не заботься, — ответил Михаил. — Все тебе будет, если дело с нашей платформой не сорвешь.

В это время на путях показались трое полицейских. Один из них направлялся прямо к ним.

Сцепщик сделал вид, что он просто проходил мимо рабочих, сгружавших дрова, и удаляясь, бросил через плечо:

— Не бойтесь, ровно вдесять ваша платформа будет стоять там, где надо!

«Шабашники» продолжали курить, сидя на дровах, будто бы и не замечали решительно приближавшегося полиция. А тот еще издал крикнул:

— Кончили разгружать? Марш отсюда! Быстро!

— Устали мы, господин полицейский, — глухо ответил один из рабочих. — Ну да ночевать здесь не собираемся. Сейчас уйдем...

— Давай, давай, поднимайтесь! А то в комендатуру.

— Да в комендатуре мы уже были, — устало поднимаясь, ответил синеголовый. — Весь двор от хлама очистили. Теперь в комендатуре для нас работы больше нету. Вот утром погрузим дровишки для господина ландвирта и подадимся в город, там, говорят, набирают рабочих. Правда это, как вы думаете?

— Мне некогда думать, — ответил необщительный полицай. — Быстрее уходите!

Рабочие больше ни слова ему не сказали, ушли. И только из-за угла первого дома еще раз посмотрели на «свою» платформу. Со стороны ничего не заметно. Минуты они пристроили над рессорами. Посторонний не может ее заметить. Только бы удалось Ивану загнать ее к десяти часам к пакгаузу, в котором скопилось немало взрывчатки, или на запасной путь, поближе к эшелону с бомбами.

Трое лежали в овражке, заросшем бурьяном, и смо-

трели туда, где в ночной мгле едва заметно желтел одинокий глаз семафора. В восемь часов пришел какой-то поезд. Наверное, тот самый, с эсэсовцами. Уедут ли они к десяти?..

На часах — без пяти десять. Все трое закурили. Молча, жадно. Чтобы скоротать неимоверно долгие минуты, Михаил заговорил нарочито неспешно.

— Такие волосы в театре я срезал бы только для самой важной роли! — И он огорченно погладил свою круглую колючую голову.

— А что, мы играли неважную роль? — удивленно спросил Ефим. — Целую неделю были «шабашниками».

— Тихо! — поднял руку Михаил.

Все замолчали. Слышно было только тиканье часов в руке Михаила. Огромные карманные часы «Павел Буре» тикали звонко, четко. Они решительно отсчитывали и безжалостно, куда-то в бездну, сбрасывали частицы неповторимого времени.

Время всегда дорого, но сейчас оно томительно долго стоит на одном месте.

Скорее бы. Скорее бы десять.

Еще четыре. Еще целых четыре минуты.

За это время можно несколько раз вынуть из-под платформы мины и обезвредить.

За четыре минуты можно успеть прицепить подозрительную платформу к маневровому паровозу и угнать далеко за станцию. Пусть там взрывается.

Многое можно сделать за четыре... Но теперь уже не четыре, а три минуты осталось до...

Левее тусклого глаза семафора вдруг, словно фонтан, брызнуло яркое пламя. И тут же рвануло землю.

— Что это? — вскрикнул Ефим. — Нет еще десяти.

Но, словно в ответ ему, небо над станицей, над ее

окрестностями, черное небо над всем миром вдруг вспыхнуло ослепительными протуберанцами.

Земля дрогнула, загрохотала, загремела, словно разорвалась до самого основания. Взрыв был подобен извержению вулкана. Рокочущий, гудящий, нарастающий, он переходил в сплошной рев.

Все стихло внезапно, как и началось. Лишь небо горело, клубясь и взвихриваясь многоцветными огнями и облаками дыма.

Партизаны долго молчали в оцепенении. А потом вдруг закричали «ура». И двое бросились тормошить, обнимать, тискать третьего.

— Да что вы, ребята! При чем же тут я! — оборонялся Михаил. — Это Иван. Все сделал Иван. Дождем его и уж покачаем.

— Идемте к нему навстречу, — предложил Ефим. — Может, он ранен или контужен.

— Разминемся! — возразил Михаил. — Уж будем ждать здесь. Место он знает. Сам назначил.

Но прошел час. Другой.

Начало светать. А Иван Сирота не пришел.

Михаил, наконец, встал и, сняв фуражку, сказал в сторону станции, где бушевал и свирепствовал неумный пожар:

— Прощай, Иван!

Повернулся и пошел. И товарищи его молча следовали за ним.

Партизаны сидели под березой и смотрели на луну. Напряженно, молитвенно. От ее поведения зависела сейчас удача и неудача задуманного дела. А от этой

удачи — жизнь и судьба, может быть, целой тысячи людей там, на фронте и за линией фронта.

Луна была полная, яркая. И светила на землю щедро, старательно. А это партизанам сегодня совсем ни к чему. Их взоры были направлены как раз не на ее начищенный до блеска лик, а туда, откуда медленно, уж чересчур медленно подкрадывалась к ночному светилу небольшая, но довольно плотная тучка. Михаил смотрел на часы. Считал секунды. И, как астрономы предсказывают затмение, так он предсказывал время затмения тучкой луны.

— Полторы минуты! От силы сто секунд здесь продержится тень, — шептал он Ефиму.

Сибиряк удовлетворенно кивал: этого времени будет достаточно, чтобы незамеченными проскочить от леса к железнодорожной насыпи, по которой бродит немецкий патруль.

Дымчатое облачко стало похоже на кошку, подкрадывающуюся к огромной спелой тыкке, за которой спряталась мышь. Вот эта кошка царапнула лапкой желтый круг. На землю пала тень. И двое с тяжелым ящиком, который они волокли по жухлой траве, метнулись из лесу к железной дороге. Тень от высокой ели указывала им путь и скрывала от глаз немцев, шедших как раз в сторону партизан.

А слева быстро, катастрофически быстро, как огромная, остро отточенная сабля, надвигалась роковая для партизан полоса лунного света. Как луч прожектора, осветила эта поистине глупая луна всю поляну между лесом и насыпью.

Немцы идут не спеша. Шагают со шпалы на шпалу. Тихо, лениво говорят.

О чем они беседуют? Может, тоже о луне?

Только они думают о ней хорошо. Она им помогает. Пока луна светит, им не страшно, никто не подойдет к железной дороге незамеченным. Вот они остановились. Умолкли. Вдали послышался шум идущего поезда.

Партизаны, лежавшие на земле, давно слышали этот шум. Он их и радовал и пугал. Поезд уже был в километре. А пемцы стояли на середине пути.

Что они, не думают сходить с дороги?

— Миша, если эти оболтусы спустятся на нашу сторону, нам не подбежать к рельсам незаметно, — шепчет Ефим.

— Все равно побегим! — упрямо отвечает Михаил. — Если и увидят нас на насыпи, будет поздно, поезд они уже не остановят...

Взрыв. Тяжелый, ревущий, какой-то многократный, как гром, неожиданный взрыв вдруг прижал партизан к земле. Придя в себя, поняли, что уже нет больше шума и грохота долгожданного поезда. А там, где только что грохотал быстро приближавшийся состав, затмевая луну, ярко полыхало высокое пламя, поднялась какая-то трескотня, похожая на автоматную стрельбу.

— Патроны рвутся в огне! — определил Ефим. — А это снаряды. Видно, вагон со снарядами влетел в крушение, — добавил он, когда елочка дрогнула от тяжелого глухого взрыва.

— Черт возьми! Соседи помешали! — выругался Михаил и вдруг заинтересованно спросил: — Как ты думаешь, на той стороне против места крушения болото или лес?

— А какая разница, если состав подорвали у нас под носом чужие! — проворчал Ефим.

— Дура! — недовольно воскликнул Михаил. — Какие же они тебе чужие!

Ефим виновато умолк, потом сказал:

— Я в том примерно месте был, когда ходил в разведку. С той стороны лесок хилый, болотистый. А настоящий лес только по эту сторону.

— Надо немедленно отсюда выбираться и бегом наперерез тем ребятам, — сказал Михаил. — Попробуем установить с ними связь, ведь свои же люди, коль делают то же, что и мы. — Последние слова он сказал совсем тихо, потому что по пути в сторону аварии бежали два немца.

Одновременными выстрелами Михаил и Ефим уложили этих немцев, а сами бросились назад, в лес. На путях поднялись свист, крик, стрельба. Но партизаны были уже далеко в лесу.

Перехватить соседей отряд Михаила Черного не сумел. Удачливые подрывники исчезли бесследно.

— Ну что ж, самое главное для партизана — вовремя смыться! — пошутил Михаил. — И все-таки жалко, что мы с ними не встретились. Видать, хорошие ребята!

— Товарищ командир, а не зря мы тут остановились? — тревожно заговорил Ефим, прислушиваясь к стрельбе и крикам на месте крушения. — Немцы пойдут искать тех, а наткнутся на нас.

— Было бы здорово, если бы мы хоть прикрыли отход этих ребят! — ответил Михаил и махнул рукой. — Пошли!

— Значит, это наша последняя вылазка на железную дорогу, — огорченно заметил вологодец.

— Линию исправят, и поезда снова загрохочут. У них фронт! Его кормить надо и свинцом, и железом, и горючим. Да и мясца живого надо все время подбрасывать. Наши там, видать, не сидят сложа руки.

— Да чего спорить. Уходить от железной дороги нам незачем, пока есть взрывчатка, — рассудительно заключил Дмитрий Артемьевич. — Но тихо! Что это?

**СОБАКА —
ДРУГ ЧЕЛОВЕКА?**

**КОГДА И УМЕРЕТЬ
НЕСТРАШНО**

ПЕТЛЯ ЗАТЯНУЛАСЬ

Собака — друг человека. Друг. Но почему же там вздрогнули и в растерянности остановились прямо на открытой поляне даже самые смелые, когда в лесу вдруг прорвался звонкий, нетерпеливый собачий лай? Даже Михаил обернулся и нервно закусил губу.

— Деревенская. Дворняга, — сам себя успокаивая, промолвил сибиряк.

— Овчарка! — категорически отверг опасное самоуспокоение Михаил и снял с плеча винтовку. — Идет по следу.

— Когда овчарка идет по следу, она не лает, — возразил Ефим.

— Собака ведет себя так, как ее научат, — знающе заявил Михаил. — Пограничная идет так, что камышинку не заденет, чтоб не вспугнуть нарушителя. А фашисты и сами действуют нахрапом и собак приучили бросаться на людей, брать на испуг.

— Да, это так, — невольно согласился Ефим. — Однако приближается.

— Чего ж мы тогда стоим? — спросил Василий.

— Не бойся. Идут не по твоему следу. По чужому, — сказал Михаил.

— Не чужие они мне! — взвизгнул Василий. — Но зачем подставлять башку под шальную пулю?

— Для меня это пули не шальные! — отрезал Михаил. — Эти пули направлены в моих друзей. Да чего тут спорить! Можешь уходить на все четыре стороны, коли боишься. — И, глянув на остальных решительным командирским взглядом, Михаил громче бросил: — За мной!

Партизаны быстро пересекли продолговатую поляну, поросшую густой, нескошенной в этом году травой, и укрылись в лесу за тремя огромными березами, росшими из одного гнезда.

— Пулемет! — скомандовал Михаил. — Десять метров вправо! Пристроиться за сосновым пнем.

— Есть пристроиться за сосновым пнем! — ответил пулеметчик.

Но командир остановил его и строго добавил:

— Стрелять только после меня. Я попробую первым выстрелом уложить пса, а уж потом все сразу ударим по фашистам. Ясно? Крой!

Когда все получили задание и заняли свои места, к командиру подошел северянин. Было видно, что он раскаивается.

— К пулеметчику! — не глянув ему в лицо, через плечо бросил командир.

— Есть к пулеметчику! — Василий с радостью побежал выполнять приказание.

— Ефим, — тихо обратился Михаил к сибиряку. — Стань за березой и тоже бери собаку на мушку.

— Что с тобой, Миша? — в тревоге спросил сибиряк,

вставая справа и проверяя свою винтовку. — Собака ведь не медведь, и одной пули хватит.

— В том-то и дело, что собака, а не медведь, — озабоченно ответил Михаил. — Прыгает, рыскает — не угадаешь. К тому же и далековато, они ведь по той стороне идут.

— Миша! — шепнул Ефим и спрятался за стволом толстой березы. — Смотри, они!

Михаил и сам уже видел группу людей, быстро пробравшихся по опушке с противоположной стороны поляны, по тому самому месту, откуда только что пришел и его отряд. Их было пятеро. Все в старой, запыленной красноармейской форме. Четверо несли на самодельных носилках раненого или убитого. Они с винтовками. И только пятый, шедший позади и все время тревожно оглядывавшийся, был с автоматом.

— Да-а... — тяжело вздохнул Михаил. — Им не отбиться с таким вооружением!

— Может, мы вместе с ними зайдем оборону, — высказал предложение Ефим.

— У них раненый. Пусть уходят. Мы сами... — Михаил замаялся и уверенно закончил: — Сами разделимся со всеми собаками.

— Смотри сколько этих двуногих собак! — качнул головой Ефим.

— Им покажется, что нас много, если начнут стрелять совсем не те, за кем они гонятся. Хорошо бы две винтовки перенести вперед, в конец поляны, и ударить в лоб. Пошли Ермачка и Сашу.

Ефим, несмотря на кажущуюся неповоротливость, очень быстро сбегал к дереву, за которым залегли два стрелка, и, передав приказание командира, вернулся.

— Хорошо бы переброситься словцом с ребятами,—

с трудом переводя дыхание, кивнул Ефим на пятерку, которая уже прошла мимо, не подозревая о неожиданной поддержке.

— И сам думаю, — ответил Михаил, — да слышишь, скулит, сволота. Если бой не затянется, мы их догоним. А в случае чего ты один побежишь к ним на связь, уговоришься о встрече. Сам назначишь место. Только насчет численности отряда, ты... того... лучше приври. Может, перейдут к нам, их мало.

— А вдруг у них где-нибудь большой отряд?

— Ну, значит, мы к ним придадимся, — не задумываясь, ответил Михаил. — Это ж не позор. Особенно, если у них хороший командир. На вот, отнеси им стрептоцид, для ран хорошо. И бинт... — И, почему-то краснея, Михаил тут же пояснил, откуда все это у него. — Это мне Эля дала.

Понимая состояние друга, Ефим сразу переменял разговор. Он предложил весь запас еды передать незнакомым партизанам, так как им теперь нельзя появляться в селах, пока не пристроят раненого.

— Гу-аф! Аф! Аф! — вырвалось на поляну хриплое и остервенелое.

— И лает-то по-фашистски! — поднимая винтовку, промолвил Михаил.

Но не успел он взять пса на мушку, как раздался одиночный винтовочный выстрел. Михаил увидел, что это стрелял красноармеец, снявший винтовку с плеча одного из четверых товарищей, несших раненого.

Пес взвыл, но еще быстрее устремился по следу. Лаял он теперь не так громко, но еще злее, еще оголтелее. Теперь его снова не было видно. Он бежал по лесу.

«Умно уходят ребята! — оценил Михаил. — На поляну выходили специально, чтоб своим следом выманить

собаку на открытое место и убить. Жаль, промазал стрелок».

Совсем близко, на скрещении следов двух отрядов, пес опять поднял свой голос на весь лес. Вероятно, увидел наконец тех, кого преследовал.

«Собака — друг человека! — скептически подумал Михаил, спокойно поднимая винтовку. — Друг... а гонится за человеком так, словно хочет проглотить его живьем. Нет уж! Собака становится тем, кем ее делают люди — другом или врагом!»

На мушку выскочила серая с бурым отливом огромная овчарка. Уши черные, наостренные. Глаза горят раскаленным стеклом. И вдруг она словно сорвалась в очередном яростном прыжке и распласталась, больше не таякнув. Тут же упал ведущий ее на поводу немец автоматчик. И тогда поляну раскололи почти одновременно два выстрела.

— Ты был так уверен во мне, что стрелял сразу в немца, — дружелюбно покосился Михаил на сибиряка и поднял руку, дав знак не стрелять.

Но стрелять пока было не в кого. Немцы не показывались.

— Что, он был один? — удивленно спросил Ефим.

— Нет, Ефим! — печально качнул головой Михаил, чутко прислушиваясь к лесным шорохам позади себя. — Беги! Что бы тут ни творилось, беги к тем ребятам. Ну!

Ефим растерянно развел руками и рванулся было выполнять приказание. Но Михаил сам его остановил крепким дружеским объятием.

— Здесь может быть всякое, Ефим! — сказал он сурово. — Пес лаял не на партизан, он подавал сигнал немцам, которые пошли в обход.

— Ух ты! — схватился за винтовку Ефим. — И вер-

но. Не дураки же они идти следом. Тогда жалко, что мы здесь не всем отрядом.

— Наоборот, хорошо. Там и мины и оружие. Если что... сколотят новый отряд...

— Да это так. Это верно, — согласился Ефим.

Не успели они распроститься, как над поляной рванул дробный, словно барабанный бой, стук двух пулеметов. Стреляли откуда-то из-за спины, совсем близко. Ясно было, что палят немцы туда, откуда раздалось два партизанских выстрела.

«Пока что бьют вслепую», — понял Михаил и рукой дал знак своим не подниматься и не отстреливаться, чтоб не обнаруживать себя.

Низко пригнувшись, он подбежал к пулеметчику и жестом увлек за собой. Таким же образом он снял всех остальных стрелков и кустарником быстро повел их в том направлении, куда ушел Ефим. «Надо собираться в один кулак, — решил Михаил. — Так будет легче отбиваться. И раненому будет безопаснее со своими».

На пути попался ручеек, за которым предстояло пробежать метров сто по открытой местности. Ефим пробежал. Михаил это видел. Но теперь там скрестились две пулеметные трассы, которые словно задались целью скопить кустарник — единственное прикрытие для партизан, которые рискнут перебежать поляну, чтобы оторваться от врага.

Михаил оглянулся на своих, глазами показал следовать его примеру: повесив винтовку за спину, а запас патронов взяв в левую руку, вошел в ручей и поплыл, отталкиваясь свободной рукой и ногами. Весь отряд последовал за ним. Пулеметная стрельба на поляне стала еще яростней, еще беспощадней. Там, где несколько ми-

нут назад зеленели густые ольховые кусты, теперь у самой земли торчали белые обшарпанные ветки. Взорвалась граната, потом еще и еще. Немцы прочищали себе дорогу.

У берега, в зарослях осоки, Михаил поднял голову, чтобы осмотреться. За огромным пнем лежал немец в каске и стрелял из пулемета. За ним зеленела фигура второго немца, который, вероятно, подавал ленту. Ясно было, что и эти стреляют не по цели, а лишь «прочищают» лес.

Проследив глазами за вьющейся по лесу лентой осоки, Михаил понял, что ручей огибает подковой выбранную пулеметчиком позицию, поэтому дальше ползти в воде невозможно. А лежать здесь тоже долго не придется. Сейчас фашисты натешатся, кончат свою косьбу и пойдут во весь рост. И уж конечно, увидят в ручье группу партизан.

Оглянувшись, Михаил кивнул Ермачку, мол, следуй за мной. И пополз по осоке в направлении к пулемету.

Когда ползешь, когда подкрадываешься к врагу, который держит тебя под страхом смерти, сердце бьется вдвойне сильнее и, кажется, выдает тебя своим стуком. В ушах стоит сплошной гул и звон. Но не робей, ты слышишь его только сам, а враг увлечен своим делом, стрельбой. Стрелять, особенно если тебе не отвечают тем же, очень интересно. Выпускай ленту за лентой, смотри в звенящий, ревущий, гогочущий лес и воображай, что там где-то валяются снопами неприятельские отряды. Сыпь, нажимай.

Видно, такими героями и чувствовали себя сейчас двое пулеметчиков в капустно-зеленых мундирах, но только до той самой минуты, пока с совершенно неожи-

данной стороны на их головы не обрушилось по винтовочному прикладу. Немецкий пулемет утих лишь на минутку. А потом он повернул в обратную сторону, где на поляну уже выходили автоматчики, и ударил им в упор.

— Ганс! Доннер веттер! — заорали с противоположной стороны поляны, видимо уверенные, что пулеметчик Ганс, увлекшись, стал стрелять по своим. Немцы, вышедшие было на поляну, попадали. Одни быстро уползли обратно в лес. А некоторые так и остались там, где залегли...

«Этот пулеметчик с напарником или шел вслед за собакой и проводником, или мы не заметили, когда он оторвался от своих и перебежал поляну, — размышлял Михаил, стараясь определить, остался на их пути кто-нибудь из немцев или нет. — Попробуем рвануться к густолесью». И взмахом руки Михаил поднял свой отряд на перебежку.

Но только он это сделал, кто-то больно рванул его за руку, словно хотел остановить. Михаил даже оглянулся. Но тут же упал. Пули горячим ливнем зажужжали вокруг него. Стрельба громовым шквалом заполнила уши. Ермачок лежал рядом с немецким пулеметом и, бледный, смотрел на Михаила. Видя, что Михаил собирается переползть, Ермачок снял свой ремень и туго перетянул руку командира выше локтя, чтоб кровью не истек. Быстро поползли в глубь леса, уже не обращая внимания на пулеметный огонь, рвавший землю, крошивший листву и ветви деревьев. Остальные бойцы, поняв, что командир ранен, подобрались поближе и ползли кучнее, все время поглядывая на Михаила. Заметив, что за командиром остается на траве кровавый след, Ермачок достал из кармана неприкосновенный запас пере-

вязочного материала и за первым толстым деревом быстро сделал перевязку.

— Дальше лес густой. Рванем? — кивнул Михаил товарищам.

— Иного выхода нет, — ответил Саша. — Но найдем ли тех ребят?

— Попробуем! — ответил Михаил и побежал в чащу старого елового леса.

Здесь деревья надежно укрывали партизан от глаз и от пуль врагов, которые бесновались, исходя истощенным пулеметным огнем, бросали гранаты, орали на весь лес. По лесу, как и прежде, шли они, видимо, очень медленно, потому что и стрельба и крики быстро отставали от партизан, теперь бежавших уже во весь рост.

Лес становился гуще и сырей. Сосен совсем не стало. Все чаще среди ельника стали попадаться поляны, поросшие ольхой, — явный признак заболоченности. Наконец еловый лес совсем кончился, и пошел густой невысокий ольшаник попеременно с лозняком.

Вдруг сбоку из лозняка послышался окрик:

— Миша! Ермачок!

Все узнали голос сибиряка.

— Ефим! — ответил Михаил. — Ты не ранен? Один? Где отряд?

— Все здесь! — ответил Ефим. — Скорей сюда. Тебя командир зовет.

— Командир зовет? — удивился Михаил и дал знак своим остановиться здесь и занять оборону.

В гуще лозняка Михаил увидел Ефима и остальных незнакомых ему партизан. Ефим и еще двое стояли как на боевом посту — винтовки наизготовку. А остальные склонились над раненым.

— Осколок из ноги вытаскивают, — тихо пояснил Ефим подошедшему Михаилу, кивнув на раненого, лицо которого было закрыто плащ-палаткой. Двое держали его за руки и за ноги, а третий чистил рану. Осколок весь в запекшейся крови уже лежал на траве. «Хирург» присыпал стрептоцидом рану, которая начиналась выше колена. И начал бинтовать. Марли хватило только на первый слой. Дальше пришлось заматывать изорванной нижней рубашкой, которая, вероятно, была когда-то белой.

— Рваная рана, вот что плохо, — закончив свое дело и рукавом вытирая лоб, сказал «хирург». Приветливо кивнув Михаилу, он добавил: — Командир хотел тебя видеть. Но сейчас он, наверное, без сознания.

Открыли лицо раненого. Михаил вздрогнул. Подбежал. Да так и упал на колени, припав к бледному, заросшему щетиной, но такому знакомому лицу полковника Стародуба.

Нежно, почти не прикасаясь, Михаил обнял того, кого считал утраченным навеки. Потом порывисто встал и поочередно перецеловал всех незнакомых ему, но ставших сразу близкими бойцов.

— Где вы его нашли? — спросил он радостно.

— Это он нас нашел, а не мы его, — ответил «хирург».

Снова прострочил пулемет, ближе, чем прежде.

— На носилки! Пошли! — скомандовал Михаил. — Пулеметчики! Один вперед, второй позади. Автомат — со мною. Остальные по бокам. Ефим, Саша — в разведку. Идите все время впереди в полукилометре. Если нарветесь на засаду, старайтесь уходить без выстрелов.

— Да, ввязываться в бой нам теперь невыгодно, — заметил «хирург». — Только бы оторваться.

Но оторваться отряду от фашистов не удалось. Видно, слишком важным был пущенный под откос эшелон и неутолима ярость фашистов.

Уходя из-под обстрела, который теперь приближался круто загнутой подковой, отряд Михаила Черного вышел из большого леса и углублялся в поросшее кустарником болото.

Без собаки немцы шли вслепую. Но к ним, судя по густоте огня, все время прибывали новые силы. Линия облавы расширялась, постепенно затягивая в петлю всю окрестность.

Теперь у партизан был только один путь, вперед, по болоту. А оно, как на зло, становилось все более топким. Кустарник редел и наконец совсем кончился. Перед остановившимся отрядом открылась широкая, до самого горизонта, чистая болотистая равнина. Лишь кое-где на ней зеленели островки, поросшие лозняком или ольшаником.

— Топь, — упавшим голосом определил вологодец. — Непроходимая смертная зыбь.

— Еще раз скажи про смерть, и я тебя расстреляю, чертов паникер! — зло бросил Михаил и, приказав отряду сделать привал, пошел с Ефимом по берегу трясины.

А стрельба позади становилась гуще, сильнее. Слышались уже отдельные зычные выкрики немецких командиров.

«Видно, они-то знают местность. У них карта. Вот и загнали нас в трясину», — думал Михаил, зорко рассматривая болото.

— Кладка! — обрадованно воскликнул Ефим и указал Михаилу на полузатопленные в черной жиже ольховые жерди, сложенные одна за другой в виде узкой

тропки, ведущей в середину трясины, к большому острову, поросшему седым лозняком.

— Тропинка косарей, — догадался Ефим.

— Как же они оттуда сено носят по этим жердочкам? — не поверил Михаил.

— На санях возят, зимой, когда болото промерзнет.

— Вообще-то похоже, — согласился Михаил. — Но если мы заберемся на тот остров, то уж оттуда нам возврата не будет.

— Зато и фашиста ни одного не пропустим к себе, пока будем живы.

— Пока будем живы... — тихо, печально, однако с какой-то угрозой в голосе повторил Михаил. — Правильно, Ефим. Окопаемся. И будем эту тропку держать на мушке.

— Да можно и тропу-то убрать. Кто пойдет последним, потянет за собой жердь, передаст впереди идущим. И так всю дорогу унесем с собою на остров. А новую пусть попробуют построить, пока у нас есть патроны.

Глядя на спасительную тропку, Михаил прищурил левый глаз и тихо процедил:

— Они-то могут и не делать такой кладки, с воздуха достанут. Поставят миномет и смешают этот островок с грязью.

— А что ж делать? — развел руками Ефим.

— Да что ж, идти на остров, — прислушиваясь к выстрелам, теперь уже совсем близким, ответил Михаил. — Ты иди, проверь эту кладку до самого островка, а я приведу отряд. Если что не так, выйди навстречу.

Лавиной стрельбы, трескотни, окриков и посвистов приближалась к болоту немецкая облава.

— Как на волков идут — с шумом и гамом! — заметил вологодец.

— Это они нас отпугивают, чтоб самим не напороться на засаду, — ответил ему автоматчик из нового отряда, оказавшийся его земляком, высокий, очень спокойный боец Ваня Торопов. — В лесу они воевать не любят.

— Но вот же идут! — грустно возразил Ермачок.

Раздалась команда: «Вперед!» И отряд направился по кладке в глубь болота. Впереди теперь только двое самых сильных бойцов несли носилки с раненым. Михаил пристроился на полпути о бок кладки, стоя на специально захваченной из лесу валежине. Он держал винтовку наизготовку и зорко осматривал опушку, с которой только что ушли. Если вдруг высунется из лесу немец, его надо снять одним выстрелом. Перестрелки сейчас, пока отряд на переходе к острову, затевать никак нельзя. Враги могут перестрелять во мгновение ока партизан, растянувшихся цепочкой и не имеющих возможности залечь.

Последними шли двое — северяне Василий и Ваня. Пройдя первую кладку, они с огромным трудом вытащили ее из черного, засасывающего болотного месива и передали вперед. Тяжелая, облепленная скользкой болотиной, разбухшая лесина пошла по рукам к острову и была брошена в болото лишь на полпути. За ней — вторая, третья... Важно было разобрать кладку хотя бы до половины пути.

Солнце склонилось над орущим, стреляющим лесом, когда партизаны выбрались на остров и стали располагаться для обороны.

Случай с собакой пошел немцам впрок. Из леса они не высывались, хотя чувствовалось, что приблизились к болоту вплотную. Наступил вечер. Стрельба на немец-

кой стороне смолкала. Вспыхнули костры, уточнявшие для партизан линию вражеского кольца.

Немного в стороне от кладки среди старых порубок ольшаника партизаны окопались и установили пулемет. Отсюда будет видно, если немцы попытаются восстановить кладку. А пока пулемет работает, врагам к острову пробраться не удастся. Остальные бойцы окопались вдоль острова. И только раненый был унесен на противоположный конец острова, подальше от прямого вражеского огня.

На рассвете Михаилу доложили, что Стародуб очнулся и просит Михаила к себе. Михаил пошел к раненому командиру.

Стародуб лежал в густом лозняке на мягкой подстилке из травы и смотрел в холодное зеленеющее небо. Когда он увидел склонившегося над ним Михаила, он улыбнулся.

— Миша. Наконец-то!

— Товарищ командир, лежите молча, вам нельзя говорить, — остановил его Михаил.

— Немцы притихли? — спросил Стародуб и, когда Михаил кивнул, он уверенно сказал: — Больше они палить не будут, по крайней мере один день, а постараются выманить из мышеловки всякими хитростями.

— Ночью ребята пытались пробраться в глубь болот, к следующему острову. Не удалось. Зыбь непроходимая. Кладки не держатся, — спокойно ответил Михаил, однако в голосе его Стародуб уловил обреченность. — У нас есть два вологодца, знающих болота, они плетут какие-то лыжи и на четвереньках хотят пробраться к дальнему острову. Говорят, за тем островом чувствуется близость речки. По речке мы вплавь ушли бы.

— Ну когда сделают лыжи, пусть покажут мне. А пока что слушай, как меня похоронили... Тебе это важно знать, потому что там очень надежное село. Хорошие там люди. На них можно крепко опереться.

— Если выберемся отсюда... — заметил Михаил.

— Спартак был в худшем положении и то вырвался.

— Это когда их на горе окружили и они лестницы делали из виноградной лозы?

— Да... Найдем и мы такие лестницы... Что-нибудь придумаем, если лыжи не выручат. Ну так слушай...

РЕБЯТАМ ПОВЕЗЛО

ДРУГ ЗА ДРУГА

Раньше Миша неохотно гонял свою буренку на пастбище. А теперь, когда началась война и Красная Армия ушла на восток, теперь совсем другое дело. В лесу и на полянах, вдали от села, где недавно прошли бои, осталось много интересного. Каждый день пастушки находили что-нибудь новое, уж не говоря о патронах, которыми набивали торбы и пачками бросали в костры, пугая матерей и стариков напоминанием недавних перестрелок. Пятиклассники Миша, Коля и Яша держались в стороне от других мальчишек. Их дружба скреплена была не только школой, а еще больше тем, что отцы вместе ушли на фронт.

Сегодня три друга проснулись раньше обычного — они решили забрать в свое стадо коров тех хозяек, мужья которых защищали Родину, а дома не было пастухов. Надо было пораньше обойти все такие дворы и предупредить о том, где будет собираться стадо.

Женщины насовали в торбы пастушков хлеба, сухарей, бутылок с молоком. А те, у кого держалась еще мука, дали по ватрушке или пирожку.

Ребята погнали коров, провожаемые добрыми напутствиями солдаток.

За селом Миша вытащил из-за пазухи красноармейскую пилотку со звездочкой и лихо нахлобучил на голову. К серой домотканой рубашке приколот значок «Юный ворошиловский стрелок», а через плечо повесил бинокль. Коля и Яша тоже надели пилотки, но у них не было значков, и оба в душе завидовали другу. Со значком да биноклем он казался им похожим на легендарного полководца гражданской войны. Осталось только подрасти да усы отпустить. Миша это знал и старался быть всегда подтянутым, как и подобает истинному полководцу. Он даже дома перешел «на военное положение» — спал только на жесткой постели, по утрам обливался холодной водой, ел три раза в день. (Раньше он ел, как говорила мать, один раз в день — с утра до вечера без перерыва.) И самое главное, он теперь при каждой возможности старался быть смелым...

Чтобы скорее войти в лес, ребята погнали коров напрямик, через нескошенный, осыпавшийся ячмень.

Захлестав росою штаны до самого пояса, мальчишки углубились в недра старого бора. На солнечной полянке, окруженной с трех сторон речушкой, коровы разбрелись по траве, а пастушки сели завтракать.

Договорились так: один остается возле стада, а двое до обеда рыщут по лесу в поисках трофеев. Потом сме-на. Чтоб никому не было обидно, бросили жребий. Пер-вому пришлось пасти Яше. А Миша и Коля отправились в ту часть леса, которая не была еще ими исследована. Часа через два они набрели на большую немецкую

пушку. Конец ствола ее, направленного на восток, был разворочен, словно пасть кровожадного зверя после схватки с бесстрашным охотником. Это сходство особенно усиливала ржавчина, похожая на запекшуюся кровь.

Не найдя здесь ничего подходящего, друзья отправились дальше.

Пошел сплошной сосняк. Деревья стояли гуще, стройнее. Чаше стали попадаться холмики с песчаными лысыми. За каждым из них ребята надеялись найти что-нибудь новое. Но ничего нового не попадалось, и «исследователи» продолжали свой путь, уходя все дальше от стада.

— Я здесь никогда не бывал, — тихо признался Коля.

— Тут и отец твой не хаживал, не только ты, — ответил Миша, настороженно всматриваясь в густую заросль молодого ельничка.

— Отец-то, положим, был...

— Коль, глянь!

— Что там?

— Вроде бы как дом.

— Может, вернемся? — глотая слюну, прошептал Коля. — Вдруг немцы?

— У, дурень! — храбро направляясь вперед, сказал Миша. — Говорил же тот летчик, что немцы леса боятся, как черт лаdana.

«Будь что будет, только бы не фрицы!» — решил Коля и пошел за другом.

— Чудаки же мы! — вдруг громко воскликнул Миша, разглядев на пригорке штабеля дров, которые принял было за постройку.

Коля обогнал друга и первым выбежал на холмик.

Но тут же присел, словно пришибленный. В его побелевшем лице, в широко раскрытых глазах товарищ прочел дикий ужас и тоже опустился на землю.

— Что там? — пересохшими губами не скоро спросил Миша.

— Тсс! — подняв руку и грозно сдвинув брови, предупредил Коля и подал знак отступить.

Уползая за другом на четвереньках, Миша настойчиво добивался разъяснения происшедшего. Но ответ получил только тогда, когда страшное место осталось далеко позади.

— Там... в окопе... под черной елкой... — с трудом переводя дыхание, рассказывал Коля, — сидит кто-то и винтовку в руках держит.

Миша постоял в нерешительности, потом сказал:

— Давай залезем на дерево и в бинокль рассмотрим.

— Правильно! — обрадовался Коля. — Хорошо, что ты не забыл его.

Вскоре друзья сидели на верхушке развесистой сосны и поочередно рассматривали то, что их так напугало. Возле обгоревшей ели, в черном окопе, сидел человек с винтовкой, поставленной между коленей вверх штыком.

— Коль, а как он сидел раньше?

— Точно так же.

— Не может быть!

— Чтоб мне с места не сойти!

— Ох и трусы мы с тобой, Колька! — громко воскликнул Миша, опуская правую ногу, чтобы слезать с дерева. — А еще пионеры! Ведь это неживой солдат, да еще и наш, советский! Видишь звездочку на пилотке?

— А пилотка съехала на глаза, и он ее не поправляет. Значит, правда неживой.

С быстротою кошек опустились на землю и, обгоняя друг друга, помчались к черному дереву.

Вершина холма за штабелями дров была скрыта окопами, среди которых валялись обгоревшие немецкие мундиры, консервные банки, множество разных бумаг.

Мальчишки долго стояли возле погибшего воина. Призрак смерти, казалось, еще бродил между обожженными, окаменевшими деревьями. Невольно представлялась картина недавнего боя. Ребята долго обменивались предположениями, почему красноармеец умер в такой позе. Наконец решили, что немцы пальнули из огнемета, у него сразу захватило дух и он умер, сидя в окопе.

— Командир отделения. Пехотинец, — знающе заметил Коля.

— Конечно, не летчик! — ответил Миша.

— Нам его не вытащить из окопа, — огорченно сознался Коля. — Мертвые всегда тяжелые.

— А зачем его тащить куда-то? Окопчик глубокий, похороним в нем по-военному, — предложил Миша. — Вон у него и лопаточка.

Быстро обложили труп дощечками из-под патронных ящиков, которые здесь валялись на каждом шагу, и засыпали землей.

Пока Миша обкладывал дерном могилу, Коля нашел под кучей слежавшейся бумаги кусочек кумача, вероятно обрывок лозунга. Вырезал складышком маленький флажок и, прикрепив его к палочке из сухой ветки, воткнул в середину холмика. Лесной ветерок подхватил конец флажка, и он затрепетал, как огонек.

— Пусть это будет ему временным памятником, — сказал Миша. — Потом сделаем лучше.

— Давай надпись сделаем! — придумал Коля.

— А какую ты придумаешь надпись? — развел руками не очень богатый на выдумки Миша. — Ни фамилии, ничего не знаем.

— Я уже придумал. Найди только мне уголек. А я подберу подходящую дощечку...

Лишь закончив похороны воина-героя, друзья спохватились, что солнце уже совсем низко, и припустили во все лопатки к Яшке. Возле ручья, попавшегося на пути, остановились передохнуть и напиться. В карманах у них было по кусочку хлеба и луковица. Все это время они так и не вспомнили о еде. Каждый окунул свой кусок в воду и ждал, пока хлеб размокнет. Они сидели на корточках возле прохладного, глухо булькавшего ручейка и прислушивались к дремучей тишине лесной чащобы. И вдруг оба настороженно оглянулись. Показалось, что кто-то застонал.

— Ребятки, помогите!

Мишка испуганно посмотрел в глаза друга. Колька, широко раскрыв рот, посмотрел в глаза Мишки.

— Мальчишки, сюда!

— В ольшанике! — наконец прорезался голос у Мишки.

— Раненый! — догадался Коля. — Везет нам сегодня!

Найти в лесу раненого и оказать ему помощь было заветной мечтой многих мальчишек прифронтовых деревень.

— Хлеб не ешь! Понесем ему! — прошептал Коля. — Вдруг он голодный?

Зажав в пригоршнях разбухший в воде хлеб, мальчишки побежали на зов неизвестного.

В зарослях ольхи они увидели военного, беспомощно лежавшего на спине с перебинтованной ногой.

— Дяденька, с самолета упали? — вскрикнул Миша.

— Нет, в бою был ранен. Товарищ притащил меня сюда и ушел в село за едой, но, видно, попался сам. Второй день нету. Погиб где-то. Из-за меня.

— Дяденька, а вы поешьте хлеба, потом у вас силы прибавится и все расскажете, — предложил Коля, протягивая свой хлеб.

— Хотите, мы перетащим вас в свой тайный дот? Там сухо, и дождь не попадает, — предложил Миша.

— Вы ж не поднимете меня. А сам я теперь не могу даже ползти. Нога совсем отяжелела. Видно, заражение крови.

У Кольки от последних слов глаза покраснели. Он вскочил.

— Заражение крови! Это знаешь как страшно! — воскликнул он, глядя в лицо друга, тоже перепуганное и беспомощное. — Бежим скажем Софье Ивановне.

— Правильно! Она и ночью пойдет, не побоятся, — обрадовался Миша счастливой догадке.

— Кто это? — спросил раненый.

— Наша фельдшерица. Ее муж в Красной Армии, а она тут живет, прячется от немцев. Полицай ее пока не трогают, потому что им она тоже нужна, — сказал Колька, и оба стремглав помчались в глубь леса, где уже слышался нетерпеливый крик заждавшегося Яшки.

Проснувшись, Стародуб открыл глаза и тут же зажмурился от яркого солнца. Полежав еще немного, он чуть-чуть приподнял веки и сразу понял, что свет падает через дверь. Значит, он в помещении. Посмотрел

вверх — потолок из двух сухих бетонных плит. Значит, это тот дот, о котором говорили мальчишки. Посмотрел направо вдоль стены и в удивлении поднял голову. Что это? Откуда столько оружия?! Вдоль стенки в стройном ряду стояли русские и немецкие автоматы и винтовки. В левом углу блестел обильно смазанный пулемет «максим». На стволе его висел немецкий котелок с водой. Вдоль дальней стены в ряд лежали в два яруса отличные кавалерийские седла. Пол был выложен желтыми кирпичиками, похожими на куски хозяйственного мыла.

«Неужели тол? — удивился Стародуб. — Да, тол. Ну и хозяйственный народ».

Почти у двери на старом коврик лежали гранаты и две мины к батальонному миномету. Все было разложено и расставлено в безупречном порядке. И Стародуб невольно воскликнул:

— Молодцы! Молодцы ребята!

Тотчас послышался слабый шорох за дверью и ласковый, уже знакомый Стародубу мальчишеский голос:

— Проснулись, товарищ командир?

И на пороге в сиянии горячего солнца показался Миша.

— Здорово, друг мой. Но почему ты называешь меня командиром? Может, я даже и не военный совсем.

— Утром, когда мы пригнали коров, фельдшерница наказала нам, чтоб мы вас берегли пуще своей жизни, потому что вы большой военный начальник. Значит, командир.

— А она-то откуда это взяла?

— Вы сами все рассказали ночью, когда у вас был жар.

— Ну что ж, раз проговорился, так тому и быть. Но лучше, если ты и твои друзья будете меня называть просто Сергей Петрович.

— Есть, товарищ командир, называть вас просто Сергей Петрович! — приложив руку к пилотке, воспользовался Миша, может быть, единственной возможностью показать свою военную выправку. — А я Миша.

— Что мы будем дальше делать, Миша? — как-то уныло спросил Стародуб.

— Придет время, будем воевать! — хитренько кивнув на свои трофеи, ответил подросток. — А пока что вам нужно только кушать и спать. Кушать и спать. Фельдшерица сказала, что у вас полное истощение. Ни кровинки не осталось.

Миша выскочил и тут же вбежал с котелком, прикрытым белой тряпочкой.

— Вот суп, я уже несколько раз его подогревал. Я вам положу что-нибудь под голову, чтоб удобно было есть.

— Ничего не надо, я сяду.

— Нет! Нет! — в ужасе закричал Миша. — Вам же сделали операцию в ноге и на боку. Вы не помните, потому что, как вас положили на носилки, сразу потеряли сознание.

— А ты и это знаешь?

Миша подложил под голову больного сложенную вдвое шинель, лежавшую рядом с носилками, и, поставив на грудь ему котелок, дал маленькую деревянную ложку.

— Кушайте, а я расскажу, — подав кусок мягкого хлеба, Миша присел на порожке. — Я ведь не надеялся, что мне так повезет. Я только вернулся с коровами, отец ко мне сердито: «Почему так поздно да отчего ты такой

взъерошенный?» Я молчал, молчал, а потом и бабахнул: «Не скажу! Это тайна, а ты сам учил хранить тайну до смерти!» Ну и пристал он.

— А кто у тебя отец?

— Учитель. Только сейчас он не работает и не будет. Ему легко отвязаться от фашистов, он без одной ноги. Это у него после Хасана. Помните?

Стародуб, занятый едой, только кивнул, мол, помню, что такое Хасан. А Миша продолжал:

— Пришлось рассказать правду, чтоб не подумал чего плохого. Так это он потом и фельдшерицу привел. А я им дорогу показывал. Они и дота ни за что не нашли бы сами. Это ведь далеко от нашего села.

— Как ни далеко, а долго здесь оставаться нельзя. Могут выследить.

— Теперь это нестрашно. Теперь вы тут не одни. Стародуб тревожно вскинул глаза на мальчугана.

— Другие переселились в шалаш, здесь недалеко. Они и до вас тут только в дождь прятались. Этот дот у нас с ними — общий арсенал.

Стародуб даже есть перестал:

— А кто ж эти другие?

— Бывший председатель сельсовета. Два красноармейца и наша депутатка районная. Так что вдруг какая тревога, они вас унесут в другое место.

— Так ты их приведи сюда, познакомь меня.

— Не, пока раны не заживут, вас никто не должен тревожить. А ухаживать будем по очереди, я днем, папа ночью, а Софья Ивановна будет наведываться, когда нужно.

— Миша, ты мой главнокомандующий, я во всем тебя буду слушаться, — отставив пустой котелок и поблагодарив за обед, тихо заговорил Стародуб. — Но у

меня есть одно очень важное дело. Мне надо посоветоваться...

— Только со взрослыми? — с заметной обидой спросил Миша.

— Да как тебе сказать... Может, и ты помог бы, но ведь ты целыми днями в лесу со стадом и не знаешь, что теперь делается в селах.

— Ну, я от мальчишек первый все узнаю! — весело подмигнул Миша и принес подогретую на угольках кружку молока. — Выпейте и спите снова, а потом расскажете хоть мне, хоть папе.

— Да в этом и тайны-то никакой нет, — взяв в руку кружку, печально заговорил раненый. — Видишь ли, Миша, у меня был друг, совсем молодой парень, который спас мне жизнь и притащил в этот лес. Так вот он ушел несколько дней назад куда-то за едой и пропал.

— К нам не приходил, — покачал головой Миша. — А если бы пришел, то не пропал бы, потому что в нашем селе ни немцев, ни полиции. Это в соседнем селе и фашисты и полиция. К нам они только два раза приезжали, один раз за хлебом, а другой раз за коммунистами. Хлеб мы отдали, а коммунисты попрятались в лесу. А какой он был? Может, еще появится, так хоть знать буду.

— Невысокого роста. Черный. По национальности он калмык.

— Черный? Не негр, а просто загорелый? — встрепнулся Миша. — А фамилия как?

— Фамилия у него трудная, калмыцкая. А что?

— Если калмыцкая, тогда не он, — успокоился Миша. — То на хуторе за соседним селом один кулак выдал нашего снайпера, когда тот пришел просить еду.

— Ну? — больной встрепнулся и весь потянулся к мальчишке. — Ну и что? Где он теперь?

— Так то другой человек, Сергей Петрович, — успокоил Миша. — Я точно знаю, что фамилия у него совсем нетрудная. Зовут его, как и меня, Мишей. А фамилия так и есть — Черный.

— Где он теперь? Что с ним? — бледнея и теряя силы, спросил раненый.

— Да вы не бойтесь! Он уже снова на воле. Его сперва поймали. Посадили. А потом он убежал.

— Когда он убежал? Когда?

— О побеге я только сегодня узнал. Староста развешил приказ полиции искать Мишку Черного. А тому, кто найдет, десять тысяч марок обещают, дом и корову! Да только у нас таких нет, как тот предатель. Ручаюсь, во всем селе ни одного.

Раненый долго молчал, учащенно дыша. Потом тихо сказал, что все-таки ему хотелось бы как можно скорее поговорить с отцом мальчика.

Мишка Черный, наверное, это и есть его друг. Он теперь придет на поляну к березе и не найдет его.

На лбу раненого вдруг выступил пот, глаза закрылись, голова бессильно повернулась набок и он потерял сознание.

Миша испугался, что командир так и умрет, и побежал за фельшерией.

...Шли дни, Стародуб понемногу поправлялся. А когда смог ходить, встретился с укрывавшейся в лесу группой красноармейцев и местных коммунистов. Через месяц они организовали партизанский отряд и вот пустили первый поезд под откос...

Между прочим, Стародуб сказал и о том, что видел ребячью могилу с флажком.

— Сначала удивился, что там была приписана моя фамилия. А потом догадался, что это приходил ты, что

тебя ввели в заблуждение, — говорил Стародуб. — Я стер свою фамилию и написал тебе несколько слов. Назначил день, когда приду опять к этой могиле на случай возможной встречи с тобой. Но ты не пришел ни в первый, ни в другие дни.

— Сергей Петрович! — встрепнулся Михаил, встал и нервно походил вдоль носилок. — Скажите, кроме шести известных нам органов чувств, у человека есть еще какой-то скрытый, пока что неизвестный?

— Это ты к чему?

И Михаил рассказал, как ему до смертельной тоски хотелось сходить на могилу Стародуба перед уходом отряда в другой район.

ЦЕНА СНАЙПЕРА

ИНОГДА
ОТСТУПИТЬ —
ЗНАЧИТ ПОБЕДИТЬ

Всю ночь немцы стреляли трассирующими пулями. Над островом почти непрерывно тянулись «красные осы». И партизаны шутили: «Немцы думают, что на острове нет спичек, вот и присвечивают». В лесу партизаны насчитали до десятка костров. Но сразу поняли, что почти все это ложные костры. Немцев возле них нет. Видно, они сидели в засаде, надеясь выманить островитян. А партизаны и не думали уходить с острова прежним путем. Все взоры их были направлены на восток, где простиралось неведомое тряское болото, за которым хотя и далеко, но была свобода.

На восток...

«Лыжники» вернулись с болота грязные с ног до головы и безнадежно усталые. «Лыжи» не оправдали надежд. Это не такое болото. Метров через десять лыжи так облипали черной вязкой грязью, что начинали выгибаться, и двигаться вперед становилось невозможно.

Вася называл эту часть болота ржавой. На нем ничего не растет и даже лягушки не водятся. Было бы оно, как первое, по которому прошли, заросшее ряской, то еще можно бы пробраться, а в ржавом никакой травы, никаких переплетений, сплошное смрадное месиво.

Немцы, видно, узнали об этом от местных жителей и потому спокойно расположились в лесу, поджидая, пока партизаны сами начнут возвращаться с острова.

Восхода солнца загнанные на болотный остров партизаны ждали в тягостном молчании. Было ясно, что утром враги предпримут что-то решительное. Но что именно, никто не мог догадаться.

Михаил сидел возле раненого Стародуба. Они тихо, не спеша обсуждали все известные им способы передвижения по болоту.

Бойцы, окопавшиеся за ночь на передовой линии обороны и замаскировавшиеся, всматривались в таинственно примолкшую утром опушку леса, где крепко засели враги.

И только Ефим занимался простым обычным делом — кормил отряд. Он варил похлебку из хлебных крошек. В его распоряжении было всего лишь три солдатских котелка на двенадцать человек. И он кормил отряд в два приема. Бойцов, которые занимали переднюю линию обороны, он покормил еще затемно, чтоб не демаскировать их. А теперь готовился раздавать завтрак остальным. Очаг его, устроенный недалеко от штаба (так называли место, где лежал раненый Стародуб), был устроен в глубокой ямке, вырытой по совету Михаила. Даже ночью немцы не могли увидеть огня из такой «печки». А днем, чтоб не привлечь внимания к дыму, решили только слегка поддерживать очаг самым сухим хвостом, которого здесь была уйма.

Наконец взошло солнце, затопив и безоблачное небо, и густой лозняк, и окрестные болота мягким и, наверное, последним в эту осень теплом и светом. В лозняке чирикали птицы, мирно, спокойно летали пчелы. У них не было войны, они знай себе трудились...

Позавтракавшие Ефим и земляки-вологодцы сидели возле «штаба» и молча слушали беседу двух командиров, которые время от времени обращались за советом и к ним.

Все говорили тихо, с расстановкой: прислушивались к тому, что делалось там, на опушке леса, боялись упустить первый момент наступления.

— Русские, сдавайтесь! — вдруг зычно и отчетливо, словно гром с ясного неба, обрушился на остров приказ.

— Вон с чего они начали! — со стоном тихо проговорил Стародуб и кивнул Михаилу, мол, иди к бойцам.

— Ну, я побежал, товарищ командир, — все же по-старому обратившись к полковнику, сказал Михаил и направился к «передовой».

— Товарищ командир, разрешите с вами! — попросился Ефим, видимо, и за вологодцев, потому что все они уже стояли навтыяжку.

— Оставайтесь здесь, в резерве, — ответил Михаил и скрылся в лозняке.

На краю опушки, почти в том месте, где вчера лежала первая жердь кладки, тускло блестел какой-то предмет, выброшенный немцами, видимо, еще ночью. Михаил внимательно присматривался к этому предмету из своего окопчика, открытого за высоким корневищем ольхового куста.

— Русские! — опять донеслось с вражеской стороны.

И Михаил тут же понял, что за предмет блестит на опушке, — громкоговоритель.

— Мы не хотим вашей смерти, — чисто по-русски выкрикивал какой-то наймит. — Вы мужественные люди, а немецкое командование умеет ценить отважных солдат. Переходите к нам. Вы получите работу. А снайпер, который попал в глаз бегущей собаке, будет у нас наравне с героем рейха.

Русские солдаты! Сдавайтесь, и мы даруем вам свободу и жизнь. Мы не торопим вас. Но не изнуряйте себя понапрасну. Мы сами поможем вам выбраться с острова. У нас готов завтрак. Есть коньяк. Переходите.

— Совсем неплохо, — заметил Ермачок, подмигнув Михаилу из соседнего окопа, где он с Сашей сидел за пулеметом.

— Рус... — опять начал было громкоговоритель и умолк.

Над островом прогремел винтовочный выстрел. Это выстрелил Михаил. Блестящий громкоговоритель исчез.

И тем не менее вскоре с опушки леса послышался голос, уже без громкоговорителя:

— Снайпер у вас замечательный! Но все равно вам придется сдаться! На что вы надеетесь?!

— На солнышко! — ответил Михаил громко, зная, что все равно его окоп уже засекли по выстрелу. — Пригреет, и болото высохнет.

Пулеметчики одобрительно засмеялись. Да и на той стороне через некоторое время зашумели — видно, немцам перевели ответ партизана.

— Снайпер! — опять закричали без рупора. — Зря себя губишь. Подумай. Даем тебе два часа.

— До ночи они смешают нас с грязью, — уверенно сказал Ермачок. — Нужно им из-за нас торчать здесь.

— Нужно! — утвердительно качнул головой Миха-

ил. — Очень даже нужно. Ведь диверсии на дорогах стали обычным явлением. А кто их совершает, немцы толком и не знают. То ли десантники, то ли партизаны, то ли местные жители.

— Прав командир, — согласился Саша. — Они хотели бы взять нас живьем и в клетке провезти измученных да изуродованных на устрашение другим.

Ровно в двенадцать немцы исполнили свое обещание, открыли такой густой пулеметный огонь, что пули неслись над островом сплошной горячей метелью, срезая и кроша верхушки лозняка. Густой куст ольхи, за которым был окопчик Михаила, пулями срезало, словно осоку на кочке. Немцы мстили снайперу за громкоговоритель.

Стрельба прекратилась так же дружно, как и началась. До полудня стояла тишина. Наконец, когда солнце перевалило далеко за полдень и ветер понес к осажденному острову запах варева, которое немцы готовили себе на ужин, опять раздался голос в громкоговорителе, установленном где-то не на виду:

— Русские, вы голодны. Зачем вы сами себя мучаете? У вас есть раненый, мы можем оказать ему помощь.

На этот раз немцам никто не отвечал, хотя они время от времени принимались уговаривать или грозить.

А солнце шло к закату. Первые сутки осады кончились благополучно.

Как только вечер стал заволакивать лозняки густым болотным туманом, Ефим быстро сварганил ужин и накормил отряд. На этот раз его похлебка была вдвое жиже утренней. И в ней уже не плавало кушочков сала.

Когда стемнело, Михаил и Ефим подсчитали запа-

сы еды. Оставалось граммов восемьсот хлеба, три ку-
сочка сахара и горсть соли.

Соль сразу же спрятали подальше, чтоб и не соблаз-
няться. Голодному нельзя давать соленого, чтоб не об-
пился и не начал отекать.

Сахар отдали раненому, внушив, что всем досталось
по столько же. Отрезали ему и сто граммов хлеба, тоже
под тем предлогом дележа между всеми.

Ночью все, кроме двоих дозорных, собрались в
«штаб» на совет.

Но долго сидели молча. Наконец Стародуб спросил,
кто видел, как делается плетень.

Ответа не было.

— Принесите пучок самой тонкой лозы.

Двое сразу бросились резать лозу.

А командир тем временем рассказал, что надумал за
день.

Расстояние до следующего острова, по утверждению
опытного в этом деле Михаила, метров восемьсот. Если
лыжи шириной в каких-то тридцать и длиной в пятьсот
сантиметров все же держали на болоте человека, то
плетень в метр шириной будет надежной тропкой даже
для тех, кто понесет носилки.

Стародуб с горечью сознавал, что он стал тяжелой
обузой. Но понимал, что друзья и не мыслят себе спасе-
ния в одиночку и без него.

Мысль о плетне показалась настолько реальной, что
бойцы зашевелились, весело загомонили. И один из них
предложил немедленно идти резать лозу, а учиться де-
лать плетень на ходу.

— Пусть товарищ командир сплетет нам маленький
образец, и дело пойдет.

И когда Стародуб, сам впервые взявший в руки ло-

зу, соображал, как делать плетень, чтоб он получался сплошным, нервущимся ковром, бойцы уже шелестели вокруг в лозняке.

Михаил, вспомнив, что видел, как здешние косари скручивают аркан из лозы и увязывают стог сена, рассказал об этом Стародубу. И вскоре появился образец плетня, который было невозможно разорвать. А ведь то были хворостинки толщиной с соломинку.

— Ну, Миша, теперь моли немцев, чтоб дали еще денек, — тяжело вздохнул Стародуб.

— Так мы за ночь смастерим этот плетень! — горячо воскликнул Михаил.

— Но днем же не пойдешь по нему. Думаешь, они сбоку не просматривают болото, отделяющее нас от дальнего острова?

— Да это наверняка. Ночью прожектор несколько раз шастал в той стороне.

— То-то же. Ну, иди к ребятам. Да смотри теперь особенно зорко следи за кладкой, чтоб немцы за ночь не проложили где в другом месте. Они ведь могут выгнать деревенских мужиков на работу.

— Правда! Двойной расчет: они и тропу проложат, и стрелять в них не станут партизаны, — ответил Михаил и пошел проверять посты.

Но немцы в эту ночь даже не стреляли. Видно, все еще надеялись взять осажденных измором.

Изготовление плетня оказалось не таким легким делом, как показалось сначала. В отряде не было топора. Лозу резали ножами, а их было всего лишь три: одна фипка, кухонный с широким лезвием и маленький перочинный, о котором Ефим сказал, что им только блох колоть. Лоза нужна была самая толстая, ее бы топорик-

ком рубить, а не ножами, которые вскоре затупились так, что и не резали и не пилили.

К полуночи партизаны поняли, что самое трудное в их деле — это заготовка лозы. Руки у всех были натерты до крови. Но работали по-прежнему яростно, ожесточенно.

Утром, когда немцы опять завели свою «шарманку», начали кричать в громкоговоритель, агитировать и уговаривать, к заготовителям лозы прибежал запыхавшийся от счастья Михаил.

— Давайте ножи, точило нашел! — почти закричал он.

Этому сообщению обрадовались не меньше, чем если бы узнали, что немцы совсем ушли и путь свободен. Острый нож был сейчас главной мечтой лозорезов.

— Так, товарищ командир, вы сюда точило тащите, — попросил один из бойцов Стародуба.

— Это валун величиной с копну. Он весь в земле и только небольшая макушка сверху, — ответил Михаил. — Давайте ножи, я пойду наточу, а вы отдохните. Ефим, готовь завтрак, искроши половину хлеба. Первыми накорми лозорезов.

После завтрака с новым рвением взялись за дело. Теперь на резке лозы управлялись двое — Михаил и Ефим, а остальные занялись плетнем.

Но немцы к обеду тоже зашевелились. Они еще раз предупредили по радио, что не желают гибели русских героев и особенно снайпера, но закончили свою речь угрозой в тринадцать ноль-ноль все живое на острове уничтожить.

Михаил пошел на совет к Стародубу. Узнав о том, как идут дела с плетнем, Стародуб, немного подумав,

заговорил тихо, с расстановкой. Ему, видно, было хуже, чем вчера. И все же он нашел в себе силы говорить.

— Во что бы то ни стало оттянуть атаку. Врите что угодно. Обещайте сдаться к вечеру. Только бы дотянуть до ночи.

— У меня такая мысль, Сергей Петрович, — заговорил Михаил, чтобы дать больному отдышаться. — Выйду к ним на переговоры.

— Только не ты! — нетерпеливо возразил Стародуб.

— Ну хорошо, Ефим. У него голос как иерихонская труба, — поправился Михаил. — Он скажет, что сейчас мы решили сделать операцию раненому, вытащить осколок. И потом готовиться к возвращению с острова на милость победителей. Для пущей убедительности попросим их не стрелять, если мы разведем костер, чтоб нагреть воды для промывания ран.

— Убедительно, — согласно кивнул Стародуб.

— А костер разведем в дальнем конце острова, где никого у нас нет. Если не вытерпят, начнут стрелять по костру, ну и пусть смолят.

— За полдень, если они начнут нервничать, можете даже вывесить белый флаг...

— И будто бы начать восстанавливать кладку, — закончил Михаил. — В общем попробуем протянуть до вечера.

Не дожидаясь времени назначенной атаки, Михаил послал Ефима на переговоры. Повесив на палку белую рубашку, Ефим вышел к тому месту, где была кладка, и окликнул немцев.

Те тоже выслали своего парламентаря. Переговаривались, а вернее, перекрикивались через болото они долго, потому что Ефим по каждому вопросу советовался

с замаскировавшимся позади Михаилом. Да и немецкий солдат, видно, отвечал не сам, тоже прислушивался к голосу командира.

Немцы предлагали проложить свою кладь к острову. Но партизаны отказались под тем предлогом, что им это сделать легче, поскольку у них под руками готовые жерди.

Время для начала восстановления кладки было назначено на 16 часов.

Вскоре на осажденном острове задымил костер. А партизаны еще с большим напряжением продолжали делать плетневые щиты.

Михаил послал на это дело даже пулеметчиков и стрелка, просидевших ночь в засаде. В окопе за пулеметом теперь сидел Ефим. А в другом месте с винтовкой залег Михаил.

Было без десяти шестнадцать, когда на немецкой стороне заметили сигнализацию зеркальцем с осажденного острова. Немец, наблюдавший за островом, понял, что зеркальце поблескивает с определенной закономерностью. И догадался, что это азбука Морзе. Он доложил начальству, и вскоре в его окоп прибежал ефрейтор, который стал записывать то, что сигнализировало зеркальце.

Кто-то из партизан сообщал, что он втайне от своего начальства хочет вступить в сговор с немцами, если они потом сохранят ему жизнь. В знак того, что сигнал его получен, он просил ровно в шестнадцать вместо обычного «Русские солдаты» сказать по радио: «Партизаны».

Так и получилось. В шестнадцать ноль-ноль с немецкой точностью заговорило радио.

— Партизаны! Мы боимся за судьбу вашего раненого товарища. Ведь у вас никаких медикаментов. Немедленно решайте вопрос о переходе к нам, и мы спасем вашего больного, а вас сытно накормим.

— Когда птичку ловят, ей ласково поют, — с хитрой улыбкой прошептал Михаил.

Немцы уговаривали, ублажали, грозили.

А зеркальце сообщало:

«Не верьте брехне нашего политрука. Раненого мы не оперировали. Политрук просто тянет время, не хочет, чтоб мы сдавались живьем. А мы вторые сутки голодны. Просим, поддержите нас пулеметным огнем. Мы с ним расправимся сегодня ночью, восстановим кладку и перейдем к вам. Сигналом будет костер, который мы зажжем в два часа ночи. Ударьте по костру. Согласие сигнализируйте по радио словами: «Завтра вы умрете от голода».

Немцы оперативно вставили эти слова пароля в конец своего выступления по радио. И, видимо, для острстки дали несколько пулеметных очередей в сторону острова, но на этот раз стреляли выше обычного.

Михаил пришел к Стародубу и с веселой улыбкой вернул ему серебряный портсигар с никелированной внутри, зеркально чистой крышкой.

— Ну? Поверили? — так и рванулся раненый.

— Кажется, клюнуло, — сверкнув белым зубом, улыбнулся Михаил.

После жаркого дня туман над болотами поднялся сразу же, как зашло солнце. И партизаны тут же поволокли первый щит на болото. Впереди на «лыжах»

шли земляки-вологодцы. Когда положили первый плетень и понесли по нему второй, оказалось, что плетень хорошо держит человека, идущего даже с тяжестью. Значит, носилки с раненым пройдут!

В двенадцать часов двое самых сильных, хотя и неравных ростом, Михаил и Ефим, уже несли раненого на двух длинных палках, выстроганных из жердей, что были на кладках. Рассчитали, что чем длиннее носилки и чем дальше друг от друга идут бойцы, несущие их, тем меньше вдавливается плетеная дорога.

К тому времени, когда на острове должен был вспыхнуть костер, сигнал для немцев, Михаил снял пулеметчика с поста, и последними они покинули остров. С огромным, правда, трудом им все-таки удалось утащить первый щит на болото, чтобы в случае погони немцы не смогли сразу же пойти по дороге, построенной партизанами.

Светало, небо на востоке прохладно зеленело, когда отряд дошел до конца незнакомого острова и остановился возле речушки.

— Кто умеет плавать, огребаясь ногами, а руками держать тяжесть? — спросил Михаил.

Таких оказалось трое, а сам он четвертый.

— Вчетвером не сумеем вплавь перенести носилки так, чтобы не намочить Сергея Петровича, — огорченно заметил он.

— Сумеем! Волоком, — вызвался Ефим. — Если к носилкам привязать веревку и одному тащить с другого берега, то достаточно пловцам только немного поднимать снизу носилки, и они поскользят, как лодка.

Веревку вязали из ремней, рубашек, портянок. Близкая свобода делала людей сильными, находчивыми, решительными. Наконец все разделись и пошли в воду, держа одежду над собой.

Вскоре и речка осталась позади, так же как и остров, и болото с немцами на берегу, которые в конце концов подняли ураганную стрельбу. Партизаны вошли в сухой смешанный лес, где было тихо и, казалось, даже тепло. Посмотрели друг на друга и молча обнялись. Гулко билось сердце. Одно сильное, мужественное сердце партизанского отряда. Стародуб посмотрел на своих друзей и пальцем подозвал их всех.

— Спасибо. Всем выношу благодарность от имени командования сто семьдесят шестого полка, — тихо и торжественно сказал он.

Миша недоуменно посмотрел на командира.

— Не думай, Миша, что у меня жар и бред, нет, — продолжал Стародуб. — Вы сейчас спасли и себя, и меня, и знамя нашего полка. — Он повернул голову и умоляюще посмотрел на Михаила. — Прости Миша, что я не сказал тебе сразу, но нам с тобой было не до того. А теперь скажу всем: знамя моего полка спрятано в окопах Быхова, где перед войной стоял наш полк.

— Мы найдем его, соберем людей, и полк снова начнет действовать! — горячо подхватил Михаил.

— В тылу врага такой полк может творить еще больше, чем на фронте! — крепко сжав свой увесистый кулак, добавил Ефим.

И партизаны тут же стали обсуждать план похода к Быхову.

Здесь, во вражеском окружении, они особенно ост-

ро почувствовали, как много значило само понятие «знамя полка».

Знамя для этой горстки блуждающих по лесам воннов было теперь не только символом воинской чести и доблести. За этим словом стояла Родина, зовущая, словно мать, попавшая в беду.

Стрельба позади все усиливалась. Над лесом просвистело несколько мин. Взорвались они в разных местах, далеко от цели. Немцы, видно, открыли обман, прорвались на остров и стреляли через болото наобум.

Лодка подплывала к знакомому месту. Михаил сидел на носу и внимательно смотрел на деревья по правому берегу, искал то единственное, за которым нужно повернуть направо, чтобы причалить против лагеря. По мере приближения к нему Михаил чувствовал, что сердце бьется все сильнее, а во рту сохнет, как в жаркий день, и думает он больше всего о воспитательнице, оставшейся в этой глуши с осиротевшими детьми. Бледная, очень красивая, стоит она на берегу и ждет его.

«Черт возьми! — выругался Михаил про себя. — Неужели влюбился? Нашел время!»

Вот и старая, наклонившаяся к воде ольшина с зеленой бородой мха под нижней веткой. По знаку Михаила лодка круто завернула вправо и, прошуршав по чахлому камышу, уткнулась в торфянистый берег.

Михаил выскочил на берег и тут же услышал над самым ухом:

— Стой! Кто идет? Пароль!

И хотя голос был явно детский, Михаил невольно схватился за пистолет. Но тут же узнал Адамчика, стоявшего в дупле старой огромной вербы. Мальчишка весело улыбался.

Лагеря Михаил не узнал. Слева, по ходу от реки, было повалено еще несколько огромных берез и елей, создававших довольно надежный барьер. А справа одна за другой бойко выглядывали из земли оконцами три землянки, сделанные по всем правилам строительства таких жилищ. Крыша каждой землянки была обложена дерном и сливалась с землей, покрытой травой. То, что это землянки, выдавали только оконца, поставленные прямо над землей, да двери, тоже до половины скрытые под землей. Даже дымоходы были замаскированы сверху корявыми березовыми ветвями.

— Да когда ж это вы успели построить? — удивленно спросил Михаил.

— Одну еще до прихода ваших. А две уже вместе, — гордо, словно был главным в этом деле, ответил Адамчик. — Дерн носили мы сами, ребята.

— А окна, двери откуда?

— Когда лили сильные дожди, товарищ комиссар плавал куда-то на лодке и привез. Даже кирпичей достал для печки. Наверно, из заброшенного дома.

«Да-а. Батальонный комиссар превратился в начальника хозяйственной части этого детдома», — подумал Михаил и вдруг остановился в растерянности.

Из ближней землянки выскочила Эля в сопровождении троих ребятшек.

Мальчишки ухватились за Михаила, как за родного. А Эля остановилась на почтительном расстоянии и, вытирая пальцем слезы, смотрела на него с нескрываемым

восторгом. На несмелое приветствие Михаила она одними губами прошептала:

— Хорошо. Ой, как хорошо, что вернулись...

Не находя, что ответить, Михаил виновато оглянулся и тихо промолвил:

— У нас тяжелораненый там, в лодке.

Эля тут же побежала к речке.

А из землянки уже выходили знакомые и незнакомые партизаны.

НА ВИДУ У ВРАГА

**САМ СЕБЯ
ПЕРЕХИТРИЛ**

**ПРОПАЛИ
БЕЗ ВЕСТИ**

Наступили холода. Лужицы по утрам покрывались прозрачным хрусталем. И Стародуб стал опасаться, что за тепло не успеют забрать знамя, а когда земля промерзнет, да еще и снегом покроется, искать будет труднее.

И вот в одно холодное утро, когда дыхание приближающейся зимы стало особенно явственным, он сказал Михаилу, что надо готовиться к походу.

— Правильно! — обрадовался Михаил. — Вы нарисуйте карту, а мы сами найдем.

— Да, клад графа Монте-Кристо был вон в каком тайнике, и то нашли. А уж на своей земле-то не отыскать, — уверенно заметил Володя Кравчук.

— Сокровища графа Монте-Кристо охранялись только морскими приboями да чайками, — задумавшись, возразил Стародуб. — А наш клад, может быть, теперь под гусеницами фашистских танков. Знамя спрятано в окопе, недалеко

от наших казарм. Немцы могут воспользоваться нашими казармами...

— Это верно, — согласился Дмитрий Артемьевич. — И все-таки мы пойдем без вас, дайте только подробный план.

— Нет, я сам буду искать.

— Тогда это будет не скоро, а зима на носу.

— Мы поплывем на лодках. За неделю доберемся, и я за это время на ноги встану.

— Это рискованно, — заметил Чугуев, — рана у вас серьезная, так скоро не заживет.

— Поверьте мне, — умоляюще глядя в глаза батальонного комиссара, говорил Стародуб, — я чувствую, что скоро начну ходить. В лодке я поправлюсь. Ведь плыть целую неделю.

Но на стороне Чугуева оказался весь отряд, и пришлось Стародубу чертить план места последнего боя да рассказывать все, что помнил о местности...

В этот же день отряд на трех лодках отправился вниз по течению. Элю взяли в качестве санитарки. А Чугуев, Стародуб и доктор с тремя бойцами остались хозяйничать в лагере.

По опушке леса мела колючая стремительная поземка. В лесу было тише, но все равно руки и ноги мерзли. Приходилось пританцовывать, переминаться с ноги на ногу и дуть на руки. А командир и комиссар с рассвета стояли в ольшанике, рассматривали в бинокль село, казармы в километре от села и развороченную землю чуть в стороне от казарм — место, где были окопы. Были. Но где они начинались и где кончались, попробуй теперь узнать. На месте боя взорвалось не

меньше десятка бомб, которые все разворотили, все перевернули. И тем не менее Михаил надеялся, что командирский окопчик цел. Стародуб ушел с поля боя последним. Знаменосец закапывал знамя уже будучи тяжело раненным. В полночь немцы прекратили артиллерийский обстрел, и Стародуб ушел из окопа в лес. А утром едва ли немцы еще стреляли. Ведь казармы и окопы вокруг них не проявляли никаких признаков жизни. Так рассуждал Михаил, вспоминая рассказ Стародуба. И все же тревога не покидала его. Казармы действительно оказались занятыми фашистами. За полдня Михаил насчитал двенадцать немецких солдат, которые крутились, в основном, возле крайней казармы. А ровно в час дня из села показался целый взвод, с бравой песней шедший по проселочной дороге к казармам. По форме Михаил никак не мог определить, какого рода войск эти солдаты. Вооружены они были автоматами. Только командир шел с пистолетом на боку.

Взвод еще был далеко, а обе двери крайней казармы раскрылись нараспашку.

— Непонятно, — только и сказал Михаил, передавая бинокль комиссару.

Но долго комиссару не пришлось пользоваться биноклем. Немцы на ходу разделились на две группы и вошли в открытые двери казармы. А минуты через три они стали выводить оседланных коней.

— Кавалеристы! — вскрикнул Михаил и, выхватив бинокль, прилип к окулярам.

Дмитрий Артемьевич с доброй улыбкой сказал:

— Ты смотришь на них голодным волком!

— Сейчас бы вскочить вон на того вороного с белыми копытами и ускакать в степь, — отвечал Михаил,

глотаю слюну. — Ветер в ушах поет. Крылья вырастают!

— Да-а, представляю, что бы ты творил, если б тебя в степь во главе кавалерийского отряда пустить по тем местам, где Щорс водил свои полки! — явно любуясь другом, промолвил Дмитрий Артемьевич.

— Не было бы фашистам покоя ни днем ни ночью! — услышали оба у себя за спиной и резко обернулись.

Рядом стояла Эля с солдатским котелком в руках.

— Меня послали к вам с чаем. Вот хлеб и сало, поешьте, ведь вы с самого утра...

— Что за чай! — сердито и встревоженно спросил комиссар. — Вы что там, костер развели?

— Ребята ходили в лес, за три километра отсюда. Там дым по лесу расходился, — пояснила Эля. — Но ведь согреться вам надо.

— Смотрите, смотрите, как он скачет! — воскликнул Михаил, опять приставив к глазам бинокль.

— Да, они-то скачут здорово, — задумчиво ответил комиссар, подавая Михаилу кусок хлеба с салом и жестяную кружку чаю. — А как мы будем от них скакать, если не сумеем подойти бесшумно?

— Никакого шума, конечно! — отрезал Михаил. — Вот же Элеонора Семеновна подкралась к нам так, что и не заметили. — И, передав Эле бинокль, он кивнул Дмитрию Артемьевичу, и они уселись возле чайника.

— Смотрите, Эля, и считайте лошадей и солдат, — попросил комиссар. — Может, мы ошиблись.

— Вы сколько насчитали?

— Сорок два коня, — ответил Михаил. — А солдат с ефрейторами тридцать шесть.

— Значит, у них шесть командиров? — сделала вывод Эля, глядя в бинокль. — А где же спрятано знамя?

Михаил, залпом выпив свой чай, встал, чтобы показать, где что расположено.

Дмитрий Артемьевич нарочно остался возле чайника. Он знал, что значит для Михаила Эля, хотя и не подавал никакого вида.

Через полчаса Эля с большой неохотой ушла к отряду. Немцы водили лошадей не больше часа. Увели их обратно. А сами, зябко поеживаясь, возвратились во вторую казарму. Тут они и остались ночевать.

Ночь пришла холодная, ветреная и, на счастье партизан, мглистая. В такую ночь можно подойти к часовому вплотную — и не заметит.

Михаил предложил после того, как найдут знамя, выкрасть лошадей. План его был дерзок и короток. Снять часовых. И, не поднимая большого шума, чтоб не разбудить солдат, вывести лошадей. А уж если в казарме, в которой ночевали солдаты, что-нибудь заметят, открыть огонь, отрезать путь к конюшне.

— Не стоит гнаться за двумя зайцами сразу, — ответил комиссар. — Сделаем главное, а там будет видно.

К окопам партизаны подошли, когда немец протрубил отбой.

— У них и труба-то лает по-собачьи, — прошептал Ефим Михаилу.

После отбоя во второй казарме сразу же погасли огни. Остался один, видно, у дежурного. В снежной мгле этот огонек чуть желтел тусклым размытым пятном. Командир, комиссар и Ефим долго стояли впереди отряда, присматриваясь, прислушиваясь. Наконец Михаил прошептал:

— Ефим, бери одного бойца и леском подкрадись

к казарме. Пока мы тут будем искать, ты поддержи на мушке часового, а твой напарник пусть остается по эту сторону казармы и смотрит в нашу сторону. Я помашу спичкой, когда закончим. Сразу возвращайтесь. Иди!

Ефим молча вернулся к отряду, стоявшему в пяти метрах. Навстречу ему вышла Эля, словно почувствовав, зачем он идет. Увидев ее, Ефим, молча, положив руку на плечо, увел с собой. Когда вошли в березнячок, Ефим шепотом объяснил задачу. Эля горячо пожала ему руку и спросила, нельзя ли ей следить за часовым.

— Там нельзя подойти так близко, чтоб можно было метнуть кинжал, — объяснял Ефим, вспомнив, как метко, на зависть всему отряду, Эля бросает кинжал.

— Вы правы, — кивнула Эля, примирившись со скромной ролью связного, ждущего сигнала командира.

Ко второй казарме подошли бесшумно и присели за углом. Ефим высунул голову из-за угла и стал следить за часовым, держа винтовку на взводе. А Эля стала смотреть в снежную мглу, где остался отряд. Чтобы определить, сколько они тут пробудут, Эля считала пульс. Обычно у нее было шестьдесят ударов в минуту, а сейчас — семьдесят. Все же она волновалась... Прошло очень много времени, а она насчитала только десять минут. За это время даже ветер повернул, стал дуть прямо в лицо.

Михаил, хорошо изучивший карту, первым подошел к командирскому окопу. Еще днем он видел в бинокль, что этот окоп засыпан землей после взрыва бомбы или снаряда в двух шагах. Он подозвал северянина и Скорика, бойца из отряда Стародуба, и показал, где надо копать.

— А по-моему, копать надо вон там, — подойдя

вплотную, сказал Василий, кивнув на бугорок, гладко заметенный снегом.

Михаил удивился этому предположению. Но, видя как уверенно настаивает северянин, разрешил ему одному копать там, где тот считает нужным, а сюда подозвал еще троих. Двое будут копать, а двое отдыхать. Знамя лежит в нише, прорытой в стенке окопа, в полуметре от дна. А глубина окопа — во весь рост. Значит, земли выбросить придется немало. Простой солдатской лопаточкой это сделать нелегко.

В отряде было всего лишь три лопаточки. Сейчас бы их все сюда. Но Василий уж очень уверенно настаивал, что командирский окопчик не здесь. Пусть попробует, может, он прав.

Так подумал Михаил и приказал всем, кроме тех, кто отрывает окоп, залечь в сторонке на случай, если лопатка натолкнется на мину или невзорвавшийся снаряд.

А северянин рассуждал совсем по-другому. Он просто-напросто боялся копать там, где указал командир. Стародуб рассказывал, что у них была противотанковая мина. Только использовать ее они не смогли. Мину присыпало землей после очередного взрыва снаряда, и командир с адъютантом потом ее не нашли. Она где-то здесь, в командирском окопе, и неизвестно, в каком состоянии. Начнешь копать — и подорвешься. Пусть копают другие. А ему, Василию, хочется еще собственными руками пустить под откос немецкий эшелон или совершить другой какой подвиг, чтоб домой вернуться героем, о котором говорили бы все и везде.

Василий не рыл, а разгребал землю лопатой. Он делал это осторожно, как археолог. Вдруг попадется граната или невзорвавшийся снаряд, так он тихонько

с ним разойдется, отложит в сторонку или отбежит сам и других предупредит. Опять же геройство. А стал бы он копать вместе с другими, неизвестно, что случится. Ударит лопатой в ту потерянную мину, и конец...

Когда командирский окоп был до дна очищен от засыпавшей его земли, Михаил сам спустился в него и стал шарить по стенке руками, искать нишу. Везде земля была твердая, не поддавалась нажиму руки. Мелькнула мысль, что, может быть, северянин и прав — командирский окопчик был там, где роет Василий. И Михаил решил уже послать бойцов с лопатами на помощь северянину. Но перед этим еще попробовал постучать по стенке кулаком и послушать, как звучит. Обстукивание ничего не давало, кругом была глухая, твердая стена в сплошной, спрессованной веками земле. И вдруг под ударом кулака раздался глухой, ватный звук. Михаил ударил еще и еще. Стало ясно, что здесь в стенке земля была когда-то разрыхлена. Выхватив лопаточку у бойца, сидевшего в углу у окопа, Михаил стал лихорадочно вкапываться в нишу. Выгреб всю землю, какая охотно поддавалась лопатке, но ничего не нашел. Ниша шириной в полметра уходила в стенку на длину всей руки и там вдруг проваливалась. Михаил в тревоге запустил руку вниз, и рука его нащупала плащ-палатку. Потянул ее. Одним рывком вытащил сверток. К нему приблизился боец, до сих пор молча стоявший за спиной.

— Нашли? — спросил он в нетерпении.

— Кажется, оно, — ответил Михаил, быстро разворачивая плащ-палатку. — Да! Знамя!

Он снова завернул в плащ-палатку свою находку и, первым выскочив из окопа в усилившуюся метель, почти не остерегаясь, позвал:

— Комиссар, ребята! Знамя!

Но вдруг с той стороны, где рыл Василий, Михаилу плеснуло в лицо огненной лавиной, и он упал навзничь...

Эля чем дальше, тем больше напрягала зрение. А когда прошло больше часа, начала беспокоиться. Вечерняя поземка переходила в метель, и командирского сигнала можно было не увидеть.

Когда часовой ушел к противоположному углу казармы, Эля приблизилась к Ефиму, и шепотом они договорились подождать еще десять минут, а потом Эля сходит к окопам, узнает, что там и как.

Ефим хотел что-то сказать ей, как вдруг оба одновременно увидели над окопами высокий, как смерч, всплеск пламени, вслед за которым донесся тяжелый взрыв, потрясший всю землю.

Эля и Ефим ухватились друг за друга в ужасе. Обоим показалось, что весь отряд взорвался и погиб до единого человека.

Немец-часовой, услышав взрыв, тут же выстрелил из винтовки подряд три раза. Ефим прицелился и выстрелил в него.

— Сейчас все выбегут из казармы, так хоть не будут знать, в какую сторону стрелять.

И действительно, выбежавшие из казармы полураздетые фашисты подняли стрельбу во все стороны. Им важно было не подпустить к казармам неизвестного неприятеля.

Ефим и Эля ушли в лес, в сторону, куда должен был отходить отряд.

А отряд в это время углублялся в лес напрямик. Намеченным прежде путем отходить было нельзя, там большой участок поля простреливался. Впереди отряда

на самодельных носилках несли тяжело раненного Михаила. Он был без сознания. Под головой у него лежала его находка.

Очнулся раненый утром и сразу спросил, где Ефим. Он назвал только это имя.

Ему с грустью ответили:

— Эля и Ефим не пришли. Комиссар сам под пулеметами немцев ходил на то место, где были в засаде двое разведчиков, но никакого следа не нашел.

Михаил болезненно сморщился, закрыл глаза и покаялся, задыхаясь от боли:

— Мы их найдем. Обязательно найдем!

По снежной целине отряд входил в большой старый лес.

Грустно потрескивала сухая смолистая лучина, да за окном шелестела снежная пороша.

Стародуб, совсем уже выздоровевший, и Михаил, поднявшийся на ноги, но еще не выходивший на улицу, сидели за массивным столом из горбылей. В углу, за спиной Стародуба, на древке стояло знамя полка. Когда в печурку попадала очень смолистая лучина и землянка ярко освещалась, на знамени вспыхивали золотые буквы: «Пролетарии всех стран...»

Возле знамени на стенке висели автомат Стародуба и снайперская винтовка Михаила, добытая в недавнем бою группой подрывников.

Прошло две недели, как отряд возвратился со знаменем. Первое время все надеялись, что Ефим и Эля просто отбились от отряда и вот-вот придут. А потом стало ясно, что они уже не придут — миновали все сроки...

Михаил очень переживал потерю друга. Об Эле он молчал. Но Стародуб догадывался, что это его первая невозвратимая потеря...

— Поправишься, пойдем туда всем отрядом. Узнаем у жителей, что случилось с нашими товарищами, — говорил Стародуб. — И уж если они живы, вырвем из любых застенков.

Дугинец Андрей Максимович

ИСКРЫ ПОД ПЕПЛОМ. Приключенческая повесть. М., «Молодая гвардия», 1970.

176 с. (Честь. Отвага. Мужество.)

P2

Редактор *С. Михайлова*

Оформление художника *Н. Михайлова*

Художественный редактор *Б. Федотов*

Технический редактор *З. Сутченко*

Корректоры *Г. Киселева, З. Федорова*

Сдано в набор 26/VI 1970 г. Подписано к печати 2/XI 1970 г. А00754. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 5,5. (усл. 7,7). Уч.-изд. л. 6,7. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Т. П. 1970 г., № 209. Заказ 1287.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушевская, 21.

Андрей Максимович Дугинец родился в 1919 году. До войны работал учителем. Всю войну сражался в партизанских отрядах, сначала на Украине, а после ее освобождения был заброшен в Словакию, в Банку-Бистрицу, центр словацкого народного восстания.

Во время войны писал рассказы и очерки о партизанах для подпольной газеты «Сын Украины», сотрудничал в журнале Ровненского подпольного обкома партии «Народный мститель», был редактором этого журнала.

Первая книга Андрея Дугинца «Золотая чаша Байтемира» была опубликована в 1951 году. Затем вышли в свет повести «На бессудной земле», «Тень Кантипа», «Шапка Мамбета», «Трудное счастье», роман «Стоход». В серии «Честь, отвага, мужество» была напечатана повесть «Наказ Вацлава Гудбы».